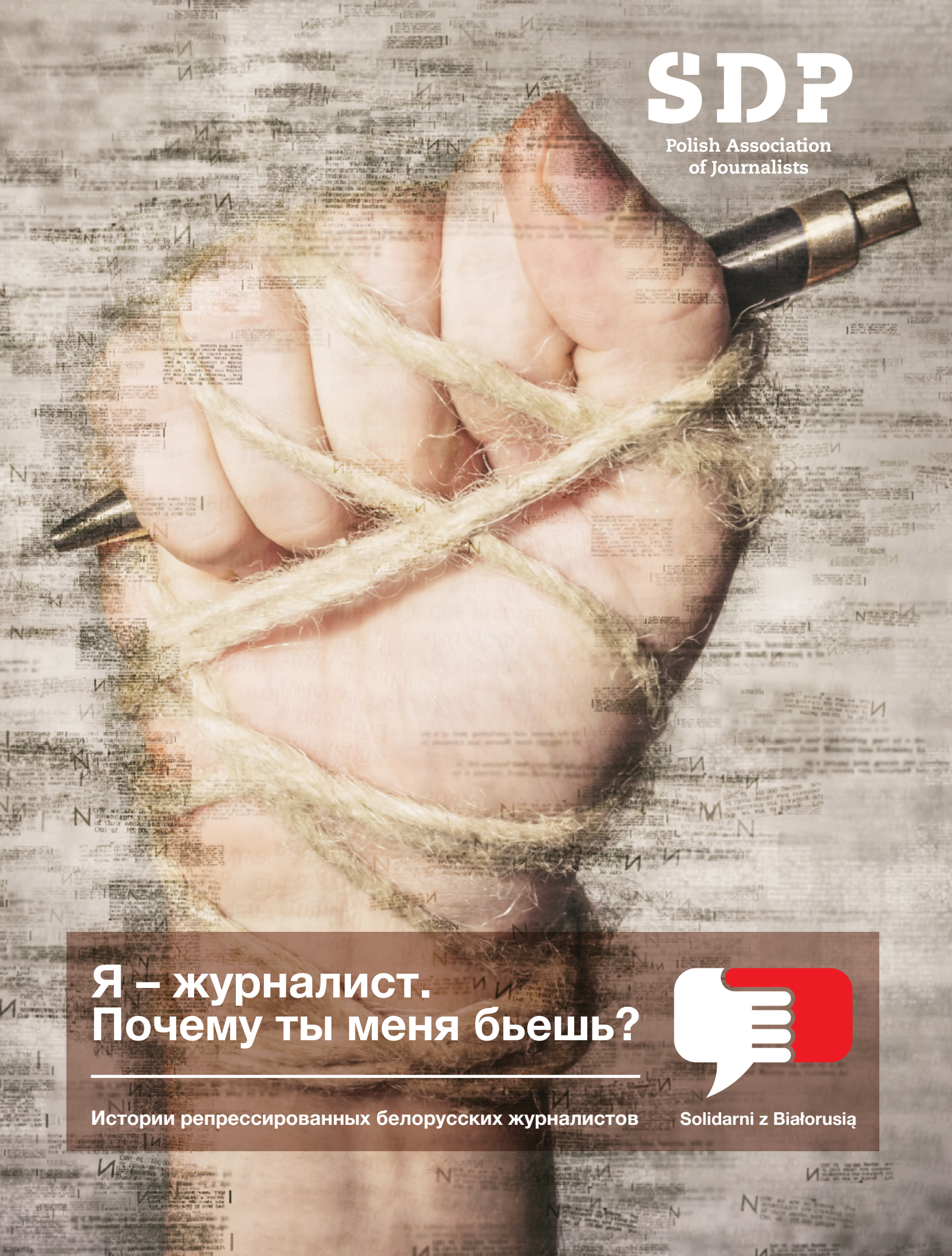


SDP

Polish Association of Journalists

Я – журналист. Почему ты меня бьешь?

Истории репрессированных белорусских журналистов

Solidarni z Białorusią

ISBN 978-83-66799-00-4
Я – журналист. Почему ты меня бьешь?
Союз польских журналистов, ul. Foksal 3/5, 00-366 Warszawa

Редактор: Сергей Томиленко

Авторы: Назарий Вивчарик, Єкатерина Андреева, Оля Ивашенко, Игорь Ильяс

Корректировка: Алена Линевич

Графический дизайн: Зофия Шиманская

© SDP Creative Commons Атрибуция – Международная публичная лицензия

Я – журналист. Почему ты меня бьешь?

Истории репрессированных белорусских журналистов

В солидарности наша сила!

«Не бейте меня — я журналист». Эта книга проявляет солидарность, которую выражают журналисты Украины и Польши белорусским коллегам, пострадавшим и страдающим сейчас от репрессий режима Лукашенко. Ведь все они — избитые и брошенные в тюрьму за участие в мирных акциях протеста — просто выполняли свою работу! Трудно поверить, что такое возможно в Европе в XXI веке. И по свидетельствам журналистов Беларуси, мы узнаём о грубых избиениях, унижении человеческого достоинства, увечьях, психологических травмах, пренебрежении к правам журналистов.

Этим сборником мы хотим предать большой огласке эту проблему , привлечь внимание широкого круга людей в наших странах — Польше, Украине, Беларуси и во всем мире

Агентство УНИАН / Киев

— к бесправию и уязвимости наших коллег в современной Беларуси. Соответственно — приложить все усилия, чтобы прекратить их преследование.

Эта книга — сборник интервью и очерков о 20 белорусских журналистах, которые рассказывают о пытках, ранениях, психологическом давлении, обо всём том, что им лично пришлось пережить в процессе своей работы. Это свидетельство нарушений права на профессию, свободу слова, прав человека в нынешней Беларуси. Это наиболее

красноречивая документальная форма, ведь сами пострадавшие рассказывают о преследовании, чтобы каждый мог почувствовать, понять, что сейчас происходит в соседней с нами стране.

Многие сутки в изоляторе, задержание на глазах у ребёнка или просто в прямом эфире, лишение статуса СМИ, обыски, ранения, избиения, увечья. И это касается как мужчин-журналистов, так и женщин-журналисток. Коллеги рассказывают, что опознавательные знаки «Пресса» уже не спасают, а наоборот — служат определённым маркером для задержания.

Эти истории правдивы, а поэтому ещё более трудны для восприятия, понимания. Сознание не хочет принимать их за истину. Но всё действительно так. Жестоко и не один раз избитый тележурналист «Белсат» Сергей Герасимович после заключения вынужден был прилагать немало усилий, чтобы вернуться к реальной жизни, вылечиться. Не одну неделю лечилась, а потом разрабатывала ногу журналистка газеты «Наша нива» Наталья Лубневская, которой силовик почти вплотную выстрелил в колено. А сколько людей просто в прямом эфире увидели, как задерживают журналиста «Еврорадио» Михаила Ильина, который даже не смог договорить предложение! Сегодня, пока мы готовим этот сборник, ещё часть наших белорусских коллег арестована или скитается по судам. Ежедневно количество нарушений прав журналистов в Беларуси только растёт.

Для украинских журналистов эти события прежде всего напоминают бурные дни в Украине, на Майдане

Независимости в Киеве с конца 2013 года по 2014 год, когда были зафиксированы сотни инцидентов грубого нарушения прав журналистов, увечий при исполнении ими профессиональных обязанностей. Поэтому мы, как никто, можем понять, в каких условиях сейчас находятся белорусские коллеги, что они чувствуют. Заметим при этом: как в Украине, так и в Беларуси журналистские профессиональные сообщества, объединения журналистов отмечали и отмечают — журналисты не являются частью конфликта или глобальных общественных дебатов. Они лишь выполняют свой долг по информированию граждан о важных общественных событиях, которые происходят, и свидетелями которых они становятся. Поэтому среди задач книги есть и такая: донести до читателей, а может и власти, мнение, что журналисты не воюют за власть в Украине, Беларуси и других странах. Они выполняют ту классическую общественную миссию, которая и возложена на них самим обществом.

Авторами сборника выступили украинский журналист, ответственный редактор черкасского сайта «Прочерк» Назарий Вивчарик и белорусская журналистка, корреспондент телеканала «Белсат» Екатерина Андреева. Нашей белорусской коллеге написание текстов далось нелегко, ведь она сама почувствовала на себе беспрецедентно жёсткое давление со стороны власти на журналистов: её задерживали во время стрима с женского марша. Она побывала на Окрестина. А на финальной стадии подготовки сборника вновь была задержана во время освещения общественно значимых событий. Связь с ней оборвалась именно после того, как Екатерина переслала нам очерк о себе...

Назарий Вивчарик — журналист, освещал события Революции Достоинства 2013-2014 годов в Украине, включался в эфир центральных каналов, на зарубежное радио, в частности, комментировал события для Беларуси. За его репортажами из Черкасс следили в других регионах. Кроме того, Вивчарик — молодой украинский писатель, создаёт художественную прозу, издал несколько романов.

Итак, мы собрали свидетельства и истории, чтобы показать мировому сообществу, как власти Беларуси реагируют на мирные протесты своих граждан и какие ужасные вызовы стоят перед нами, нашей профессией. И никто лучше самих журналистов не расскажет, какие препятствия они вынуждены преодолевать, чтобы выполнять свою миссию: всесторонне, качественно и объективно информировать общество о том, чем сейчас живет страна, какие у нее проблемы. А публичность и огласка сегодня едва ли не единственный возможный механизм сдерживания дальнейшего нарушения прав журналистов.

Эта книга проявляет дружбу и солидарность трёх журналистских союзов, членов Европейской федерации журналистов — Польской ассоциации журналистов (SDP), Национального союза журналистов Украины (NUJU) и независимой Белорусской ассоциации журналистов (BAJ).

Сергей Томиленко
Председатель Национального союза журналистов Украины (НСЖУ)
Член исполкома Европейской федерации журналистов (ЕФЖ)

Содержание

08. Антон Трофимович: **Кровь с журналистского удостоверения вытерли о мою футболку**

Текст Катерина Андреева

16. Станислав Ивашкевич: **Били дубинками, потом загнали в камеру и раз за двое суток дали хлеб**

Текст Назарий Вивчарик

25. Валерии Уласик: **Уголовное дело, “концлагерь” и пытка рыбными котлетами**

Текст Катерина Андреева

35. Егор Мартинович: **Независимо от штрафов, суток, журналистика должна жить! Как главреду «Нашай Нівы» запретили выезжать из Беларуси**

Текст Назарий Вивчарик

42. Владимир Гридин: **Больше всего власти боятся картинки**

Текст Катерина Андреева

49. Михаил Ильин: **Сейчас журналисты на митингах в Беларуси должны иметь главную особенность – быстро бегать**

Текст Катерина Андреева

56. Алёна Дубовик: **Раздевали догола, били коленом в живот. Пытки в изоляторе на Окрестина**

Текст Катерина Андреева

65. Наталиа Лубневской: **Силовики ранили журналистку резиновой пулей**

Текст Назарий Вивчарик

72. Елена Довнар: **Карцер для начинающих. Как стажировка на “Белсате” закончилась месяцем ареста**

Текст Катерина Андреева

81. Сергея Герасимовича: **Я попал в камеру пыток**

Текст Назарий Вивчарик

90. Ирины Ареховской: **Когда в меня попала пуля, я сказала ”Ой” – и побежала дальше**

Текст Игорь Ильяш

100. Aleś Lauczuk: **Задержали нас вместе. Меня отправили в больницу, жену – в тюрьму**

Текст Назарий Вивчарик

107. Jauhienija Douhaja: **Сдохнешь – мне легче станет**

Текст Катерина Андреева

115. Wolha Iwaszenka: **Я думала, что попаду на массовую акцию, но оказалась практически на войне**

ТекстНазарий Вивчарик

123. Wadzim Zamirouski: **В изоляторе еще до суда нас водили смотреть пропагандистский фильм**

Текст Назарий Вивчарик

129. Daria Śpiewak: **Давно не чувствую себя защищенной как журналист**

Текст Назарий Вивчарик

136. Usiewaład Zarubin: **На митингах мы могли позвонить в любую квартиру, нас пускали, давали Интернет**

Текст Назарий Вивчарик

143. Ihar Karniej: **Протестные Еврозеки, или как попасть в новую Беларусь**

Текст Ольга Ивашенко

150. Kaciaryna Karpickaja: **Цинизм с котлетой из костей и гимн Беларуси и под грохот дубинок**

Текст Ольга Ивашенко

160. Катерин Андреева: **Репортаж с руками за спиной**

Текст Катерина Андреева

“Кровь с журналистского удостоверения вытерли о мою футболку”.

История Антона Трофимовича

15 июля Антон Трофимович вышел из дома на работу – ему предстояло освещать очередную акцию протеста в центре Минска. Как и все “полевые” репортеры белорусской службы Радио Свобода, он имел аккредитацию Министерства иностранных дел и рассчитывал, что ничего страшного с ним сегодня не произойдет. Через пару часов Антон окажется на полу автозака с разбитым носом, а силовики будут вытирать его окровавленное удостоверение о его же одежду.

“Руки за спиной, из носа хлещет кровь”

“Раньше коллег уже задерживали у меня на глазах. Я понимал, что моё задержание во время работы – это всего лишь вопрос времени. И не спасет никакая аккредитация, никакая жилетка “Пресса”. Но именно в тот день я этого не ожидал, почему-то казалось, что работа будет лайтовая. Собиралась просто очередь к Центризбиркому, чтобы подать жалобу на нерегистрацию альтернативных кандидатов в президенты. Правда, очередь выстроилась чуть ли не на километр”, – рассказывает Антон.

В тот день команда Радио Свобода (оператор и корреспондент) вела стрим от Центризбиркома. Антону редакция дала задание быть на подстраховке – снимать с другого ракурса на мобильный телефон. Кроме того, он передавал текстовые сообщения, подсчитывал длину очереди, фотографировал для соцсетей. Когда начались задержания людей из очереди, к Антону довольно спокойно подошёл сотрудник ОМОН и предложил проследовать в автозак.

“Но я показал удостоверение журналиста – и он отстал. Все уже собирались расходиться, когда я встретил свою коллегу Виолетту Савчиц. Я сказал ей: “Слушай, меня еще никогда в жизни не задерживали. А давай по приколу сделаем селфи на фоне автозака?”. Мы сделали пять-шесть кадров, посмеялись и пошли искать протестующих, которые успели разбежаться”, – вспоминает Трофимович.

Он не заметил, что вдоль дороги за ними медленно ехал темный микроавтобус без опознавательных знаков.

“В какой-то момент я просто обернулся и увидел, как на нас молча бежит целая стая, человек шесть в штатском и один в омоновской форме. Мне сразу сунули руку в рот, чтобы не кричал, оттянули челюсть вниз. Дальше всё, как в тумане. Удара я сначала даже не почувствовал, только понял, что руки уже за спиной в наручниках, а из носа хлещет кровь. Меня затолкали в бус с криком “На колени!”.

> Тот, который командовал остальными, наклонился и предупредил: “Будешь себя хорошо вести – тебе ничего не будет”. Куда везут – не сказали. Голову поднять было нельзя. Чтобы прочитать мое имя, один из них взял удостоверение, которое висело у меня на шее и вытер с него кровь о мою же футболку”.

Виолетту Савчиц тоже задержали и посадили в бус, но Антон не видел её, потому что стоял на коленях спиной к салону.

“Руки были очень сильно стянуты наручниками. За полчаса, что мы ехали, ноги затекли и я стал шевелить ими. Тогда один бросил: “Сядь на жопу, мы же не звери”. Что я чувствовал? Как ни странно, был спокоен – ни страха, ни злости не ощущал. Я понимал, что нельзя вступать в перепалку – это ни на что не повлияет. Но я не знал, к чему готовиться, ведь такого насилия по отношению к журналистам на моей памяти не было”, – говорит Антон.

Не позволяя поднять голову, силовики провели журналистов из машины в здание Заводского РУВД. В актовом зале поставили лицом к стене. Потом омоновцы ушли, а вместо них появились обычные милиционеры. Те вели себя, как ни в чем ни бывало: разрешили присесть на стул, разговаривали вежливо.

“Впечатление было такое, словно после пребывания в плену попадаешь к нормальным людям.

Архив Трафимовича

Ведь то, что произошло, было настоящим похищением… Мы потребовали позвонить пресс-секретарю минской милиции Наталье Ганусевич. После этого звонка они перестали переписывать наши вещи и составлять какие-то бумаги. Через час пришел начальник отдела охраны общественного порядка, начал шутить, рассматривал наши паспорта, а потом сообщил, что мы свободны. Ни протокола, ни каких-либо документов о задержании нам не выдали. Я сказал: “Надеюсь, мы с вами больше не увидимся”. Но на следующий день мы с ним снова увиделись”.

Акт устрашения журналистов

Из РУВД Антон поехал в больницу, где ему на рентгене подтвердили перелом носа и наложили четыре шва. Кроме того, зафиксировали ссадину на голове и кровоподтек в глазу. Утром Антон подал заявление в Следственный комитет на возбуждение уголовного дела по статье 198 УК – воспрепятствование профессиональной деятельности журналиста. Затем он отправился в судмедэкспертизу, снимать побои. Прямо у входа в здание к Антону подошли двое, быстро показали удостоверение, отобрали телефон и повезли в участок.

“Я просидел там часа два, пока не выяснилось, что на меня всё же составили административный протокол за “неповиновение сотрудникам милиции”. Якобы я не подчинился и поэтому они применили физическую силу. Но ведь я даже крикнуть не успел! На прощание милицейский начальник сказал: “Ваше будущее, Антон Анатольевич, зависит от того, что вы будете делать”. Но я так и не понял, что имелось в виду”, – вспоминает Антон.

За пару дней до истечения срока действия протокола дело поступило

в суд, но его отправили обратно на доработку, а потом закрыли, потому что срок вышел. Тем временем из Следственного комитета сообщили, что проверка по заявлению Антона приостановлена. Он уверен, что дело на избивших его омоновцев не заведут. За три месяца протестов в СК пожаловались почти полторы тысячи пострадавших от действий силовиков. На момент публикации этого текста ни один силовик не был привлечен к ответственности.

Было ли жестокое избиение журналиста приказом сверху или “перегибом на местах”?

“Эти чуваки выглядели, как быдло с района. Они или с перепоя были, или решили друг перед другом похвастаться, померяться, кто сильнее. Все были в масках, но один мне запомнился особенно – в зеленой вязаной балаклаве. Именно он вытирал кровь с удостоверения, эта балаклава до сих пор стоит перед глазами… Всё это выглядело как акт устрашения для моих коллег – мол, смотрите, ребята, что с вами может случиться”.

Случай с Антоном Трофимовичем стал первым за пять лет нападением силовиков на журналиста. В начале 2016 года прямо в здании суда милиционеры в штатском избили корреспондента TUT.by Павла Добровольского.

“Тогда подобное считалось сбоем системы, чем-то из ряда вон выходящим, а в этом году оказалось лишь отправной точкой. Потом волна насилия только нарастала”, – говорит Антон.

“После стрима шли под овации, как суперзвёзды”

Три недели спустя после перелома Антон уже освещал выборы. Вечером 9 августа он работал на одном из участков, где в урну не вместились бюллетени, а желающие проголосовать выстроились в огромную очередь на улице. Оттуда он несколько раз вышел в эфир Радио Свобода и поехал в редакцию.

“По дороге мы с оператором заметили, что за нами пристроился

какой-то темный микроавтобус. Он буквально сидел у нас на хвосте. Коллега, которую мы подвозили, сообщила в эфир, что нас “ведут”. И сразу после этого бусик исчез. Хотя я уже был готов к тому, что моя работа в выборный вечер закончится”, – вспоминает журналист.

Из редакции съемочная группа отправилась в центр города, к Стеле (там был анонсирован сбор протестующих). Власти полностью отключили мобильный интернет и частично – связь. Но Радио Свобода смогло подключиться к вай-фаю в квартире с видом на Стелу и около часа показывала разгон демонстрантов в прямом эфире.

“Очень страшно было выходить после стрима из этого дома, я понимал, что там какая-то война началась. Про светошумовые гранаты белорусы узнали в ночь с 9 на 10 Я думал, резиновые пули – это как страйкбол, потому что мы никогда с этим не сталкивались. Раньше я работал только на одной революции – в Армении, и это была шашлык-пати на целый месяц. А здесь я впервые испытал страх за свою жизнь”.

Журналист и оператор должны были добраться до машины по ночным улицам, окутанным дымовой завесой от взрывов гранат.

“Всё вокруг гремит, из ниоткуда выходят раненые, показывают фото на телефоне...
Я думаю: ну вот что нас спасёт сейчас? Пластиковый шлем для сноуборда, тканевая жилетка? Мы идём все в поту с единственной мыслью, как спасти жизнь, а нас останавливают люди, видят жилетку “Пресса” и начинают аплодировать. Так и шли дворами под овации, как суперзвёзды. Около трёх ночи я наконец добрался домой и лёг спать

с понимаем, что освещал новый поворот истории. По-прежнему уже не будет”.

На следующий день протестующие начали возводить баррикады.

“Нам уже пора выехать туда, но я понимаю, что меня трясёт. На час ухожу в парк и просто гуляю в тишине. Потом возвращаюсь в машину, вздыхаю и еду к “Риге”, – рассказывает Антон.

Площадка у торгового центра “Рига” вечером 10 августа стала одной из наиболее горячих точек в городе.

“Среди стерильного, безопасного Минска мы увидели двух-трехметровые баррикады из мусорных баков, решеток. Кто-то в толпе кричал: “Все сюда, все на баррикады!” На моих глазах автобусы перекрывают дорогу, образуя барьер, чтобы силовики не проехали. Было ясно, что атмосфера накаляется и вот-вот взорвется. Мы с оператором стояли на крыше пиццерии, в 20 метрах от нас начинают стрелять, я кричу “Сваливаем!” Но оператор продолжал снимать и тогда я сказал: “Еще минута и я этим микрофоном разобью тебе лицо”. Со мной никогда раньше такого не было...”

Белорусские медиапартизаны

2 октября 2020 года министерство иностранных дел Беларуси опубликовало новые правила аккредитации для журналистов иностранных СМИ. Все выданные ранее аккредитации с этого дня автоматически переставали действовать. О таких мерах публично МИД никого из журналистов не предупредил.

Антон Трофимович был аккредитован с мая 2016 года и проблем с возобновлением документов никогда не возникало. Более того, последний раз ему продлили аккредитацию в конце мая – когда протесты уже набирали силу.

К слову, аккредитованных корреспондентов раньше в Беларуси не трогали – даже на протестных акциях, где задерживали участников.

“Вообще МИД считался самым прогрессивным ведомством, и был им – до этого лета. А тут десять журналистов Радио Свобода резко лишаются аккредитации. Всё к этому шло, ведь власти не один месяц обвиняли нас в в координации протестов, мол, из-за стрима люди возбуждаются и больше выходят на улицы. Глава МВД Караев приказал “разобраться с Радио Свобода” – вот и разобрались”, – объясняет Антон.

Как изменилась работа журналистов в новых условиях? Сейчас Радио Свобода вынужденно отказалось от стримов, от работы в кадре, даже от закадрового комментария. Корреспондентский пункт в Минске остаётся, но “в поле” журналисты собирают информацию крайне осторожно. Недавно Антон общался со спикером ночью, в тёмном дворе, но его успел сфотографировать “тихарь” и теперь опять вызывают в милицию – составили протокол по статье 22.9 КоАП (незаконное распространение продукции СМИ). Арест за это не предусмотрен, только штраф, но журналист не рискует заходить в участок. В наши дни в Беларуси вызов на беседу в РУВД может закончиться 15 сутками изолятора.

“Власти создали такие условия, что все журналисты стали медиапартизанами. Чтобы заполучить информацию, нужны прилагать невероятные усилия. Основной канал поставки этой информации аудитории – Telegram. Журналистика стала телеграм-ориентированный, а мы все – новостниками. Сегодня Беларусь – это не только уникальная история революции, но и беспрецедентный кейс на медиарынке. У нас тут за один день происходит больше событий, чем раньше за месяц. Этим летом мы проснулись в новой реальности”.

Назарий Вивчарик

“Били дубинками, потом загнали в камеру и раз за двое суток дали хлеб”.

История Станислава Ивашкевича

Еще 9 августа в Минске был задержан во время работы журналист “Белсата ТВ” Станислав Ивашкевич. Тележурналист просто исполнял свои обязанности, снимал видео, на входе здания школы, где находился избирательный участок. Его задержали милиционеры вместе с несколькими другими избирателями, которые дожидались подсчета голосов, несмотря на то, что Станислав несколько раз сказал им, что он – журналист. Его доставили в ЦИП ГУВД Мингорисполкома. Во время задержания избиений не было, видимо потому, что это происходило до начала протестов. Но в ГУВД он, вместе с остальными сокамерниками, подвергся избиениям резиновыми дубинками.

А в то же время в интернете распространялись громкие заголовки, коллеги подняли тревогу: «Автор фильма о женщинах Лукашенко пропал в Минске».

Дело в том, что Ивашкевич — ведущий телеканала «Белсат», журналист-расследователь. Он вместе с командой действительно снял фильм о женщинах Лукашенко, в котором, в частности, идет речь об интересе президента Беларуси к моделям.

Естественно, вовлеченная в протесты Беларусь в первую очередь думала о политическом подтексте задержания. Но нет же. Он пропал в Минске в день голосования на президентских выборах.

Утром 13 августа он вышел на свободу и написал сразу фамилии многих других коллег, о задержании которых знал.

«Им нужна поддержка международной журналистской солидарности. Журналисты других изданий были задержаны, избиты или ранены резиновыми пулями. Похоже, что сотрудники правоохранительных органов часто преследуют журналистов», – написал Станислав Ивашкевич в «Фейсбуке».

Сейчас он продолжает работать, историю с задержанием и избиением готов рассказать и считает, что о нарушениях в белорусском обществе нужно говорить.

– Я учился в Нью-Йоркском университете в Праге. Работал в компаниях по менеджмент консалтингу. Однажды ко мне обратились с белорусской службы Радио Свобода с просьбой временно почитать вечерние новости, потому что у них выбыл журналист, который этим занимался. Готовя выпуски новостей, я написал несколько аналитических статей и втянулся в журналистику. На «Белсате» я с 2013 года и честно признаться, меня задерживали не раз. Моя специфика – расследовательская журналистика. Поэтому много задерживали. Например, во время расследования коррупции, когда я заходил в кабинеты к чиновникам, чтоб взять комментарий о коррупционных схемах, неоднократно звали милицию

и писали заявления. Но каждый раз это было на несколько часов, все заканчивалось написанием заявления, после чего меня отпускали. А на Окрестино (изолятор в Минске – ред.) я был до этого лишь раз в 2001 году, когда был студентом, за участие в демонстрации. 20 лет назад я провел там ночь и на утро суд мне выписал штраф. А сейчас я провел в Окрестино две ночи и три дня, которые запомнятся надолго, – рассказывает журналист.

Действительно, задержания и штрафы для журналиста-расследователя не в новинку. Только пишем в интернете имя Станислава, и тут же находим новость, например, за 2017 год: «24 августа Лидский районный суд оштрафовал на 20 базовых величин (420 рублей) журналиста телеканала «Белсат» Станислава Ивашкевича, сообщает служба мониторинга ОО “Белорусская ассоциация журналистов”. Основанием для административного преследования стал сделанный журналистом сюжет о деревне под Лидой, которая тонет в навозе, что попадает туда из местного свинокомплекса. Сюжет вышел в эфир в конце июня и вскоре Ивашкевичу прислали повестку с требованием явиться в милицию для составления протокола. Ивашкевича обвинили в «незаконном распространении продукции СМИ» (ст. 22.9 КоАП) и работе без аккредитации».

При нынешних протестах в родной стране Станиславу Ивашкевичу пришлось особо сложно работать.

– На избирательном участке вечером в день выборов я снимал закрытие избирательного участка и объявление результатов голосования. Поскольку в день выборов было много работы, все группы были смобилизированы, кто-то был с оператором, кто-то просто снимал на телефон. Собственно, я и был один.

В какой-то момент избирательная комиссия отказалась пускать наблюдателей. Объяснений не было, их просто игнорировали. Кто-то стал писать заявление. Я стоял в стороне, снимал, брал интервью. В это время ворвался ОМОН, начал задерживать людей, в том числе и меня. Потом людей вывели к автобусу, который был припаркован во дворе этой школы. Я говорю ОМОН, потому что в данной ситуации это были они, но потом – в другие дни на митингах – людей стали задерживать и люди в черной форме без распознавательных знаков.

Эти люди выскакивали с бусиков в оливковой и в черной формах, но непонятно было, кто эти люди. Также были факты задержания людей неизвестными в гражданском. Потом журналисты раскопали, что это оперативники Отдела по борьбе с организованной преступностью, – рассказывает Ивашкевич.

Журналист вспоминает: в бусике задержанных охраняли обычные милиционеры, то есть патрульные. Пока не было начальства, они разрешили некоторым из задержанных позвонить родным. То есть было какое-то человеческое отношение. Потом ОМОН повез задержанных через город в Окрестино и видны были последствия столкновений силовиков с митингующими.

– Я видел покалеченных, раненого в грудь человека, который лежал на земле. Вместе с раненым

в милицейском автобусе ехал мой будущий сокамерник. Их везли лежа вповалку, поэтому его штаны были густо пропитаны кровью раненного. Потом он в камере рассказывал нам, что уже будучи задержанным и лежа в милицейском автобусе, он видел, через открытую дверь, как один силовик бросил второму помповое ружье и тот выстрелил два раза в упор в протестующего. Прибежал медик и кричал, что это два проникающие от огнестрела. Сам силовик кричал, что там вроде должны были быть резиновые пули. То есть, силовик был озадачен. Похоже, допустил, что ему бросили ружье с боевыми патронами… – вспоминает Станислав Ивашкевич.

Белорусский журналист говорит, что сначала никого не били, только переписали данные, отобрали личные вещи. Посадили в трехместную камеру 13 человек, и так задержанные пробыли без еды и нормальной воды двое суток.

– Один раз нам принесли буханку хлеба на камеру, и никто не взял себе последний кусочек. Это было символично. На счет воды, то пили с крана у умывальника, но вкус был неприятный. Дышать как-то было возможно. Рядом была шестиместная камера, где было 40 человек. И они периодически стучали, кричали, потому что им не хватает воздуха. Слышно было, как люди кричали, потому, что их били. А нас взяли до оглашения результатов выборов, поэтому думаю было как-то помягче. Потом, говорят, с задержанными обходились жестче. Но все-таки и у нас были неприятные ситуации. Один раз нас вывели во двор специально для того, чтобы избить палками. От нас требовали бежать по коридору, потом по лестнице вниз, вдоль всего пути стоял ряд силовиков в черном и каждый наносил по бегущему удар палкой. Мы вышли во двор, стали на колени к стене и нас били по спинам. Потом загнали обратно в камеру – опять «через строй» силовиков, которые подгоняли нас ударами палок. После этого, на третий день, были выездные суды. В Центр приехали судьи и в режиме конвейера начали штамповать всем по 10–15 суток ареста за участие в несанкционированном мероприятии. Мне оформили то же самое, – рассказывает Станислав Ивашкевич.

Журналист вспоминает, что все это время он думал как же передать сообщение родним, которые его искали. Можно только представить, что думали родные. Когда же к арестантам приехали судьи, он требовал адвоката, но на это не обращали внимания. Как и на то, что Ивашкевич постоянно акцентировал внимание на том, что он журналист, и работал на избирательной комиссии по заданию редакции.

– Судья отказалась просматривать видеозаписи моего телефона, из которых было понятно, что на участке я находился как журналист. Также отказались приглашать свидетелей – тех милиционеров, которые меня задержали в противоположном конце города, в отличие от того адреса, который был указан в протоколе. Судья учла лишь, что я ухаживаю за несовершеннолетним сыном, и в качестве исключения присудила мне штраф вместо нескольких суток заключения, как всем остальным.

Из сотен людей, которых осудили в тот день, на свободу нас вывозили только четверых, – вспоминает белорусский журналист.

Интересно, что выпустили Станислава вообще без ничего. Через несколько дней администрация тюрьмы запустила внутрь волонтеров, которые смогли отсортировать вещи, выкладывали все в группу в Телеграмме. Где-то на пятый день после задержания журналист увидел

свои вещи (кошелек, ключи, телефон), но не хватало ремня и часов. Позже все-таки нашел и эти вещи.

– Как все-таки вы себя чувствуете? – задаю главный вопрос после услышанного.

– Нормально. Все-таки это были только ссадины. Вот мой коллега (Сергей Герасимович – о нем будет отдельная история – ред.) несколько дней после тюрьмы мочился с кровью, у него до сих пор немеет нога. На счет меня – я не обращался сразу из-за избиения, ведь на тот момент понимал, что многие люди не могут защитить свои права. Но позже подал заявление в прокуратуру, – рассказал Ивашкевич.

Журналист говорит, что во время пребывания в тюрьме слышал возмущения силовиков, мол, зачем люди ходят на акции, ведь они там «с заточками и калечат правоохранителей». Но это говорили те, что занимались избиением, которые были в масках. А вот охранники, которые ходили по коридорах, иногда пускались в дискуссии, говорили, что Светлана Тихановская будет плохим президентом. Уже перед судом к журналисту нагнулся охранник и спросил: правда ли что всем на митингах платят по 70 рублей, но тот, конечно же, сказал, что это неправда.

Более того, Станислав вкратце рассказал контактов с силовиками в тюрьме.

– Те же, что нас били, кричали: «Мы вас сюда не звали», «Из-за вас мы тут работаем лишнюю смену», думаю, они себя подбадривали…

– А как на счет иностранных силовиков? Ведь писали в интернете многое, что в Беларусь приехали и россияне, – спрашиваю.

– Я думаю, эти слухи могли пойти от непривычного белорусскому уху акцента у некоторых силовиков. Но ранее Александр Лукашенко откровенно говорил о том, что приютил в белорусских ведомствах силовиков других стран. Например, после 2014 года с Украины поехали к нам «беркутовцы». Также, в нас происходит обмен между силовиками России в рамках учений. Но массового использования русских силовиков нет. Во всяком случае, те, которые кричали на нас и разговаривали с нами, у них была привычная речь. Иностранцев ми б услышали.

Сегодня, говорит журналист, ситуация в Беларуси продолжает быть напряженной. На митинги выходят разные социальные группы населения. Это и пенсионеры, и рабочие.

– Белорусы до сих пор не согласны с фальсификациями на выборах президента, хотят, чтобы Лукашенко ушел, прекратил насилие, провел новые выборы. Многие напуганы, но тем не мене, собираются десятки тысяч. В основном, конечно на выходных. И конечно, эпицентром протестов стает Минск. Хотя, и в других

городах есть акции. Кстати, интересный момент: видел, как подъехал к митингующим бусик, открылись двери, силовики выбросили светло-шумовую гранату, люди отпрянули, но потом бросились к бусику и тот уехал, не задержав никого. То есть очень решительно люди настроены. Также большое распространение имеют «дворовые чаты»: люди договариваются заблаговременно, собираются в дворах, развешивают флаги, общаются.

Кстати, недавно в «Фейсбуке» одного из белорусских журналистов радостно написал, что журналистское сообщество смогло передать одному из задержанных еду. Такие сегодня реалии Беларуси.

Станислава Ивашкевича недавно опять задержали, но уже в бусике его приняли за журналиста государственного телеканала и отпустили. Сейчас он не носит никаких распознавательных знаков СМИ. Говорит, что как раз на журналистов силовики иногда делают облаву. Поэтому лучше без знаков «пресса».

– Вообще, из-за действий силовиков есть чувство тотального и постоянного беззакония. Хотелось бы, чтобы ситуация изменилась в лучшую сторону, – сказал Станислав Ивашкевич.

Интервью со Станиславом Ивашкевичем было записано в предпоследнюю неделю октября. Перед тем как наступило 25 число, воскресенье, ми сверили с журналистом текст и он внес правки. Спешил до воскресенья, ведь в этот день ему предстояло работать, как говорится на профессиональном сленге «в поле».

«Работаю на протестах. Спишемся, если не задержат», – честно и откровенно написал мне белорусский колега.

Назарий Вивчарик

“Уголовное дело, “концлагерь” и пытка рыбными котлетами”.

История Валерии Уласик

Журналистка Валерия Уласик оказалась в эпицентре событий 9-12 августа, а потом стала подозреваемой по уголовному делу. О готовности к аресту и издевательствах в изоляторе, которые она пережила – этот рассказ.

Во время избирательной кампании в Беларуси Уласик сотрудничала в качестве журналиста-фрилансера с “Настоящим временем”. Поначалу ее появление в эфирах не предполагалось, она должна была оставаться за кадром. Однако съёмочную группу “Настоящего времени”, которая приехала из Праги, за два дня до выборов задержали в отеле “Минск” и депортировали из страны. В разгар массовых протестов Уласик работала на прямых включениях.

Валерия была в самой гуще событий 9-12 августа, когда силовики использовали спецсредства (светошумовые гранаты, газ, резиновые пули) против демонстрантов и журналистов. “Конечно, это было страшно и дико непривычно. Ты просто не понимаешь, что должно происходить в твоем городе, чтобы было столько взрывов. Вспышки света, дым, газ. Ты просто не веришь, что это происходит”, – вспоминает она.

Тогда журналистке повезло: она не получила ранений и не попала в руки силовиков. Но уже в следующем месяце ее забрали прямо из дома.

“Мы с мамой без слов понимаем: пришли”

Валерию задержали 8 сентября. В этот день, рано утром, в квартиру, где она живет с матерью Галиной

Уласик (редактором самого популярного в Беларуси новостного портала TUT.by), пришли силовики.

> “Было 7 утра. Я проснулась от того, что очень настойчиво звонят в дверь. Очевидно, звонит не сосед, не почтальон. Я выхожу в комнату к маме и мы без слов понимаем: пришли. И вот так мы сидели не шевелясь минут тридцать, пока они трезвонили.

Я написала знакомым, что, скорее всего, меня сейчас задержат. Начала чистить телефон – прятать-то мне нечего, но неприятно, если в моей переписке будут копаться”, – говорит Лера.

Затем звонки прекратились. Коллега Галины Уласик, которая живет в соседнем доме, успела передать: из окна она увидела, как трое в балаклавах вышли из подъезда, сели в машину и уехали.

“Я начала думать, что делать. Может, уйти, хотя бы вывезти технику? Но не успела. Они пришли еще раз и уже начали дубасить в дверь, а не просто звонить”.

Валерия и Галина всё же открыли дверь. Силовики заявили, что у них в квартире должен пройти обыск – в отношении Валерии ведется административный процесс по ст. 23.34 КоАП (нарушение закона о массовых мероприятиях). “Мама спросила, а почему у нас обыск проводится, если статья административная? Как это возможно? Тогда они сказали: тут еще и уголовка”.

Один из силовиков показал документ, где была указана статья КоАП 23.34, а ниже

– ч. 1 ст. 293 УК (организация массовых беспорядков).
“Я читаю вслух эту бумажку и в этот момент моя мама просто белеет”, – вспоминает журналистка.

Силовики сообщили Валерии, что она задержана. “Тогда я говорю: у меня голова мокрая. Подождите, мне нужно высушиться, я ведь заболею. И дайте хоть зубы почистить, я же вряд ли сегодня домой попаду. Вы ж не против? Написала начальнику, что на работу сегодня не приду и завтра, вероятно, тоже. Написала всем, кому могла. Отключила телефоны. Спрятала ноутбук, хотя они все равно нашли его. Специально долго сушилась, одевалась”, – рассказывает она.

Присутствовать при обыске Валерии не позволили. Её вывели ее на улицу и отвезли в Московское РУВД, где журналистке дали подписать протокол, сняли шнурки с обуви, сфотографировали и дактилоскопировали.

> “Меня везли в РУВД и постоянно приговаривали: ну что, где твои собратья-журналисты? Где твои друзья? Вот, никого нет – так ты всем нужна. Я, разумеется, это все мимо ушей пропускала. Я понимала, они так работают, пытаются вывести меня из себя.

Потом держали в камере: два шага в ширину, десять в длину, узкий бетонный “пенал” с бетонной лавкой у стены. А я в одной майке, холодно”.

В тот же день начался суд, он проходил дистанционно: Валерия оставалась в РУВД, а в заседании принимала участие через скайп. Основанием для её административного преследование стали две фотографии журналистки, которые она разместила у себя в соцсетях. На первом снимке она была возле БГМУ, где проводили акцию солидарности медики, а на втором – с цветами возле метро “Пушкинская” (на месте убийства демонстранта Алесандра Тарайковского). Этого оказалось достаточно, чтобы привлечь ее к ответственности за нарушение закона о массовых мероприятиях. Правда, в суде в итоге пришлось объявить перерыв: рассмотреть дело Валерии до завершения рабочего дня просто не успели.

“Это что, концлагерь?”

Прямо в суд за Валерией пришли двое сотрудников милиции в штатском и заявили, что повезут ее в Следственный комитет на допрос. Ее вывели во внутренний дворик РУВД, посадили в машину, продержали там около получаса, но так никуда и не повезли. “Видимо, отмашка так и не поступила”, – предполагает она.

“Наконец, приходят двое в масках и говорят: ну что, Валерия Александровна? Мы вас до суда отпускаем. Только зайдите обратно в здание, заберите свои вещи, байку, а то простудитесь и завтра на суд не придете. Меня передали дежурному в РУВД, он повел меня обратно внутрь”.

Однако силовики обманули Валерию: вместо того, чтобы отпустить, они снова бросили ее в “бетонный пенал”.

“Я стала стучать в железную дверь, требовала адвоката. Почему меня не выпускают? Мне холодно, плохо, я целый день не пила и не ела, не ходила в туалет, я хочу выспаться. Я безостановочно так кричала. Наконец, дежурный открыл дверь и спросил: что ты хочешь? Я говорю: хочу видеть адвоката.

Фото: Уласик

“Послушай, – говорит, – Я сейчас пытаюсь дозвониться человеку, который решает здесь что-то. А твой адвокат здесь не решает ничего. Давай, ты мне не будешь мешать дозвониться человеку? Я уже сам хочу, чтобы ты поскорее отсюда свалила”.

Ближе к полуночи Валерию посадили в милицейский бобик и повезли в ЦИП на Окрестина. Вместе с ней в изолятор везли девушку, которую задержали за кражу бутылки водки в магазине.

“Вот тут, конечно, у них получилось меня расстроить: сначала тебе говорят, что ты сейчас выйдешь, а потом четыре часа держат в холодной камере и увозят на Окрестина. Я уже сидела злая, шокированная”.

Молодой милиционер, который сопровождал Валерию до Окрестина, даже пытался проявить сочувствие к журналистке, когда узнал, что ее взяли за политику. Впрочем, этот жест, признается Уласик, никакого впечатления на нее не произвел: “Он ведь все равно находится в этой системе”.

“А за рулем ехали два невменяемых человека, которые орали друг на друга матом, говорили максимально грубые вещи. Отвратительно шутили и так же отвратительно смеялись. Там, по моим ощущениям, классов пять образования максимум – по риторике, по лексикону. Мой конвоир закатывал глаза периодически, мол, понабирали дебилов”, – вспоминает Валерия свой разговор с конвоиром.

“На Окрестина нас встречал какой-то мужчина. Орал, чтобы мы достали сережки

мне и девушке (которую задержали за кражу бутылки водки – прим.). Ни у меня, ни у нее не получалось этого сделать. А мне нельзя было разжать сережку, ведь я только недавно проколола. Я сказала, что не могу этого сделать.

Ну, говорит, у меня варианта два: или я приношу плоскогубцы и мы вырываем с кровью, или вы выходите на улицу, садитесь в лужу и сидите там без обеда и ужина пока не достанете свои долбанные сережки. В камеру, мол, я вас не пущу.

Я говорю, вы вообще в своем уме? Вы кровью угрожаете людям, которые просто не могут сережку достать? Это что, концлагерь? Он начал орать, что со мной полемику никто вести не будет:

“Либо помогай себе и своей подруге по несчастью, либо будет, как я сказал”. Я с ума чуть не сошла, но все-таки разжала сережку, а у девушки не получалось. У нее уже руки трясутся, она боится. В итоге все-таки выкрутила эту сережку, но порезала себе ухо, у нее шла кровь”.

Вместе с этой девушкой Уласик и посадили в камеру. Чуть позже к ним привели еще 63-летнюю женщину, которую в тот вечер задержали на акции солидарности с Марией Колесниковой на Комаровском рынке. Именно тогда, 8 сентября, силовики впервые решились на разгон женской акции протеста, было много задержанных. “Их всю ночь привозили – кто в платье на каблуках, кто еще как. Красивые девчонки”.

На следующий день продолжился суд – рассмотрение дела снова проходило дистанционно. Валерию завели в отдельное помещение, посадили в клетку, а перед ней на столе поставили ноутбук.
Суд в итоге дал журналистке 10 суток административного ареста.
Сотрудник ЦИП, который стерег Валерию во время скайп-суда, пытался изобразить сочувствие: “Парень все причитал: какой ужас, 10 суток, какой ужас!..
А меня это только сильнее бесило: какой толк от его причитаний? Как плакальщица на похоронах, ей-богу. Я уже думаю: поскорее верните меня в камеру. А он еще вдогонку крикнул: до свидания”.

Кстати, к соседкам журналистки по камере суд отнесся менее строго. 63-летнюю женщину просто оштрафовали, а девушке, которая украла бутылку водки, дали 5 суток ареста.

“Она потом все удивлялась: я украла и мне дали 5, а ты ничего не сделала и получила 10? Она не понимала, что всё настолько плохо”.

Как в Жодино “политических” встречают

На Окрестина журналистка ничего не ела.

“Есть то, что там давали я не могла физически. Невозможно больше одной ложки бульона проглотить – выворачивает. Рыбные котлеты, сделанные из хлеба вперемежку с костями, нельзя есть. У них, видимо, новый метод – пытка рыбой”, – вспоминает Лера.

От голода и жажды у нее упало давление, начало немного “потряхивать”. Утром в день суда соседки по камере поделились с журналисткой чаем с сахаром. И это было все, что она пила в течение двух суток: вода в кране была грязная, кисель, что давали в обед, она пить не могла, а на ужин ничего жидкого не дали вовсе.

Особым мучением были железные кровати на Окрестина, которые впивались в тело сквозь хиленькие матрасы, оставляя синяки.

Все это сопровождалось полной антисанитарией, по камере бегали тараканы.

На третьи сутки Валерию и еще часть арестантов перевели в жодинскую тюрьму. В последние месяцы в Беларуси это стало уже привычной практикой: перед выходными узников Окрестина отправляют в изоляторы в регионах, чтобы заранее освободить место для тех, кого будут задерживать на воскресном марше.

В Жодино журналистку транспортировали в автозаке: в “стакан”, рассчитанный на одного человека, её впихнули вместе с еще одной девушкой. “Нам сказали: если будете разговаривать, выключим вентиляцию и свет, будете ехать и задыхаться”, .

Валерия слышала, что в Жодино условия содержания лучше, чем на Окрестина, поэтому отчасти с оптимизмом смотрела на перевод. Но поначалу жодинская тюрьма ее шокировала.

“В Жодино встречают страшно – видимо, чтобы сразу сильно напугать. Нас встречали с кучей собак, они все лаяли. Конвоиры орали матом, стучали дубинкой по стене, кричали “быстрее, еще быстрее”, “встать тут”, “чего стоите, дебилы”. В общем, ты идешь по какому-то подземелью, собаки захлебываются лаем, стучат дубинки, на тебя орут. Я чуть обратно на Окрестина не захотела”, – с грустной улыбкой вспоминает Лера.

Однако в самой камере было чище и теплее, чем в окрестинской, питание – существенно лучше, была даже горячая вода и зеркало на стене.

По словам журналистки, персонал тюрьмы был очень разный – некоторые даже вели себя по-человечески. “Но начальники там все с биполяркой: пять минут молчат, пять минут кричат матом. Ты даже не понимаешь, по какой причине. Очень странные люди, с расшатанной психикой. Постоянно за твой счет самоутверждаются, оскорбляют, отвратительно разговаривают”.

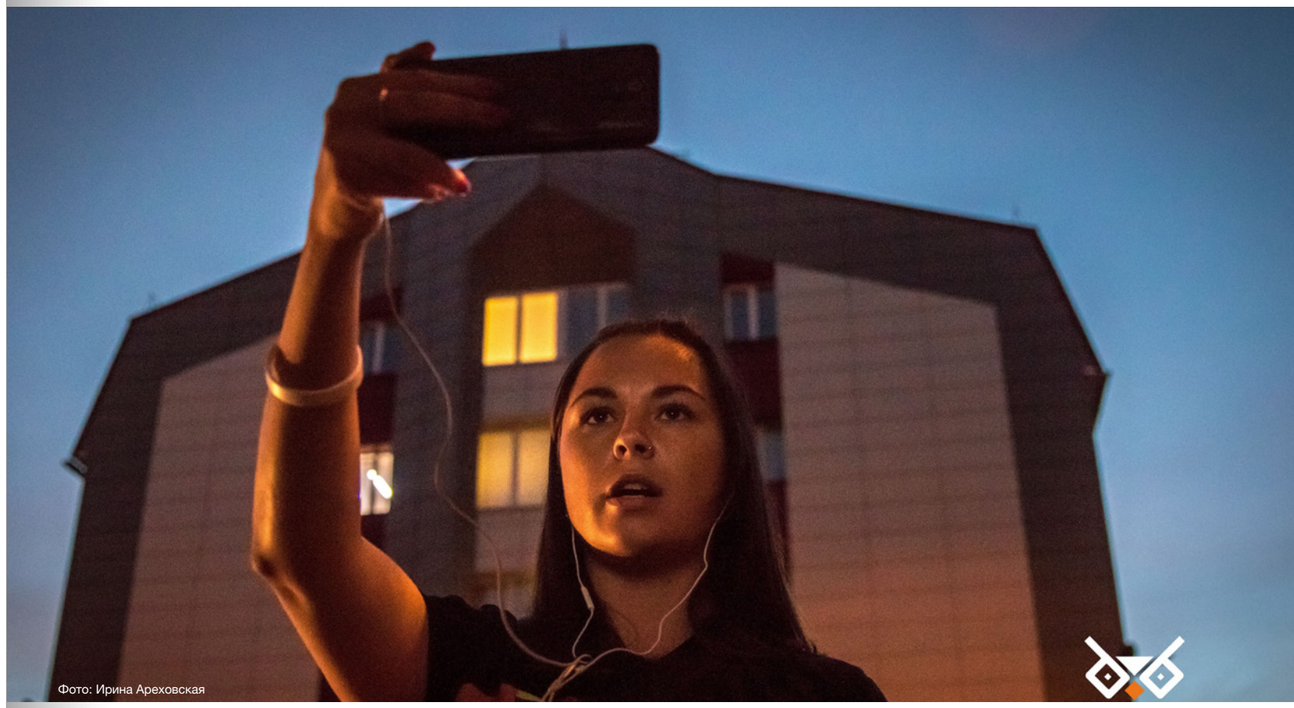


Фото: Ирина Ареховская

За все время административного ареста, их выводили на прогулку всего дважды по 15 минут. “Окно в камере было полностью заблюрено, ты не видишь никакой картинки, можно разобрать только день сейчас или ночь. Мы подходили к этой решетке, там был лёгкий сквозняк и просто дышали свежим воздухом. Десять дней взаперти без дневного света и свежего воздуха – это самое сложное”.

“Им не составит труда меня убрать”

Уголовное дело, на основании которого 8 сентября в квартире Уласик проводили обыск, будто бы растворилось. Никаких следственных действий в ее отношении более не проводилось, на допросы Валерию не вызывали.

Более того, Министерство информации даже вынесло предупреждение TUT.by за то,

что ресурс сообщил якобы ложные сведения об уголовном деле на Валерию Уласик.
В том числе, это предупреждение послужило формальным поводом для того, чтобы власти лишили TUT.BY статуса СМИ.

Вскоре после отбытия ареста Валерия уехала за границу: решила взять небольшую паузу. Но подчеркивает, что это ненадолго: “Я планирую вернуться довольно скоро”.

Рассуждая о своем аресте, Валерия признается: всё произошедшее не было для нее неожиданностью.

“Выходя в прямой эфир, я понимала: когда на меня обратят внимание, им не составит труда меня убрать. Пробьют меня по базам: вспомнят, что я работала на “Белсате”, участвовала в программе Калиновского, вспомнят и мою маму-редактора TUT.by. Я ожидала этого. Так и получилось. И не сказать, что очень удивилась, когда они позвонили мне в дверь”.

Катерина Андреева

“Независимо от штрафов, суток, журналистика должна жить! Как главреду «Нашай Нівы» запретили выезжать из Беларуси”.

История Егора Мартиновича

Среди белорусских новостей по СМИ можно найти много о Егоре Мартиновиче. Главный редактор интернет-издания «Наша Нива» был задержан в ночь на 11 августа. Позже его выпустили, а уже в сентябре пришли в квартиру с обыском. Потом трое суток ареста, в конце концов штраф, но дело продолжается. Такие будни журналиста Егора Мартиновича. При всем этом он не падает духом, продолжает работать. Его посты в соцсетях о ситуации в Беларуси читают многие, а не только в самой стране. Он собирает множество лайков, репостов и комментариев. Тексты лаконические но броские и со смыслом. Я уже сам чувствую, что начинаю сам следить за ситуацией в стране и политике благодаря текстам Мартиновича.

Чувствуется, что Егор не только любит свою страну, профессию, но и конкретно издание, в котором работает.

– У нас есть сайт, три журнала: два детских и один исторический. В суме около 20 работников. Чем наше издание отличительное? Оно било основано 1906 года! О «Нашей Ниве» расказывается во всех учениках по истории Беларуси. Это общенациональный бренд, который существовал еще до Первой мировой войны. При большевиках, конечно, газета прекратила существовать, и восстановлена была в 1991 году после независимости Беларуси. Сейчас я главный редактор директор, – говорит Егор Мартинович.

– Ми работаем в Минске и ми для себя понимали, что политический режим не располагает к работе свободной прессы, но ми рассчитывали пройти этот период без каких либо задержаний или штрафов. Ведь ми работали вполне легально.

Фото: Наша Нива

Но это лишь так планировалось. В итоге за несколько месяцев после выборов на Егора Мартиновича завели одно уголовное дело и два административных. Кстати и сайт издания «Наша нива» заблокирован с 28 августа. Сейчас издание работает за адресом nashaniva.by

– У нас есть сейчас адвокат, но в нынешних белорусских условиях смысл адвоката в том, чтоб держать связь между родными и подсудимым. Сейчас, идя в суд, мы понимаем, что независимо от того, что мы скажем, решение уже принято. Я прохожу по статье о клевете. И это довольно уникальная ситуация, когда по этой статье кого то судят. Мне пришлось отсидеть трое суток, как я понимаю, максимально, сколько здесь допустимо, наверное, в профилактических целях, – немного иронизирует Егор.

Во время нынешних митингов в Беларуси со времен протестов Егора задерживали дважды. Сперва он был задержан в ночь на 11 августа в Минске. Более полутора суток о его судьбе ничего не было известно.

Днем 12 августа Мартинович нашелся в Жодино, откуда его привезли в Минск.

– За день до этого ранили нашу журналистку Наталью Лубневскую. Я практически целый день пробил с ней в больнице. Уже на следующий день на машине ехал, чтоб привести журналистку, которая закрылась в кафе и не выходила оттуда. Ко мне подошёл человек с автоматом и потребовал выйти из машины и показать документы. Я показал удостоверение о том, что я журналист. Он как-то прямо обрадовался, направил в автозак. Там было так тесно, что невозможно было упасть. Если человек падал, то на такого же потного уставшего задержанного как он сам, – вспоминает Егор. – Когда выводили с автозака, то мы получали дубинкой, поэтому все шли бистро и с опущенной головой. Сказать что-либо было невозможно.

Фото: Наша Нива

Как сообщил Мартинович, вместе с другими задержанными он «пролежал первую ночь лицом в траву во дворике Заводского РУВД».

Затем Мартиновича перевезли в Жодино, где в камере на 12 мест одновременно содержались 27 человек. Спали кто валетом, кто сидя за столом. В это время коллеги искали повсюду Егора. А он сидел в камере, не зная ни своего правового статуса, ничего. А поесть ему вообще удалось только через 20 часом.

«Я журналист, поэтому могу быть освобожден “именем Республики Беларусь”. Остальные пацаны, некоторые из которых избиты под орех, не имеют возможности сообщить родным о своем задержании и не знают, когда их буду судить, хоть 72 часа с момента задержания уже прошли», — написал Мартинович в соцсетях после освобождения.

В последствии его оштрафовали на 405 рублей за участие, как говорится, в несанкционированных митингах.

– Кстати, ко мне подходила во время освобождения представительница правоохранительной пресс-службе и говорила, что ситуация с моим задержанием некрасивая. Но если я ничего не буду рассказывать, они уничтожат протокол и можно будет считать что ничего и не произошло. Я сказал, что естественно это невозможно, ведь меня искали и я не могу просто так ето забить. Тогда мне намекнули, что они в таком случае не гарантируют ничего, – сказали Егору.

Позже ситуация стала накалятся. И вот тут уже в сентябре начинается история о вроде бы клевете, тут уже начинаются обыски и новое задержание. Но почему «вроде бы» о клевете?

Во время официального мероприятия в Киевском сквере Минска прозвучала песня Виктора Цоя «Перемен». Сразу же был задержан диджей, который поставил песню. Это был диджей Влад Соколовский. Позже он сообщит журналистам, что в изоляторе временного содержания в 1-м переулке Окрестина его избивал заместитель министра внутренних дел Барсуков, которого Влад узнает по фотографиям. «Наша Нива написала об этом.

В статье говорилось, что на третий день отбывания ареста в карцер, где сидел Соколовский, пришел некий начальник и ударил его два раза.

– После выхода Влад Соколовский узнал в этом начальнике Александра Барсукова, заместителя Караева. Барсуков приезжал под Окрестина в ночь на 14 августа, уверял людей, что в камерах никого не бьют и не пытают. Сам диджей после той истории выехал в Литву. А ко мне домой пришли с обыском. Вместе с адвокатом меня увезли на допрос в Следственный комитет. Из квартиры забрали всю цифровую технику, телефоны, флешки, паспорта, сим-карты. И только после трьох суток я вышел. Я был задержан по подозрению в клевете (ст. 188 УК) в материале, где упоминается заместитель министра внутренних дел Александр Барсуков, – объяснил Егор Мартинович.

Теперь он подозреваемый. Ему запрещен выезд за границу.

Напомнили ему и дело о задержании в августе. Мол, было еще задержание за участие в несанкционированном митинге. Имейте ввиду…

– Но парадокс в том, что пока я сидел, ко мне без адвоката приходил милицейский начальник и вел разговори о том, не хотел бы я выехать за границу как Тихановская (соперница действующего президента Лукашенко – ред.). Я не знаю, как это расценивать. Или это била провокация, или действительно они хотели максимальное число политиков, активистов, общественных деятелей увезти со страны, чтобы те не привлекали внимание к политической ситуации. Позже ко мне подселили каково то человека, который тоже со мной вел беседы на подобные теми. В конце концов, когда я вышел, мне вручили бумагу, что

мне запрещен выезд из Беларуси. Но я действительно не собирался и не собираюсь никуда выезжать. Я хочу и я должен работать в своей стране, – сказал Егор Мартинович.

Он говорит, что все сводилось к тому, чтоб редактор назвал имя журналиста, который писал интервью с диджеем. У статьи из-за технического сбоя не было автора. Но впоследствии было решено не указывать его имя, чтобы не подставить журналиста под арест.

По поводу задержания и давление на журналиста высказывалась белорусская ассоциация журналистов.

«В уголовном преследовании Егора Мартиновича (с привлечением к этому преследованию сотрудников силовых структур) мы видим также проявления цензуры и злоупотребление правовыми нормами для ограничения свободы слова. Мы требуем немедленного освобождения Егора Мартиновича и прекращения уголовного преследования», — говорится в заявлении на сайте организации.

Также БАЖ заявляет, что выступает за «декриминализацию диффамации в принципе».

Сам Егор Мартинович продолжает работать, освещать события в стране. Говорит, ему повезло в том понимании, что во время задержания на сутках за решеткой его не избивали до полусмерти, как некоторых других задержанных. Хотя психологически было тяжело, но он изначально понимал, что профессия журналиста и освещение правды может иметь свои риски в Беларуси.

– Если говорить о синяках от дубинки, когда били при задержании в августе, то это были всего лишь синяки. Конечно, неприятно получать штраф.

Но как то надо продолжать освещать события. Кстати несколько недель назад на очередном марше внимание притупилось и в ту же минуту

я почувствовал как меня по плечу кто-то постучал. Ожидал «Омона», но это были те странные мужчины в джинсах, с палками и ружьями, которые работают на митингах. Я не понимаю что это за подразделение. Они задержали меня и коллегу-фотографа.

В последствии отвели в автозак, покатали по Минску и отвезли в отделении милиции. Я не понимал, или нас опять отправят на сутки, или составят протокол. В последствии на нас составили протокол – абсурдный – за неподчинении сотрудникам милиции. Там совсем все напутано, выдумано. Но протокол составлен и наверное это делается, чтоб полностью отбить в журналистов охоту работать, а в людей вообще – ходить на митинги, – говорит Егор Мартинович.

Напомним, сейчас, на момент написания очерка, на конец октября, митинги в Белоруссии продолжаются, и задержания митингующих и журналистов тоже. Протестующие же требуют только двух вещей – прекращения репрессии и отставка Лукашенко.

– Независимо от штрафов, суток, будем работать дальше. Журналистика должна жить, – говорит Мартинович.

Назарий Вивчарик

“Больше всего власти боятся картинки”.

История Владимира Гридина

“Встаем! Телефон в карман!” В полутемном баре ОМОНовцы криком и пинками подгоняют людей, которые еще совсем недавно спокойно сидели за одним из столиков. “Дайте хоть заберу аппаратуру”, – слышны слова Владимира Гридина, одного из самых известных белорусских фотографов.

В бар с коллегой они зашли, чтобы отправить снимки в редакцию. Это видео задержания журналистов быстро облетело все СМИ.

В тот день, 13 сентября, Владимир Гридин снимал Марш героев – массовую акцию протеста в Минске, в которой участвовало около 200 тысяч человек. После марша Гридин вместе с еще одним фотографом Александром Васюковичем зашли в бар “1067”, чтобы отправить отснятый материал в редакцию, ведь прислать фотографии прямо с акции было невозможно – мобильный интернет в городе фактически не работает по воскресеньям. Минут через 30-40 в заведение ворвалась группа силовиков в масках: они заломали руки журналистам, вывели их на улицу, посадили в чёрный бусик и увезли во Фрунзенское РУВД.

> “Сначала я подумал, что они, возможно, ошиблись, перепутали нас с кем-то. На мне висел журналистский бэйдж, я пробовал сказать, что мы журналисты. Ноль реакции”, – вспоминает Гридин.

Когда журналистов привезли в РУВД, на них уже были готовы протоколы за “участие в несанкционированном массовом мероприятии”. Тогда стало ясно: никакой ошибки нет, минимум 72 часа придется провести за решеткой.

В РУВД задержанных встречал агрессивный сотрудник:

> “Не знаю, выслуживался он или что…. Он забрал сразу наши флэшки с камер. Пока мы ожидали, у меня зазвонил телефон – он сказал выключить. А я вместо того, чтобы выключить, просто сбросил вызов. Он заметил это, разозлился и ударил меня ногой в живот”.

Также силовик несколько раз ударил друга Александра Васюковича – дизайнера Егора Колягина, которого также задержали в кафе “1067”. Уже ночью всех троих доставили в изолятор на Окрестина и рассадили по разным камерам.

“Тут должно было быть фото”

“Мы с Сашей считаем, что сначала нас взяли случайно. А потом, когда пробили наши данные и узнали, что мы снимали, то решили наказать. Но большинство коллег считают, что был заказ: нас вычислили, приехали и забрали”, – рассуждает Владимир.

Гридина и Васюковича задержали в воскресенье, но рассматривать их дело в суде начали только во вторник. Журналистов в здание суда не доставляли, они участвовали в судебном процессе по видеосвязи, оставаясь при этом в помещении изолятора. Подобный формат в Беларуси уже стал нормой: власти объясняют это якобы антиковидными мерами. Саму пандемию Лукашенко неоднократно высмеивал и называл

“психозом”, но в политических целях ограничения, связанные с коронавирусом, власти теперь используют охотно.

Владимира Гридина обвиняли в том, что 13 сентября он якобы участвовал в несанкционированном митинге, выкрикивал лозунги “Позор”, “Уходи” и “Жыве Беларусь”. Дело строилось на составленных под копирку рапорте и протоколе опроса милиционера. Однако главный абсурд ситуации заключался в том, что, согласно, материалам дела Гридин участвовал в митинге на улице Романовская Слобода, 7 (адрес кафе, где задержали журналистов), хотя в этом месте в тот день вообще не проходило никаких протестов. Суду даже предоставили видео с камер наблюдения в кафе, где было отчетливо видно, что задержание происходит в тот момент, когда Гридин работает за компьютером. Выкрикивать лозунги в этот момент он никак не мог.

Судья отправил протокол на доработку, но журналистов при этом оставили под стражей. На следующий день милиция вернула в суд отредактированный протокол: теперь утверждалось, что Гридин и Васюкович митинговали около станции метро “Пушкинская” за два часа до своего задержания. Возле “Пушкинской” протесты в тот день действительно проходили, но журналисты там выполняли свои профессиональные обязанности.

“Они в суде показали видеозапись, где мы с Сашей выходим на проезжую часть, снимаем протестующих и уходим. Это и посчитали доказательством нашего участия в акции. Хотя видно было, что люди просто работают”, – говорит Гридин.

В итоге обоим фотографам дали по 11 суток административного ареста.

После такого решения суда все независимые СМИ в знак солидарности на целые сутки отказались от фотографий в своих материалах. Все иллюстрации заменили белой рамкой со словами “Тут должно было быть фото” и краткой информацией об аресте фотокорреспондентов.

“Я, наверное, до конца еще не отошел от ареста”

Двое парней, с которыми Гридин изначально попал в одну камеру на Окрестина, получили по 13 суток ареста. А один пошел в итоге по уголовной статье 342 (групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок) – это самая массовая политическая статья в ходе нынешних репрессий в Беларуси.

Одному из “политических” в камере Гридина не выдали личных вещей – от холода он быстро заболел. Но в целом арест проходил без особых происшествий. Плохое питание уравновешивалось передачами с воли. Правда, часть продуктов из передач до арестованных не доходила, исчезая непонятно куда. Труднее всего было адаптироваться к самому ритму жизни за решеткой. “Там время по-другому идет. Обычно я хорошо сплю, а там полночи не мог заснуть”, – вспоминает журналист.

Однажды в камеру к Гридину бросили бомжа – он был пьян, источал зловонный запах и вел себя неадекватно. “Думаю, это специально сделали. Такая вот мелкая пакость. Вероятней всего, из ГУВД руки растут”, – говорит он, намекая на подстроенную сотрудниками изолятора провокацию. Но никаких конфликтов с новым сокамерником в итоге не случилось.

По словам Гридина, особенно нервными были последние часы ареста. В Беларуси не раз по завершению одного административного ареста задержанным добавляли новый.

К счастью, с фотографом такого не случилось. Но в том, что ему и Васюковичу мстили этим арестом персонально, он даже не сомневается: “Могли ведь дать трое суток или штраф… Но хотели явно наказать”.

> “Я, наверное, до конца еще не отошел от ареста. Невольно задумываешься, а стоит ли рисковать теперь… Ведь понятно, что в следующий раз тебя будут уже по полной прессовать”.

Бои в августе

Владимир Гридин пришел в журналистику двенадцать лет назад. За это время его не раз задерживали, но попадать на Окрестина раньше не приходилось. Ни разу за свою карьеру он не работал и под обстрелом. Опыт съёмки разгона протестов 9-12 августа стал для него новым.

В самый первый день протестов, Гридин сделал один из своих самых запоминающихся кадров этого периода – окровавленная девушка, раненая светошумовой гранатой, сидит на земле.

“Я снимал сначала парня, которого на руках несут. Я видел, как возле него произошел взрыв, его люди выносили к скорой. А рядом оказывали помощь той девушке. Она потом рассказывала, что ничего не помнила в тот день. Сейчас она в Чехии, две операции перенесла. Больше месяца одним ухом вообще не слышала ничего. Слух вернется только частично… Мы с ней сейчас иногда переписываемся”.

На второй день протестов, 10 августа, Гридин работал в районе метро “Пушкинская”, где бойцы спецподразделения “Алмаз” убили демонстранта Александра Тарайковского.

“На “Пушкинской” я работал в компании журналистов, где была Наташа Лубневская. Нас обстреливали: тогда Наташу ранили, Бурякиной (фотокорреспонденту TUT.by – прим. К.А) пулей срезало бэйдж, какой-то осколок в Сашу Васюковича попал. Чуть позже мы с ним вышли сделать пару кадров к шеренге силовиков, может метров 70 или 100 до них было. И один, долго не думая, начал стрелять. Хорошо, что не попал. Но стрелял именно в меня – за то, что я фотографировал”.

Гридин признаётся: тогда, под пулями, страшно почему-то не было.

“Впервые мне страшно стало, когда я уходил после жести на “Пушкинской”. Получилось, что я забежал с протестующими в тупик и когда начал выходить, мне навстречу пошли солдаты. Кто-то сказал: “Журналиста не трогать”. Я сначала вздохнул, но потом увидел, как они ведут датского фотографа. Я в итоге выбирался один какими-то тропами, через парк. И мне впервые стало стремно. Потому что в таких случаях лучше находиться с кем-то”, – вспоминает он.

В августе, несмотря на риск получить пулю или осколок, ему работалось комфортней, чем несколько месяцев спустя. В первые дни протестов силовики получили карт-бланш на неограниченное насилие – если уж тебя задержали, то могли жестоко избить. Но централизованной команды “прессовать” именно журналистов все-таки ещё не было.

“Как будто заложников держат”

В последние годы Гридин работал фотокорреспондентом белорусской службы “Радио Свобода”. Однако в конце августа его и еще нескольких журналистов РС без объяснения причин лишили аккредитации МИД Беларуси. После этого он стал снимать в качестве внештатного корреспондента крупнейшего белорусского портала TUT.by.

Впрочем, и сам TUT.by 1 октября власти лишили статуса СМИ. Все это делается с одной целью – вывести работу независимой прессы за пределы правового поля.

Владимир считает, что истоки беспрецедентной охоты на журналистов следует искать в июльском заявлении руководства МВД о том, что уличные акции протеста якобы координируются через стримы “Радио Свобода”.
Затем силовики и вторящая им госпропаганда стали открыто называть журналистов организаторам массовых протестов – и активно преследовать.

“Не знаю, существуют ли у силовиков “черные списки” журналистов, кого нужно сажать. Но садят в основном снимающих. Больше всего власти боятся картинки. Почему именно картинки? Силовики ведь нарушают закон, избивают людей. Они думают, что благодаря журналистам их могут опознать и впоследствии наказать”.

По словам Владимира, посадки журналистов, по сути, превратились в конвейер:

Фото: Алиса Гончар / Belsat.eu / vot-tak.tv

“Одних выпускают – садят других. Как будто заложников держат специально”.

Все это не может не отражаться на ежедневной работе.

“Я очень хочу снимать. Но хочется подобрать момент, где действительно стоит рисковать. Ведь можно пойти и ничего не снять – тебя сразу же заберут. Какой толк в этом? Но я, например, жалею, что меня на Орловке (имеется в виду атака силовиков 25 октября на Орловской улице в Минске, где массированно использовали светошумовые гранаты – прим. К.А) не было”, – признается Гридин.

Катерина Андреева

“Сейчас журналисты на митингах в Беларуси должны иметь главную особенность – быстро бегать”.

История Михаила Ильина

Главный редактор Еврорадио Павел Свердлов несколько лет назад в рамках образовательного тура бывал в Украине и к нему в первую очередь я, украинец, обратился с вопросом, как обстоят дела сейчас с безопасностью журналистов в Беларуси? И вот что он поведал о работе сотрудников редакции.

Разговор происходил в 20-х числах октября, в это время один сотрудник Еврорадио Артем Маеров как раз получил 15 суток ареста. У парня было удостоверение и редакционное задание, была жилетка с надписью «пресса», но его обвинили в том, что он не подчинился законному требованию сотрудникам органов внутренних дел (правоохранитель якобы требовал покинуть место проведения акции, чтоб не нарушать общественный порядок).

«У нас на Еврорадио все остальные были задержаны только на несколько часов. Условно говоря, журналист выходит в прямой эфир и через несколько минут прямо за ним приезжают и в прямом эфире его пакуют в машину. Это делается, чтобы сорвать работу. Но раньше через несколько часов выпускали — когда мероприятие заканчивалось. Позже стали давать сутки», – говорит Павел Свердлов.

14 июля. Один из тех, кого задержали просто в прямом эфире – Миша Ильин. Несколько тысяч человек увидели это во время трансляции. Случилось это возле площади Победы. Михаил Ильин и Артем Майоров тогда освещали

акцию протеста сторонников незарегистрированных кандидатами в президенты Виктора Бабарико и Валерия Цепкало. В то время, как рассказывал уже Павел Свердлов, журналистов всё-таки отпускали сразу.

– Остановился легендарный бусик, в котором ездят силовики, и оттуда выскочили несколько мужчин в гражданской форме. Они задержали меня и Артёма. И стрим заканчивался на моем крике «Ми журналисты». Но это на их решение не повлияло. Позже с разговоров мы поняли, что это било целенаправленное задержание. Такая себе охота на журналистов, которые вели прямые эфиры. Где-то минут десять мы покатались в этом бусике, потом нас перетащили сначала в один автозак, потом в другой автозак. Такие покатушки у нас заняли минимум час. Пока автозак полностью не забился людьми.

В итоге доставили в Центральный РОВД города Минск, – рассказывает журналист Европейского радио Михаил Ильин.

Кроме журналистов Еврорадио в тот день задержали корреспондентов белорусской службы Радио Свобода, которые также вели стрим. Михаил Ильин вспоминает, что стримами журналисты начали показывать в целом объёмную и правдивую картинку политической ситуации. И власти очевидно, не хотели показывать, какими массовыми есть протесты.

– Честно говоря, нам, думаю, тогда повезло. Посадили в отдельный кабинет. Там уже мы встретили задержанных журналистов Свободы Алеся Пилецкого с оператором. Которых, как оказалось позже, тоже задержали. И там мы без телефонов находились в районе нескольких часов. В целом на три часа у нас имеют право задерживать до выяснения обстоятельств. Таким образом нас изолировали от общества, своими действиями силовики воспрепятствовали нашей работе. Когда вечером акции пошли на спад, нас выпустили. По тем событиям 14 июля, знаю, были возбуждены несколько уголовных дел по молодых людях, которые оказывало сопротивление милиции при задержании. Меня же вызывали в прокуратуру только в качестве свидетеля, хотя я бил задержан и не мог ничего видеть, – продолжает Ильин.

Из милиции журналистов отпустили поздно вечером без составления протоколов.

Сам журналист не обжаловал задержание. Говорит, ситуация в июле была еще цветочками, дальше появилось еще больше новостных поводов и поэтому он просто решил не тратить время зря, ведь кроме всего прочего, не верил в результативность судебной системе.

– У меня все равно были минимальные шансы как то противостоять сотрудникам правоохранительных органов, – говорит Михаил.

Сейчас работа Михаила сосредоточена в основном на соцсетях. Это ютуб и телеграм. Напомним, «Европейское радио для Беларуси» с головным офисом в Варшаве работает с 2006 года, вещая на Беларусь на частотах FM, через спутник и в интернете на белорусском языке. То есть по существу это иностранное СМИ. В этом загвоздка. Ведь недавно в Беларуси все иностранные СМИ заставили пройти аккредитацию. Новую практически никому не дали.

«Мы уже несколько недель работаем без аккредитации. Это значит то, что мы, а также, например, Радио Свобода — Новости Беларуси, Deutsche Welle и другие, все ми не можем работать без аккредитации. Ми не можем публиковать материал под своим именем. Ведь будет

Фото: Михаил Ильин

административная ответственность за распространение на иностранное издание без аккредитации. Ето административное нарушение, которое подразумевает штраф. Но главное, что на митингах ми де-юре и де-факто практически не можем работать. Несмотря на то, что мы будем одеты в жилетку «пресса», для силовиков ми никто. Таким образом бил задержан мой коллега Артем Маеров. Помимо работы у нас, он сотрудничал с газетой «Беларуси и рынок», имел их корочку. Но всё равно его задержали якобы за неподчинение сотрудникам милиции. Также задержали других коллег. Все они приговорены к 13-15 суткам административного ареста, – рассказывает Михаил Ильин.

Что делать? Работать под свой страх и риск.

– Каждая акции может закончиться задержанием, причем грубим, с физическими увечьями, но во вторых ми можем бить привлечены к ответственности из-за нашего правового статуса. Также проблема отсутствия аккредитации – ми не можем получать комментариев от каких ни будь государственных ведомств. Раньше я мог позвонить пресь-секретарю МВД Беларуси и взять комментарий, а теперь она мне откажет как представителю неакредетированного СМИ. Помимо того, она может напомнить мне о недопустимости работи на иностранном СМИ без аккредитации. То есть я могу бить привлечь к ответственности, – рассказывает Михаил Ильин.

Остается пока в качестве источников информации лиш использовать людей, опроси на улицах.

– В качестве другой стороны используем цитирование официальных лиц с открытых источником, сообщение прес-служби МВД с телеграм-каналов. И конечно же не подписываемся свои именем, – говорит журналист.

– Самые массовые акции протеста происходят по воскресеньях. Будете идти освещать?

– Не думаю, что стоит идти на акции ради одной фотографии, ведь потом можно получить 15 суток, а это большое время, которое можно потратить с большей пользой. Ми просим людей, читателей, слушателей делиться фотографиями, видео, другим контентом. И это будет для нас наиболее безопасно, – говорить журналист.

Интересно, что на июльском задержании в прямом эфире история с Михаилом не заканчивается.

– 23 сентября, когда появилась информация о тайной инаугурации Лукашенко, невзирая на будний день, много людей вышло на акцию протеста. И ми вели стрим. Я был человеком с микрофоном, а мой коллега Артем – оператором. Ми поехали к станции метро Пушкинская, где засняли эпическое видео, которое впоследствии стало массовым. На записи видно, как человек убегает от ОМОНа и запрыгивает в такси. Водитель реагирует молниеносно: безпромедления давит на газ, выезжает на встречную полосу, затем — на газон, объезжает машины и убегает прочь, унося протестующего подальше от силовиков. В итоге силовики накинулись на нас, ведь ми это снимали. У нас требовали отдать телефоны. Я сопротивлялся, ведь это била моя работа. Но силовики угрожали мне електрошокером, заламывали руки. В итоге один достал мой телефон, смог его разблокировать и поставили меня перед выбором, чтоб я удалил запись. Но в итоге, используя технические возможности айфона я смог вернуть запись, – говорит Михаил Ильин.

Журналист вспоминает, они с коллегой тогда еще были в жилетках «Пресса», думая, что это от чего то спасает, они тога еще питались что то говорить и протестовать, пока их просто не повалили на землю. Естественно, никто им не представлялся. Единственное, что столкнувшись с насилием, они столкнулись и с не очень технически продвинутыми правоохранителями и смогли сберечь запись.

– Сейчас журналисты на митингах в Белоруси должны иметь главную особенность – бистро бегать. Это главный навык. А потом уже идет умение брать интервью, – полушутя говорит Михаил.

Кстати, с чувством мора он активно ведет твытер и другие соцсети, где у журналиста много подпищиков.

«Беларуские силовики не любят играть в Counter-Strike, потому что там запрещено стрелять в мирных граждан», – одна из свежих записей, которая набрала сотни лайков. Очевидно, в ситуации, что сложилась, творческому человеку приходится как-то себя утешать.

Напомним, в Беларуси 9 августа прошли выборы президента, которые с первых дней избирательной кампании сопровождались массовыми протестами против Александра Лукашенко.

Оппозиция не согласна с объявленными результатами (более 80% за Лукашенко) и считает, что победу одержала Тихановская. Участников протестов жестко разгоняли, избивая и применяя светошумовые гранаты, резиновые пули, слезоточивый газ и водометы. Силовики нападали не только на протестующих, но и на случайных людей, задерживали журналистов, забирали отснятый материал.

Назарий Вивчарик

Фото: Олег Решетняк / Belsat.eu

“Раздевали догола, били коленом в живот. Пытки в изоляторе на Окрестина”.

История Алёны Дубовик

“Ниже!” – орёт надзирательница – молодая блондинка в маске, – толкая в спину задержанную журналистку “Белсата” Алёну Дубовик. Но у Алёны не получается наклониться ещё ниже вперёд с руками за спиной, в позе “ласточка”, и та сильно бьёт её коленом в низ живота. Через день сцена повторится, надзирательница нанесет уже несколько ударов – в то же самое место. После изолятора Алёну госпитализируют с подозрением на разрыв яичника. Уголовного дела за пытки журналистки до сих пор нет.

Алёна Дубовик начала работать на телеканале “Белсат” в марте 2019 года, в сентябре перешла в отдел новостей. Поскольку власти наотрез отказываются выдавать белсатовцам аккредитации, работа корреспондентов “в поле” очень часто заканчивается судами. Протокол обычно составляют по статье 22.9 КоАП – “незаконное изготовление продукции СМИ”. У Алёны таких уже четыре, но это её не останавливало. Когда начались протесты, журналистка ездила по стране, снимала сюжеты и освещала митинги в поддержку Светланы Тихановской. Её неоднократно задерживали, но тогда, до выборов, журналистов как правило отпускали из участка через пару часов. Алёна не могла представить, что очень скоро будет стоять лицом к стене под крики и грубую брань тюремной охраны.

> “Я многого не помню из тех событий. После Окрестина у меня появились провалы в памяти. Секундные провалы сохраняются и сейчас. Психотерапевт называет это реакцией на стресс”, – предупреждает перед интервью Алёна.

“Сука, перестань снимать!”

Вечером 10 августа она отправилась на улицу Кальварийскую, в район магазина “Корона”, где формировалась группа протестующих. Задача была выходить в эфир студии “Белсата” по телефону, снимать мобильные видео и по возможности отправлять их в редакции с ближайших точек с вайфаем.

“Возле Кальварийской я успела заснять, как военный (предположительно, боец спецподразделения “Альфа” – прим. К.А) наставляет на женщину ружье и орёт: “Вы хотите здесь вторую Украину?!” Она отвечает: “Что ты творишь! Да ты мне в сыновья годишься! А тот: “Ты мне не мать!” Потом резко переводит ружье на меня со словами: “Сука, перестань снимать”. У меня есть это видео, но я его до сих пор не пересматривала”, – вспоминает Алёна. – Он был очень агрессивный, неадекватный, просто зверь. Мне кажется, он бы без зазрения совести выстрелил”.

После 9-12 августа ходили слухи, что во время разгона протестов силовики были “под чем-то”: якобы командиры выдавали бойцам стимуляторы. Именно этим объясняли необычайную жестокость и продолжительность пыток. Естественно, никаких подтверждений этим слухам у нас нет. Также вероятно, что люди додумали истории про “силовиков на амфетамине” – ведь принять факт, что кто-то в трезвом уме

способен до полусмерти избивать своих сограждан, да ёще с явным наслаждением, морально тяжело.

Фото: Ирина Ареховская / Belsat.eu

“Я созвонилась с Варшавой, рассказала эту историю, взяла комментарий у женщины, в которую целился боец. Редактор сказал: “Алёна, всё, сваливай оттуда”. Я не понимала, куда свалить. Решила пойти просто вперёд по одной из прилегающих улиц. Там я поняла, что меня “ведут”: сзади шёл человек в маске и чёрной спортивной одежде, буквально дышал мне в затылок. Я резко развернулась, остановилась и посмотрела прямо на него. Тихарь прошел вперед, делая вид, что я ему неинтересна, но потом остановился.

> А я тем временем забежала во двор и позвонила в первый попавшийся подъезд. Сказала “Здравствуйте я журналистка, меня преследуют, пустите в подъезд”. Но женщина предложила подняться в квартиру. Там я отправила видео в редакцию”.

Многие журналисты ночь с 10 на 11 августа провели у незнакомых людей. Убегая от силовиков, люди десятками набивались в квартиры, долго лежали на полу с выключенным светом. За окном гремели взрывы светошумовых гранат.

Известно несколько случаев, когда стреляли и по окнам домов. Тем не менее, оставаться в укрытии было безопаснее, чем пытаться пробраться через город на осадном положении.

Алёне же в тот вечер нужно было непременно попасть домой: её маленькие дети – трёх, пяти и семи лет – ждали маму. Она знала, что где-то неподалёку работает ещё одна съёмочная группа “Белсата”. Но оказалось, что оператора из этой группы задержали. Его жена Татьяна предложила Алёне отвезти её домой, а по дороге заехать в Центральный РУВД, где, как она думала, находится муж. Алёна согласилась помочь найти коллегу.

> “Около РУВД стояло человек двадцать, женщины плакали. Родственникам не давали вообще никакой информации. Правозащитники дали бланк заявления на пропажу человека, Таня тут же, на коленках заполнила. И тут подкатил автозак. Я еще помню первую мысль: наверное, привезли новую партию задержанных, надо отойти куда-то. Но они приехали за нами. Забирать тех, кто искал своих близких.

Я глянула на телефон, было 23.21 В следующую секунду меня больно схватили за предплечье, вырвали из рук телефон и потащили к машине”.

Сначала Алёну и Таню посадили на обычную скамейку в салоне автозака, а через пару кварталов пересадили в “стакан” метром в ширину.

“Помню, они приговаривали: “Вы должны понять, что мы это делаем для вашего блага”. Стены в “стакане” были в крови. Я натянула капюшон, чтобы не касаться их волосами. Тане удалось пронести телефон и мы смогли сообщить, что нас задержали. Но куда нас везут – мы не знали”.

Голые мужчины на коленях, пол в крови

Алёна не помнит, как доехала в автозаке до Окрестина, как выводили на улицу. Следующая картина, которая всплывает в памяти журналистки – несколько десятков женщин стоят в прогулочном дворике лицом к стенке. Все уже без шнурков, ремней, украшений.

“Там я впервые увидела свою надзирательницу. Она переписывала наши данные, разговаривала очень грубо. Потом начался досмотр, я была первая в очереди. Пока она вела меня в комнату для досмотра, постоянно толкала в спину, заставляла очень низко наклоняться на “ласточке”, голову поднимать было нельзя.

Боковым зрением я увидела мужчин, которые стояли на коленях. Я немного приподняла голову – и тогда она меня ударила в затылок. “Не поднима-а-ать!”. В комнате она заставила меня полностью раздеться и голой приседать. Потом, не дав одеться, вытолкала в коридор в одном бюстгальтере. Там я, наконец увидела, что происходит.

Очень много абсолютно голых мужчин стояли на коленях в унизительной позе, лбом в пол, руки за спиной. Стены в бурых разводах, на полу – капли крови. До того момента страха не было, но теперь я подумала: кажется, речь уже идет об угрозе жизни и здоровью”.

Алёна кое-как натянула байку с капюшоном. Проходящий мимо силовик принял её за мужчину и пнул к стенке. Тогда прибежала надзирательница и потащила журналистку обратно в прогулочный дворик. Там Алёна увидела, как сползает по стене Кристина Витушко.

– Это жена известного врача, кандидата медицинских наук, у неё сахарный диабет, помогите ей!

– сказала Алёна надзирательнице.

– Жёны известных врачей, у которых диабет, по улицам ночью не шастают.

“Так Кристина и просидела около часа на корточках тихонько. Потом я ничего не помню”.

Камера №9 на втором этаже, куда завели Алёну и Таню, оказалась очень тесной и душной. Рассчитанная на четырёх человек, она с трудом вмещала тридцать. Женщины, бабушки, девушки-студентки теснились на нарах, прислонившись к выкрашенным в ярко-жёлтый цвет стенам. Алёна залезла на верхние нары, поближе к окну, откуда пробивался ночной ветерок, и просидела там всю ночь.

Утром 11 августа всех вывели из камеры для “шмона”. Эта стандартная тюремная процедура на Окрестина лишена всякого смысла. Женщин раздевали догола накануне, а никаких передач с тех пор не было. Что пытались обнаружить в камере надзиратели, переворачивая всё вверх дном?..

“Через пару минут по одной заводят обратно в камеру. Я, наверное, недостаточно низко наклонялась. Вчерашняя надзирательница сначала ударила меня между лопаток, я разогнулась от боли, и в этот момент она ударила левым коленом в низ живота со словами “Сука, ниже!” Я зашла в камеру, села на лавку и мне стало плохо. Сначала боль была острая, потом ноющая. Тяжело было залезать на нары. Не могла сходить нормально в туалет…”

Судилище и побои

Судили задержанных прямо в здании ИВС. В кабинете, куда утром 13 августа привели Алёну, уже сидела судья и секретарь.

В материалах Алёниного дела утверждалось, что она была задержана 11 августа возле универсама “Рига”, где выкрикивала лозунги. Это невозможно, ведь её задержали поздно вечером 10 августа. Журналистка попросила приобщить к материалам дела видеозаписи с камер наблюдения возле Центрального РУВД (где на

самом деле была задержан) – оно находится в паре километров от “Риги”. Всё обвинение строилось на показаниях трех сотрудников милиции, которых Алёна раньше никогда не видела.

“Их абсолютно не волновало, что я журналист. Я возмутилась, стала говорить, что это не суд, а судилище. В ответ судья удалила меня с заседания “за неуважение”. Мне приказали возвращаться в камеру и ждать решения суда. Меня встретила всё та же надзирательница. Кажется, у неё какой-то фетиш – наклонить человека как можно ниже. Я не могла наклоняться. Тогда она несколько раз ударила меня коленом в то же место внизу живота, справа. И добавила: “Сука несговорчивая, пошла в камеру”. У меня было очень тяжелое состояние, шок от того, что такое возможно”.

Спустя часа три Алёну завели в кабинет к совершенно другой судье, которая была не в курсе дела, но видела, что Алёне плохо и предложила присесть на стул.

“Я подумала: да пошли вы, еще свои плюшки мне предлагаете. Печенье с водой принесли. Но я ничего не взяла и продолжала стоять, не понимая, что происходит. В конце концов они разобрались и вернули меня к первой судье. Та сообщила, что мое дело отправлялось на доработку. Теперь меня обвиняют в том, что лозунги я выкрикивала возле Центрального РУВД и не подчинялась сотрудникам милиции. Но каких-либо доказательств, кроме слов неизвестных силовиков в масках, не нашлось. В конце заседания она огласила решение: дело повторно отправляется на доработку”.

Журналистке дали подписать бумагу о том, что она “предупреждена и раскаивается”, поставили камеру, чтобы записать “раскаяние” на видео. Но в бумаге Алёна написала обратное: с обвинением не согласна. Еще три часа она пыталась найти свои вещи, отобранные при задержании – два телефона, сумку, украшения.

“Мне говорили: “Ваших вещей нигде нет, идите домой, мы их на

следующей неделе найдем, тогда и приходите”. Вот они удивились, что я не бегу к воротам, а еще права качаю. В итоге вещи я забрала только через две недели”.

Фото: Алёны Дубовик

“Я её по глазам запомнила”

Ночь с 13 на 14 августа Алёна провела уже дома, стараясь не обращать внимание на боль в животе.

“Я не говорила мужу про живот. Что тут такого? Особенно как узнала, что людей до посинения поизбивали, думала: у меня даже крови нет, подумаешь… А утром пошла на кухню и внезапно почувствовала себя очень плохо, стала падать в обморок. Муж подхватил и сразу повёз в поликлинику. Там только услышали, что была на Окрестина, моментально вызвали заведующую. Очень нежно обращались, ласково так… Все анализы взяли, сделали УЗИ и обнаружили в правом яичнике – куда била надзирательница – какую-то жидкость. Подозрение на разрыв яичника. Скорую вызвали прямо в поликлинику. После осмотра гинеколога разрыв не подтвердился. Меня положили в больницу с диагнозом “ушиб мочевого пузыря, ушиб брюшной полости и кровоподтёки в надлобковой области”.

Прямо в палату к Алёне приехали правозащитники, чтобы помочь составить заявление на избивавшую её надзирательницу и передать в Следственный комитет. Алёна говорит, что опросила более двадцати женщин, которые сталкивались с ней и все они свидетельствовали: да, их она

тоже била. Одну пожилую женщину толкнула так сильно, что та растянулась на бетонном полу. Вскоре Алёна раздобыла фотографию этой сотрудницы.

“Моя адвокат спрашивала, почему следователи не истребуют видео с коридора изолятора? Следователь отвечал: “Может, эти записи уже на дне реки”. Мне задавали вопросы: готова ли я к очной ставке, опознаю ли надзирательницу среди пяти похожих женщин? А если та изменила прическу и цвет волос? Конечно, я ведь её по глазам запомнила – злые, подпитые, чёрные, как будто годами не смывала тушь или сделала неудачный татуаж”.

“Не собираюсь с этим завязывать”

Алёна долго не обсуждала ни с кем произошедшее. С мужем беседы были краткими: Били? Да, били. А как, кто, куда – возвращаться к этому не хотелось. Только в конце августа журналистка нашла в себе силы откровенно поговорить с супругом. Мама до сих пор не знает деталей.

На пару недель Алёна уезжала в Латвию на реабилитацию. Потом вновь вернулась к работе.

“Сказать, что я боюсь, я не могу. Продолжать дальше работать нужно. Здесь ещё играет роль такая штука, как назло. Тебя бьют, а ты такой, мол, не так уж сильно вы меня побили, силы ещё есть.

Я считаю, что наши эфиры несут ценность. Сегодня, когда большинство журналистов не выходят работать в кадре, не решаются на “полевые” репортажи из-за невероятно высокого уровня репрессий, “Белсат” особенно нужен аудитории.

Мне предлагали писать статьи из дома, но я не готова. Люблю все эти разъезды, тележурналистику. Мне нравится делать новости! Я точно не собираюсь с этим завязывать. Пока”.

Катерина Андреева

“Силовики ранили журналистку резиновой пулей”.

История Наталии Лубневской

Журналистка «Нашей Нивы» Наталья Лубневская была ранена резиновой пулей 10 августа во время протестов в Минске. Там она как журналист освещала акцию. Как видно на видеозаписи, которая оказалась в распоряжении «Нашей Нивы», боец умышленно выстрелил в Лубневскую.

Девушка провела в больнице 38 дней, а теперь изданию, в котором она работает, грозит штраф от органов власти за ее ранение.

В целом Наталья Лубневская в журналистике пять лет. Она писала больше на социальные темы. Вспоминает, что до активных политических событий в Беларуси писала о правах женщин, о моде и экономике. Девушка общительная, коммуникабельная, охотно рассказывает о ситуации в стране. На заднем фоне слышу лай собаки. Позже прочту в белорусских СМИ, что именно по своему домашнему питомцу больше всего будет скучать журналистка во время своего пребывания в больнице на лечении.

Этим летом, когда главной темой в стране стали предстоящие выборы и все, что с ними связано, то все новости о выборах просто перестали быть политикой, а стали чем-то большим. Теперь и Наталья не могла обойти политику стороной.

– Это было тем, что интересует каждого. Ведь все истории так или иначе стали связаны с протестами.

Поэтому я не могла обойти эти акции граждан стороной. Так что работать во время протестов меня никто не заставлял, самой было интересно. Я хотела своими глазами увидеть, что происходит, разобраться в этом. Я включилась в освещение этих процессов.

То, что случилось 10 августа, Наталье запомнится надолго.

– Не думаю, что меня могли перепутать с протестующими, – вспоминает журналистка. – В момент, когда все это произошло, я, как большинство моих коллег, была обозначена журналистом: на мне была синяя жилетка с надписью «Пресса», был бейджик. Опять же, мы все стояли группой сбоку – нас сложно было перепутать с прохожими или с протестующими. Мы ничего не кричали, не было диалога и перепалки. Но все произошло молниеносно.

Так же ничего не кричал конкретно мне силовик, просто взял и выстрелил. У меня в голове это не укладывается, но да, я думаю, это было сделано специально. Поскольку в последующие дни было заметно, что на независимых журналистов СМИ началась охота.

Видео с ранением Натальи Лубневской облетело интернет.

Издание «Наша нива» выложила видео, на котором заметно, как в Лубневскую с близкого расстояния выстрелил сотрудник силовых структур (по данным издания, это мог быть боец спецназа МВД «Алмаз»; по другим данным — спецназа КГБ «Альфа»). Редакция считает, что силовик прицельно стрелял по журналистке — хотя она была одета в синюю жилетку с надписью «Пресса».

Сперва девушка еще смогла сама отбежать от места событий в сторону, почувствовав в ноге очень сильное жжение. Сразу после случившегося прохожие отвезли ее в больницу.

– Официально это записано как огнестрел, поскольку пуля вылетала с помощью пороха. И неважно уже резиновая она или боевая. В больнице я была 38 дней. Потом еще сидела несколько недель на больничном, наблюдалась в поликлинике. Сейчас я возвращаюсь к привычному рабочему ритму. Правда, хоть сама рана затянулась, мне предстоит какое-то время реабилитация, чтобы разработать колено и вернуть ногу к тому состоянию, в котором она была раньше. Ведь хоть кость не была задета, пуля прошла рядом с колем. И все время в больнице мне нельзя было тревожить ногу, сгибать ее. Несколько недель я была в гипсе, нога в это время была прямая и после пребывания в таком положении конечности ее надо разрабатывать. Это своеобразный и не очень приятный процесс, – говорит журналистка.

Теперь она уже ходит, но, как говорится на профессиональном сленге, «в поле» не работает. Ведь до такого состояния, чтобы быстро ходить или даже бегать во время протестов, она еще не восстановилась. Поэтому журналистка больше работает за компьютером, с телефоном.

– Беру интервью, работаю на телефоне, ведь помимо воскресных

событий есть много других происшествий, или же отголосков протестов. Есть задержания, поэтому работы хватает, приходится постоянно брать комментарии, – разъясняет Наталья Лубневская.

После случившегося в журналистки брали интервью много коллег.

В разделе «Леди» на сайте tut.by читаем с ней сентябрьский очерк, где автор сконцентрировалась на переживаниях Натальи. Девушка вспоминает о отношении близких и родных к ее ранению, рассказывает о лечении, об уходе медперсонала, о помощи со стороны волонтеров, также о депутатах.

«Сразу после операции медперсонал сказал, что пришли депутаты и хотят пообщаться. Я была после наркоза, сонная, и не хотела общаться ни с кем — даже с депутатами. Но они пришли, сказали, что готовы помочь. В какой-то момент меня прорвало, и я сказала, что помощь нам нужна простая: чтобы они сделали громкое заявление о том, что увидели. Сказали, что они все понимают, но люди маленькие и решения принимаются не ими”.

Также к Наталье приходили следователи — сначала дежурный, а потом из Фрунзенского районного отдела Следственного комитета.

– Я написала заявление, но дело пока не заведено. Последнее извещение, которое мне пришло, было о том, что проверка продлена на месяц — до 21-го сентября. Хотя видео с моментом выстрела и контакты свидетелей мы предоставили заблаговременно. Ну у меня нет юридического образования, и, возможно, я просто не понимаю нюансов чужой работы…» – цитируют коллегу белорусские издания.

Лубневская подала заявление в Следственный комитет, потребовав возбудить уголовное дело по факту нанесения ей телесных повреждений.

Следователи дважды приходили ее опрашивать, но уголовное дело так и не было возбуждено.

Журналистка получила извещение о том, что срок проверки по ее заявлению продлен до середины ноября.

21 сентября главный редактор «Нашей нивы» Егор Мартинович рассказал, что изданию угрожает штраф из-за ситуации с ранением Лубневской.

«Такая ситуация — с ранением журналиста — для нас первая и, надеемся, последняя. Разумеется, алгоритмов действий в таких исключительных ситуациях у нас нет. Поскольку случай Натальи можно трактовать как травму на производстве, бухгалтерия связалась с [государственной страховой организацией] «Белгосстрах», чтобы выяснить, какие документы нужно им предоставить. Специалисты дали нужный список, но предупредили, что в любом случае по итогам разбирательства «Наша нива» должна получить штраф от государственных органов — потому что своевременно не известила о происшествии и не провела собственное расследование», — написал Мартинович в «Фейсбуке».

Фото: Надежды Бужан, Наша Ніва

– Издание получило уведомление из департамента по охране труда. Оказывается мы несвоевременно оформили бумаги по моему ранению, «не предотвратили» ситуацию… Вопрос решается юридически. Кстати, видео мы предоставили следователю еще до публикации в интернете. Но ни тогда, ни позже ситуацию это не изменило. Хотя по любой криминальной травме по уведомлению из больницы буквально на следующий день заводится дело, проводят разбирательство. Будь на моем месте алкоголик, который подрался с собутыльником, уголовное дело завели бы уже через несколько дней, – объясняет Наталья.

Журналистка вспоминает, что для родных ситуация, которая сложилась, тоже стала шоковой, ведь если человек едет в зону боевых действий, то можно опасаться чего-то, но она шла на митинг и не ожидала, что в нее выстрелят.

– Близкие теперь больше за меня переживают, предлагают сходить в отпуск. Но я понимаю, что действовала в правовом поле. Сейчас тоже работаю согласно нормам и принципам журналистики. Также мы разговариваем с коллегами и они несколько озадачены. Ведь сейчас жилет с надписью «Пресса» приводит не к защите, а наоборот, к охоте на тебя, – говорит Наталья Лубневская.

– Не думали теперь сменить работу?

Фото: Надежды Бужан, Наша Ніва

– Нет, мне всегда нравилась моя работа. А сейчас я понимаю еще больше, насколько важно то, что мы делаем. Если власть так боится того, что мы снимем, напишем, значит это действительно имеет силу.

Наш разговор был записан в конце октября, но до 25 числа, до даты, когда Светлана Тихановская объявляла общенациональную забастовку.

– Я не знаю, что будет после 25 октября. Но я так понимаю, что протесты перекочуют больше в экономическую плоскость. Что могу сказать я? Мы будем и дальше освещать события, пытаться давать возможность высказаться одной и другой стороне, – говорит Наталья Лубневская.

Проблема лишь в том, что, как объясняет журналистка, сторонники власти часто не хотят высказываться в независимых СМИ. Ведь это чиновники, правоохранители, то есть люди системы. Так что даже если от СМИ исходит запрос что-либо прокомментировать, ответ приходит далеко не всегда…

Назарий Вивчарик

Фото: Ирина Ареховская / Belsat.eu

Фото: Ирина Ареховская / Belsat.eu

Фото: Ирина Ареховская / Belsat.eu

“Карцер для начинающих. Как стажировка на “Белсате” закончилась месяцем ареста”.

История Елены Довнар

Елене Довнар всего 23 года, в журналистику пришла в сентябре 2020-го – на волне исторических событий в Беларуси. Но именно она получила самый большой срок среди всех арестованных коллег. Месяц за решеткой, несколько этапов, пять дней в карцере с температурой. Её заставляли оговаривать себя, подписывать сфальсифицированные протоколы, раскаиваться на камеру. Но Лена выдержала удар. И – окончательно определилась с профессией.

“Я училась на журфаке, по специальности международная журналистика. В итоге после окончания университета пошла в коммерцию, работала в офисе. Когда начались все эти события, передо мной встал выбор: идти как участница или освещать их как журналист. Сначала решила быть просто участницей, но в начале сентября решение изменила”,
– говорит девушка.

Еще 9 августа, в ночь после выборов, она прятала у себя в квартире от обстрела светошумовыми гранатами съемочную группу “Белсата”. Разговорились, выяснилось, что Лена по образованию журналист и очень любит фотографировать. Разговор забылся и Лена вернулась к своим делам, но потом всё-таки не выдержала. “Я хотела пойти документировать события, снимать для себя, я понимала, что сейчас пишется история и это нельзя пропустить”.

В итоге редакция “Белсата” взяла Довнар на двухнедельную стажировку в качестве журналиста и фотографа. Она работала на многочисленных судах над задержанными, освещала женские акции по субботам и воскресные марши в Минске.

Расплата за снимок

В субботу 26 сентября Лена пошла снимать очередной женский марш в центре города. Женщины сначала стояли маленькими группками, к ним подъезжали бусы без номеров и выхватывали по одной. Несмотря на точечные задержания, им удалось сформировать колонну и двинуться по проспекту Независимости. Лена старалась держаться рядом с остальными журналистами. Жилетку с надписью “Пресса” пришлось оставить дома: в последнее время она, наоборот, подобно живой мишени привлекает внимание силовиков.

“На проспекте началась жесткая зачистка. Кто-то из девочек побежал во дворы, за ними помчался ОМОН. Я увидела, как на траве сидела пожилая женщина и кричала: “Отпустите мою дочку!” Я сняла это на видео и побежала в кафе, чтобы отправить редакции. Через какое-то время я увидела, что омоновцы уже спокойно разговаривают с оставшимися на улице женщинами и вроде бы никого не трогают. Тогда я вышла с камерой. Хотела этим кадром показать, что нормальный диалог возможен…” – вспоминает Лена.

Она успела сделать пару кадров, опустить камеру и в следующий момент перед ней возникли омоновцы и под руки завели в бус.

“Там уже сидели задержанные девушки. Силовики спросили, кто здесь журналист.

Я сказала, что я. Тогда меня перевели в припаркованный по соседству бус, в котором держали журналисток TUT.by, Еврорадио, “Нашей Нивы”. Всех повезли в Октябрьское РУВД”.

Фото: ТК / belsat.eu

Обычно задержанных отвозят в РУВД того района, где произошло само задержание. Территориально Лене “полагалось” Советское, но группу журналисток завезли в Октябрьское неспроста. Дело в том, что приблизительно с конца августа журналистов чаще всего доставляют именно туда. Вероятно, власти назначили его “смотрящим за прессой”.

Содержат журналистов в актовом зале – прохладном полуподвальном помещении, где в мирное время проходят собрания личного состава. Над рядами стульев возвышается стол-”президиум”, в углу зала стоят железные доспехи – странный подарок кого-то из бывших начальников РУВД. На стенах висят портреты всех начальников с 20-х годов до наших дней – особо запоминаются улыбчивые лица красных комиссаров на светло-голубом фоне.

“Никто из людей в штатском не называл своих фамилий. Нам разрешили пить воду и ходить в туалет. Вещи пока не отбирали. Потом всех журналистов с удостоверениями отпустили, а мне принесли протокол за “участие в несанкционированной акции”.

Я пыталась объяснить, что не принимала участия, а только фотографировала, но им было всё равно. Слушали, кивали и разводили руками, мол, ничего сделать не можем, протокол уже составлен, на суде всё расскажешь, а сейчас подписывай”, – вспоминает Лена.

“О, насекомых привезли!”

На служебной машине Лену отвезли на Окрестина. Молодой конвойный разрешил ей позвонить маме. Та спросила не бьют ли, Лена успокоила – нет, не бьют.

В двухместной камере она оказалась одна, но ближе к вечеру стали привозить новых задержанных на марше. В первый вечер девушек не покормили, но Лена и так не собиралась ничего есть из принципа – как минимум до суда. Ночью выспаться не удалось – свет был таким же ярким, как днём. К вечеру следующего дня Лене принесли передачку из дома.

“Весь понедельник я ждала суда, но всё не было. Пока мою сокамерницу увели на суд, мне сказали скручивать матрас – якобы его забирают на санитарную обработку. Я еще насторожилась: надзиратель только ко мне подошел с этой новостью, другие камеры не сдавали матрасы. Через минут пять в камеру вошла женщина неопрятного, бомжеватого вида. Она рассказала, что их специально собирают по всему городу перед маршами, чтобы закидывать в камеры к “политическим”. На неё даже протокола не составляли – просто схватили с собутыльниками”.

В тот день дежурные особенно грубо обращались с задержанными. “О, насекомых привезли”, – говорили они про девушек. Мужчин чаще называли “животными”.

> “Ночь была ужасной. Матрасы нам так и не отдали. Та женщина внизу ворочалась кашляла, предупреждала, что у неё много болезней. Мы с девочкой-сокамерницей, которой уже дали 9 суток, спали на деревянном поддоне вдвоем на верхних нарах. Помню, я постоянно проваливалась в промежуток между нарами и стенкой”, – вспоминает Лена.

С утра её повели на суд – прямо в изоляторе, в соседнем корпусе. Заседание проходило по скайпу. Прямо перед началом милиционер привез протокол, в который добавили ещё одну статью – за неповиновение сотрудникам милиции.

“Прочитать этот протокол мне не дали. Сказали, всё узнаешь на суде. Я и подумать не могла, что мне припишут что-то за РУВД. Мы там спокойно, вежливо общались. А в протоколе было написано, что я “на неоднократные требования проследовать в комнату для разбирательства с задержанными отказывалась, размахивала руками, упиралась, садилась на пол”. Ничего такого не было!”

По первому протоколу Лене дали 50 базовых величин штрафа, и она уже выдохнула – ареста не будет. Но по второму ей дали сразу 15 суток – максимальный срок. Свидетели-омоновцы давали показания из затемненной комнаты. Одного Лена, кажется, узнала…

Тюремный юмор “политических”– в меру циничный – часто помогает людям не падать духом. Узнав про решение суда, сокамерница дала Лене прозвище “Пятнадцать плюс пятьдесят”.

“Квартал 95” в барановичской тюрьме

Утром в четверг двери камеры открылись: “Довнар, с вещами на выход!” Во дворике погрузили в автозак с двухместными “стаканами”. Куда переводят – не сообщили, сами всё увидите. Предупредили, что при попытке к бегству будут применять оружие. В проходе сидела собака. “Мне 11 суток досидеть, какое бегство?” – смеётся Лена.

Только по прибытии, когда её с десятками женщин, поместили в камеру-распределитель, журналистка узнала, что находится в Барановичах, в СИЗО. Раньше тех, кто не помещался на Окрестина в Минске, увозили в жодинскую тюрьму. Барановичи были в новинку.

“Персонал рассматривал нас с интересом. Наверное, думали, что им привезут каких-то наркоманов обколотых, а тут красивые девочки, ведут себя прилично. Нас перевели в старое крыло здания, где была ещё царская тюрьма. В камере на 19 человек нас было 17. Высокие потолки, трехъярусные нары, сырость и полутьма... А вот питание там оказалось нормальным. На ужин мы с удовольствием съели вкусную запеканку”.

Каждое утро в Барановичах начиналось с оглушительно громкого государственного гимна – вместо побудки. Надзиратели сами признавались, что включают его специально для нас. Лена пыталась читать книгу – “Бегство от свободы” Эриха Фромма – но сосредоточиться в шумной камере не выходило. Почти два десятка женщин в возрасте от 18 до 56 лет смеялись, плакали, делились историями из жизни.

> “У нас была камера №95, так мы назвали себя “Квартал 95”. Вообще, всё походило на атмосферу детского летнего лагеря, только темно, сыро и на окнах решетки. У нас всё было общее. Мы постоянно придумывали себе новые развлечения. Одна женщина-профессиональная альпинистка обучала нас разным полезным упражнениям, как правильно дышать; занимались гимнастикой.

Охрана даже позволила нам играть в настольные игры, которые кому-то принесли в передаче. Однажды во время осмотра камеры надзиратель наткнулся на коробку от настолки с надписью “Взрывные котята”. Слово “взрывные” его смутило”.

Через пару дней Лену вызвали из камеры в отдельную комнатку, где неизвестный сотрудник милиции стал интересоваться, как скоро она оплатит свой штраф – 50 базовых. Сумма это внушительная, более 500 долларов. Она ответила, что заплатит, когда будет возможность.

Лену перевезли из СИЗО в Барановичский ИВС, а на выходных этапировали обратно в Минск.

“В ту ночь я впервые заплакала”

“Под вечер привозят на Окрестина. Приглашают в маленькую комнатку

Фото: ТК / belsat.eu

“Он говорит: “Ну тогда ладно, иди в камеру, выйдешь 11 числа”. Камера уже открылась, как вдруг в след раздалось: “И да, на выход с вещами!” Как так? Сначала вывели на улицу через главный вход, но начальство стало кричать, что меня нужно вывести через другой выход, и мы пошли какими-то подвалами во внутренний двор. (В тот день приезжала проверка из Минска)”.

без окон, где на полу лежало какое-то бельё. Там сидят уже знакомые милиционеры из Октябрьского РУВД… с новым протоколом в руках. В моём телефоне они нашли фотографию в инстаграме – с марша 6 сентября. “Если не хочешь еще протоколов, признавай вину. Согласишься – обещаю, что тебе не дадут 15 суток”, – сказал один из них. Бессмысленно было отпираться”.

В этот раз суд был вообще без свидетелей. Судья просто зачитала материалы дела и вынесла решение: 15 суток. “Я задавала себе вопрос, почему именно я? Но искать здесь логику бессмысленно”, – говорит журналистка.

Во вторник из обычной камеры девушку перевели в карцер.

“В моём представлении карцер – это если ты ужасно провинился. Но я вела себя спокойно, ни с кем не спорила. За что? Якобы пела песни, плохо убиралась… Это неправда. Я поняла, что поступил приказ”.

Карцер находился на втором этаже изолятора. На полу плитка, горячей воды нет, холодная течет из ржавого краника, как на улице. Раньше здесь была раковина, но её скрутили. “Жители” карцера приспособили вместо неё мусорное ведро. От туалета идёт вонь. А вместо нар – узкая деревянная полка, которую в 6 утра поднимают. (Ни матраца, ни покрывала у тебя нет). До отбоя можно только стоять или сидеть на стульчике сантиметров двадцати в ширину. “Кругом были надписи “Народная грамада”, “Молодой фронт”, имена прежних политзаключенных. Под окном кем-то выцарапан маленький крест... В ту ночь я впервые заплакала от обиды. То, что ты там находишься один – тяжелее всего. Я готова была спать на полу, но в общей камере. Одиночество невыносимо”.

После отбоя Лену из карцера водили в кабинет, где хотели, чтобы она “раскаялась в содеянном” на камеру. Повесили микрофон-петличку, спросили: “Что ты можешь посоветовать людям, которые выходят на улицу?” Лена ответила что каждый должен делать то, что считает нужным. Ничего не добившись от арестованной журналистки, её вернули в холодный карцер. Вскоре у Лены поднялась температура за 38. Ей просовывали в кормушку парацетамол. Тело начало чесаться. Фельдшер порекомендовала успокоиться, “это ведь всё из-за стресса”.

В карцере Лена провела пять дней.

За весь срок (за вторые 15 суток) ареста на прогулку её водили трижды, помыться – ни разу, говорили, что тебя никто одну не поведет. Спустя три недели в волосах завелись вши, а тело покрылось сыпью и микроранками и слоем грязи.

“Когда выходила из камеры, не хотелось вообще ни о чём думать. Мне всё время казалось, что ведут еще один протокол подписывать. Когда увидела, сколько людей пришло встречать, расплакалась”.

Мама Лены не получила ни одного из шести отправленных писем – для журналистки администрация изолятора полностью блокировала переписку.

“До сих пор не могу осознать, что это была реальность. Напоминает кошмар, от которого не до конца проснулась.Сидя в тюрьме думала, что ради родных я больше никогда и никуда не пойду, всё кончено. Но после выхода, когда увидела сколько поддержки и слов благодарности было в мой адрес, поняла, что я не могу сдаться. Свобода придала новые силы, появилась мотивация делать большее. И, конечно же, я буду продолжать работать. И точно знаю, что принесу стране и людям пользу, работая журналистом”.

Так закончилась стажировка Елены Довнар и началась карьера в белорусской журналистике.

Катерина Андреева

Фото: ТК / belsat.eu

“Я попал в камеру пыток”.

История Сергея Герасимовича

10 августа в Минске был задержан журналист команды «Белсат» и член БАЖ Сергей Герасимович. Журналист также является фрилансером и сотрудничает с другими СМИ.

Если кратко о том что произошло с нашим коллегой после, то это были избиения и пытки. Да, последнее слово особо пугает. О своём пребывании в известном изоляторе по ул. Окрестина Сергей рассказывает такие вещи, которые просто в голове не укладываются. Сам журналист после выхода на свободу вынужден был пройти реабилитацию, как физическую так и психологическую.

Его история попала одной из первых в отчет правозащитного центра «Весна». Журналист также поведал её для ряда иностранных организаций и СМИ. Слушать его мне, коллеге из Украины, которому приходилось видеть киевский Майдан времён 2013-2014 годов, очень тяжело. По стечению обстоятельств с Сергеем не сразу разобрались кто он: активист или журналист? Человек, по сути, направлялся освещать мирную акцию протеста против фальсификации результатов президентских выборов. Он шёл выполнять свои профессиональные обязанности. Это, пожалуй, самая жестокая история из тех, о которых я пишу в этом сборнике.

Журналист был задержан сотрудниками ОМОНа в центре Минска – возле гостиницы «Юбилейная» поздно вечером. При задержании был сильно избит.

– Мы шли с коллегами журналистами, и разговаривали, автомобили на проспекте начали сигналить, я поднял руку. И тут омоновцы кричат: «Иди сюда!» Я подошел, и началась жесть – забросили в «автозак», заставили лечь «мордой в пол!» и сразу дубинами. Мне из всех задержанных не повезло, наверное, больше, потому что когда проехали метров 30 меня перебросили в «бусик», где также сидели сотрудники ОМОН, и они тоже заставили лежать «мордой в пол». Там опять «обработали», а когда доехали до Немиги, меня перебросили в автозак и там меня заново «обработали» дубинками, – вспоминает Сергей Герасимович.

Впоследствии он был доставлен в изолятор на ул. Окрестина, где провёл трое суток, после чего его отпустили «в связи с истечением срока административного задержания». Всё это время его регулярно подвергали избиениям и содержали в нечеловеческих условиях.

Во время того, как задержанного журналиста перекидывали с бусика в бусик, он потерял свое удостоверение. В изоляторе на ул. Окрестина задержанных пропускали через коридор «славы», когда всех, кто проходил возле силовиков, били дубинками. Уже в который раз...

– Позже, поставив меня на колени возле стены и заставив головой упереться в пол, неизвестные мне люди со мной проводили беседу, спрашивали, куда я шёл и прочую ерунду. Допрос продолжался около часа. Потом заставили подняться и бежать, согнувшись, «мордой в пол», по коридору. Опять нас выстроили вдоль стены и приказали снимать трусы, то есть раздели догола, заставляли приседать и при этом били по мягким тканям. А рядом стояла врач и на всё это смотрела. Она считала это забавным.

После процедуры «оформления» меня оределили в камеру №7. Там я был не один, в шестиместной камере со мной сидел ещё 21 человек, – вспоминает Сергей.

– Кстати, со мной сидели разные люди: обыкновенные демонстранты, врачи, был также Владислав Соколовский – диджей, включивший песню Цоя «Перемен» в Киевском сквере, за что и был осужден на 10 суток. Влада перевели к нам с карцера, где он просидел пять дней практически в одних трусах. Там, кроме прикрученного к полу стула, дырки в полу для исправления естественных нужд и откидывающихся на ночь деревянных нар, ничего не было. Нары не каждую ночь откидывали, чаще приходилось спать сидя. Говорит, что на пол разливали хлорку, чтобы она выедала глаза. Так вот, увидев нас, он радовался, что видит хоть каких-то людей.

– Вспоминается яркий, ужасный момент, когда в коридор вывели женщину, и я сквозь щель в «кормушке» (так называется металлическое окошко в двери, через которое подают еду. Оно неплотно закрывается и через него можно просматривать коридор) наблюдал за происходящим. Таким образом мы видели и слышали, как сотрудники МВД снимали ее на камеру и кричали матом, чего, мол, она вышла на митинг с плакатом «Нет фашизму!», и знает ли она вообще, что такое фашизм? Женщина ответила перепуганным голосом,

что знает, потому что у неё отец воевал, и то, что он, представитель правоохранительных органов, делает и есть фашизм. То есть мы в камере уже понимали, что это не молодая девочка, раз её отец воевал. А сотрудник органов начинает её избивать, крича ей, что то, чем он занимается, не фашизм, а садизм. Дословно: «То, что я делаю, это садизм, а не фашизм, тварь!».

Фото: Ирина Арехковская

После чего буквально ногами запихал ее в камеру, а женщина успела крикнуть, что объявляет голодовку. Как всё это осознать, я просто не знаю и не понимаю.

Как и то, почему в первые дни после выборов к митингующим, и журналистам в том числе, относились так жестоко, – говорит Сергей Герасимович.

Президентские выборы в Беларуси проходили 9 августа 2020 года. Начало избирательной кампании в стране ознаменовалось задержаниями и арестами оппозиционных кандидатов и их сторонников. На момент написания очерка (конец октября) в Беларуси уже третий месяц продолжались массовые акции протеста и забастовки против фальсификации итогов президентских выборов.

Согласно официальным данным, победу с результатом более 80 процентов голосов одержал Александр Лукашенко, правящий в Беларуси с 1994 года. Оппозиция, однако, не признаёт итоги выборов, обвиняет власти в подтасовках результатов и добивается отставки Лукашенко, освобождения политзаключенных и проведения новых выборов.

Особенно многолюдные массовые манифестации происходят по воскресеньям. В них принимают участие десятки тысяч граждан.

– Я журналист, занимаюсь в основном расследованиями. Вместе с коллегой Стасом Ивашкевичем мы готовили передачу о фальсификациях на выборах. Когда всё начиналось, мы и представить себе не могли, что всё будет иметь такой вот жестокий вид. Думали, что люди покричат, милиция выйдет, чтобы обеспечить правопорядок, в крайнем случае, погоняет немного особо пылких, и всё. Кто знал, что начнут стрелять (ранее мы писали о журналистке Наталии Лубневской, которой силовики целенаправленно выстрелили в ногу – Авт.), убивать? В СМИ ведь была даже информация о случаях, когда активистов находили повешенными. То есть среди демонстрантов есть погибшие, – говорит Сергей Герасимович.

Между прочим, интервью у Влада после выхода из изолятора возьмёт представитель газеты «Наша Нива», после чего к редактору газеты придут с обыском правоохранительные органы, а его самого будут обвинять по статье о клевете (читайте историю с Егором Мартиновичем, – Авт.).

– В общем, много парней со мной сидели. В последние сутки моего пребывания на Окрестина нас было 40 человек в камере на 20 кв. метров. Слава богу, у нас была раковина и кран с водой. Пару раз приносили хлеб. Раз принесли кашу, сваренную на воде. Она была какая-то синяя, я не смог ее есть. Впоследствии, через трое суток, меня отпустили по истечению срока административного ареста, – рассказывает журналист.

Конечно, после пребывания в изоляторе Сергей сделал фото побоев, а также обратился за помощью. Интересно, что одним из его психологов был человек, который работал врачом-волонтером на востоке Украины, оказывал психиатрическую помощь бойцам АТО.

– Первое время было очень тяжело. Избиения задержанных были страшные.

Приходил пару раз офицер (скорее всего или начальник ЦИП, или заместитель) и говорил: «Ох, что же вы так этих злодеев бьете, их и так жизнь уже наказала…». После этого, когда начальник уходил, задержанных били еще сильнее. Нас, например, выводили во внутренний дворик Окрестина, ставили на колени и кричали «Майку поднял! Трусы спустил!» и били. Мне кажется, почки мне отбили еще тогда, когда между «бусиками» и «автозаками» перебрасывали. Мочился я кровью.

– Задержанных привозили каждый вечер. Этот стук открывающихся ворот, перед тем как заедут «автозаки» и из них начнут выбрасывать людей, стоит у меня в ушах до сих пор. Особенно сильно людей начинали бить после 12 ночи. Помню, люди кричат, плачут – женщины, мужчины, им без разницы. Они всех бьют так, что люди начинают испражняться.

– Ночью 13 августа с нас начали брать показания и обещали выпустить. Где-то в 2 часа меня и еще пару человек вывели из камеры и привели на первый этаж. Мне предлагали подписать протокол и обещали тут же отпустить. Конечно, я не подписывал ничего, лишь написал сбоку на бумаге, что с протоколом ознакомлен. При этом, в протоколе писали, что задержали меня 11 числа на Сурганова, но ведь на самом деле я был задержан 10 августа, – разъясняет белорусский журналист.

– Чуть позже нас вывели во внутренний дворик. И вот тогда я понял, что вся жесть только начинается. Люди лежали на земле вдоль забора. А сотрудники

ОМОНа били их дубинками, электрошокерами. Били с остервенением, до потери сознания. Мне, честно скажу, немного повезло, потому что журналист, и почки были отбиты раньше. Один омоновец сказал: “Этого я сам “обработаю”. Он подошел, уложил меня на землю, по заднице пару раз ударил, колени отбил, электрошокером разок. И всё. Был почти забавный момент, когда омоновец спросил меня сколько мне лет, а услышав в ответ что «37», задумался, а потом выдал: «И зачем ты в 37 лет на митинги-то ходишь?!». Было очевидно, что он слишком молод, а в голову им вбили, что протестующие – это наркоманы и проститутки 16-20 лет, – вспоминает Сергей.

Сергей Герасимович постоянно акцентирует внимание на том, что в первые дни протестов в камерах было очень много людей. Некоторые были такие случайные, что казалось будто этих людей правоохранители арестовывали просто по дороге в изолятор. На самом деле, говорит Герасимович, так и было. Некоторые, с кем он общался, вообще не были ни на каком митинге, а, например, просто шли за сигаретами или продуктами в магазин.

После побоев он не чувствовал ногу, такое впечатление будто ему дали укол местного наркоза. В какой-то момент зверства прекратились. Говорят, это связано было с тем, что информация о побоях стала расходиться в СМИ.

– Парня одного головой к дверям нашей камеры поставили на колени. И так били, что он орал нечеловеческим голосом. И угрожали его изнасиловать. Типа, он коктейль Молотова кидал. Хотя, как потом выяснилось, коктейлей вообще никто не кидал. Один раз шину кто-то поджег, – рассказывает.

Все это время Сергея Герасимовича искали родные и коллеги. Но трое суток не могли найти. Ведь в списках его нигде не было. Позже, когда кончились трое суток и его выпустили, волонтёры помогли связаться с родными.

– Первые две недели я просыпался с кровью во рту. Раскусывал язык от страха и только после этого просыпался. Вот на днях опять снилось, что меня забрали в камеру. Ведь физически как-то ещё можно было перетерпеть, но слышать крики женщин, мужчин, как их мучили… Это невыносимо, это изнасилование мозга. И, я акцентирую на этом внимание, избивать начинали в глухую ночь, когда в городе что-то происходило, или же просто уже тяжело было и журналисты шли готовить сюжеты.

В это время возле Окрестина никого не было. Тогда они выводили во двор людей и начинали бить. Мне казалось иногда, что людей жгут, это невозможно было слышать, – грустно вспоминает Сергей.

Он говорит, что в тот момент надо было заснять всё с воздуха на камеру и показать мировой общественности.

–Я был в Польше в Майданеке, там, на окраине польского города, был лагерь смерти Третьего рейха. И там в виде памятника лежали кучи обуви. Они символизировали людей, которых сожгли. А на Окрестина были коробки с кучами мобильных телефонов. Наверное, это и будет для меня символом Окрестина, – вспоминает Сергей Герасимович.

Кроме всего прочего, суд Октябрьского района Минска осудил его ещё и на 20 базовых величин. Это ему присудили за то, что он, вроде бы, учувствовал в митинге 11.08.2020. Городской суд, правда, решение отменил и отправил на новое рассмотрение в тот же районный суд, но к другому судье.

Сейчас Сергей вспоминает, анализирует и думает, что его могли так долго удерживать из-за белого браслета. В 30 метрах от места задержания ему подарили белый браслет с логотипом спортивной фирмы. Этот браслет был похожим на браслеты протестующих.

– В Украине есть много партий. У нас, в Беларуси, сейчас общество расколото. Есть люди за Лукашенко и против. Всё. Равнодушных нет. И это всё мы, журналисты, освещаем, хотя это тяжело. Я после задержания какое-то время боялся ходить на митинги. Помню, когда пошёл в первый раз, близкие пошли со мной. Да что говорить. После изолятора я вообще на две недели уехал на дачу. Отсиделся, потом работал с психологом. На митинг опять пошёл в конце августа. Взял вещи на всякий случай, если задержат. Поддерживали близкие, коллеги. Впоследствии как то вошел в рабочий ритм. А куда деваться, жизнь продолжается, – говорит Сергей.

Сам очерк Сергей Герасимович согласовывал довольно долго. Объяснял это тем, что плохо себя чувствует. Интервью я брал у него в начале октября, а согласовали мы материал в начале ноября. Сергей, кроме плохого самочувствия из-за избиений, еще и заболел коронавирусом. Говорит, что и родные болеют, коллеги, знакомые. У многих пневмония.

– Кстати, сейчас, – рассказывает, – когда у нас уже сотый день протестов (по состоянию на 16 ноября – Авт.), ситуация опять заострилась. Говорят, сейчас началось то же самое. Людей из Окрестина везут прямо в реанимацию. У олимпийских чемпионов, что подписались под письмом против насилия, в камере отключают канализацию, забирают матрасы, подсаживают к ним бомжей и короновирусных, отключают питьевую воду. Да что там чемпионов. Врачей столько посадили, что в каждой камере сейчас свой специалист (нейрохирурги, онкологи, травматологи). Впору на Окрестина больницу открывать… – грустно шутит журналист.

Назарий Вивчарик

“Когда в меня попала пуля, я сказала ”Ой” – и побежала дальше”.

История Ирины Ареховской

Фотограф-фрилансер Ирина Ареховская работала всё горячее лето-2020 и половину осени практически без выходных. В августе в неё выстрелили – резиновая пуля прошила насквозь рюкзак и жилетку “Пресса”. Журналистка подала заявление в СК, но вскоре к ней самой пришли с обыском. Ирина временно покинула Беларусь.

“Моя жизнь разделилась на до 9 августа и после”

“Ко дню выборов, 9 августа, я готовилась так: вся моя жизнь разделилась на до и после. Все личные планы отодвигались на потом – сходить к врачу, решить личные проблемы… До того мы работали в очень напряженном режиме и казалось, что всё, сейчас состоятся выборы и мы будем жить, как раньше. Но всё вышло наоборот. Оказалось, что все свои дела нужно было делать до 9 августа”, – говорит Ира.

Она признается: были подозрения, что всё пройдет по максимально брутальному сценарию. Поэтому журналистка заранее изучила информацию про водомёты, слезоточивый газ, необходимую аптечку на случай их применения. Накануне 9 августа она решила не ночевать дома – многие коллеги готовились к тому, что забирать начнут с самого утра.

“Я проснулась у друзей в микрорайоне Сухарево. Они пошли голосовать и предложили мне сделать первые иллюстрации

с этих участков для голосования. То, что я там увидела, меня просто шокировало. К участкам выстроились огромные очереди. И я поняла: всё, это наши выборы. Потом я делала какие-то задания, даже сама не успела проголосовать. Снимала по всему городу за несколько часов до закрытия участков. Людей возле них стало еще больше. Казалось, что вышли вообще все, кто живет в соседних домах. К тому времени туда уже начали подъезжать автозаки. Но пока ничего не происходило, силовики просто наблюдали”, – вспоминает Ирина.

Действительно, ближе к концу голосования на некоторые участки приехали бойцы ОМОНа. Они задерживали независимых наблюдателей, а членов избирательных комиссий тайком уводили от толпы через запасные выходы.

“Когда стемнело, я поехала в центр. Шла в сторону Стелы, как вдруг услышала взрывы, хлопки – в мою сторону стали бежать окровавленные люди. Они задыхались, у них текли слёзы. И это так резко случилось, что я сначала вообще не поняла, что произошло. Я попыталась пробраться вперед, расспрашивала людей, но толком никто не мог объяснить. Впереди стояли военные со щитами. Я поснимала вокруг “щитов”, внутрь оцепления попасть не смогла. И тогда я пошла в квартиру, которую мы арендовали, но подходы к квартире тоже блокировали силовики. Пришлось пробираться через какие-то углы, перепрыгивать заборы… В итоге я пришла в квартиру и до 5 утра наблюдала из окна, как внизу задерживают людей”.

Интернета в тот день не было, во многих домах отключился даже вайфай. Коллеги пересказывали друг другу новости по телефону или встречаясь в городе, на бегу. На следующий день, стало понятно, что протесты продолжатся.

На баррикадах

“К вечеру центр Минска был уже перекрыт. Я сначала снимала на

Немиге, там прошла зачистка. Потом решила поехать на баррикады – к торговому центру “Рига”. Уже было известно, что в другом районе гранатой оглушило нашу коллегу. А я до этого читала много и знала, что во время взрыва нужно открывать рот. Поэтому я работала все дни с открытым ртом. Такси не ходили. Чтобы попасть на “Ригу”, я просто встала на улице в жилете “Пресса”, подняла руку и через секунду подъехала машина. Со мной в машину заскочил еще какой-то мужчина, ему было по пути. По дороге рассказал, что его дочь моего возраста и он вышел на протест за свою дочь. А теперь будет и меня защищать. Какое-то время он действительно мне помогал – сообщал, с какой стороны едет спецтехника, пытался укрыть меня и отвести, когда пустили газ. Потом я потеряла его из виду…”

Баррикады на “Риге” за вечер 10 августа разгоняли трижды. Когда Ира приехала туда, первый разгон уже прошел. Люди заново водружали конструкцию из мусорных баков посреди дороги.

“Было сильное ощущение тревоги. Такое затишье перед бурей. Я начинаю снимать и люди прямо у меня в кадре начинают что-то поднимать, носить, составлять. И тут подъехал водомет. Я отбежала.

Баррикаду тем временем начали заливать газом, бросать дымовые шашки. Я опять остановила машину – там оказались очень крутые ребята!

У них было всё: маски, аптечка. Они забрали меня и еще несколько людей, промыли нам глаза, накормили бананами и отвезли по домам”.

“Крови было совсем чуть-чуть”

С утра Ира отправилась покупать страйкбольный бронежилет и каску. Товары это были ходовые – почти всё успели разобрать. Люди поняли, что пришло время защищать себя.

В магазине фотографу бесплатно дали еще и металлическую плиту, которая могла спасти от удара дубинкой.

“В третий день мы с группкой коллег в жилетках “Пресса” поехали на “Пушкинскую” (накануне силовики убили там демонстранта Александра Тарайковского – прим. автора). По дороге нас останавливали и говорили: не ходите туда, там бьют журналистов.Камеры тоже бьют и забирают флэшки. Мы развернулись и решили пойти за толпой людей на “Спортивную” (в одной станции от “Пушкинской” – прим. автора). Заняли позицию на горке и наблюдали за происходящим.

Фото: Belsat.eu

Внезапно подъезжают бусы, оттуда вылетают люди в форме с ружьями и бегут за толпой. Я тоже побежала вдоль по улице. И тут в меня начали стрелять. Думаю, они видели, что я журналист, я же была в жилете. Страшнее всего даже не сам выстрел, а когда направляют оружие в твою сторону.

Когда в меня попала пуля, я сказала “Ой” – и побежала дальше. Конечно, больно, но останавливаться было нельзя. Я не кричала даже, просто бежала изо всех сил. Мы с коллегами бежали так, пока силовики не перестали нас преследовать. А люди высовывались из окон и кричали им вслед: “Сволочи, что вы делаете, это же журналисты!”. Кто-то кричал: “это же журналисты, что вы делаете?”.

Когда погоня прекратилась, Ира посмотрела, есть ли кровь. Пуля попала в область ягодицы.

“Крови было совсем чуть-чуть. Пуля пролетела через рюкзак, штаны, жилетку – это немного её притормозило. Ну и место такое удачное. Так что мне повезло. Бутылка с водой, прицепленная к рюкзаку, была прострелена насквозь. В каску тоже попало. То есть в меня стреляли не один раз. Расстояние было метров 15-20, не больше, но ведь силовик стрелял на бегу, ему тоже было не очень удобно”, – рассказывает Ареховская.

Фото: Ирина Ареховская

Фотографы в западне

Уехать домой или добраться до больницы не представлялось возможным: кругом кордоны силовиков. Единственная открытая дорога была в направлении метро “Каменная Горка”.

“Уже по пути туда видели зачистки. Люди бегали, в них стреляли, слышались взрывы. Я поснимала немного из машины. На Каменной горке находился еще один наш коллега. От него мы узнали, что все очень плохо: омоновцы и военные останавливают машины, бьют стекла, вытаскивают пассажиров. Мы вышли около магазина “Грин”. Там люди строили баррикады. Какие-то ребята перехватили и слушали разговоры силовиков по рации. Так стало ясно, что прямо сейчас будет зачистка”.

Оказавшись в западне, трое фотографов поднялись на крышу “Бургер кинга”, откуда открывался круговой обзор.

“Я видела разгон, слышала все ужасные команды силовиков – “втоплать на**й этих крыс”, “закопать тараканов”. Потом они начали останавливать машины на въезде в город, прямо на полосе посреди дороги, вытягивать оттуда людей, обыскивать, ставить на растяжку. По машинам, которые не останавливались, стреляли. стреляли в машины. Мы были на самом простреливаемом месте, но старались не светиться.

Вдруг что-то заблестело над нами. Коллеги сказали: “О, звезда, упала”. А у меня хорошее зрение: я увидела, что над нами висит дрон. Мы просто вжались в эту крышу, лежали, тряслись. А дрон улетел дальше. Он просматривал дворы для зачистки.

И в какой-то момент опять что-то над нами заблестело. И ребята говорят: это дрон. А у меня хорошее зрение: нет, ребята, вот как раз это звезда. Августовский звездопад. Я успела загадать желание. Какое? Какое все бы сейчас загадали”.

Фотографы еще долго лежали на крыше, боясь сдвинуться и даже кашлянуть, чтобы не привлечь внимание силовиков. Только через пару часов они наконец спустились вниз, на парковку. Ира замерзла и после этого вечера слегла с температурой.

Обыск у потерпевшей

Спустя несколько дней Ирине Ареховской позвонили из Следственного комитета и пригласили написать заявление на сотрудников ОМОНа.

“Я ведь пошла в больницу со своим ранением – поэтому они обо мне узнали. Я хотела зафиксировать травму от пули. У меня до сих пор осталось там пятно, такой круглый синяк.

В больнице врачи всех называли “солнышки”, “котики”. Раненых и избитых было столько, что очередь стояла на улице. Возле здания СК тоже толпились пострадавшие, некоторые пришли на костылях.

На входе меня встретил охранник с автоматом в руках, в бронике и балаклаве. Первое желание было уйти. Но все-таки я зашла вовнутрь. Передо мной просто положили лист бумаги на стол и сказали: пишите. Я так оторопела. Что писать, говорю? Заявление. И я написала – своими словами. Следователь была такая приветливая, будто бы сочувствовала мне... И все. Не было никакой реакции целый месяц. Потом пришло письмо что они отправили дело на доработку. И вот через два месяца следствие пришло с обыском ко мне домой”.

В октябре Ирина работала над проектом о жертвах насилия. Часть героев материала уже выехали в Польшу и она отправилась туда на интервью. Журналистка как раз была в командировке, когда в квартиру к её матери, по месту прописки Ирины, пришли с обыском.

“Звонит утром мама и говорит: в нашей квартире обыск. Я не знала, куда деться. Обыск был поверхностный, силовики увидели, что я там не живу. Ничего не изъяли и ушли. Мне снова повезло: ордер на обыск был выдан 15-го октября, я выехала из страны 17-го, а обыск прошел 19-го. То есть они могли прийти раньше, пока я была в Беларуси”, – объясняет Ареховская.

Матери не оставили никаких документов, кроме протокола обыска, где значилась только статья УК – “организация массовых беспорядков”. Причем сразу по части 1,2 и 3.

“Мама сказала, что я – подозреваемая. Когда мы от шока оправились, я спросила: мама, а почему ты так решила? Она

Фото: Ирина Ареховская

сказала: потому что к свидетелям не приходят с обыском. Мама сразу была настроена мрачно, она была в стрессе. Но выяснилось, что я все-таки “пока в статусе свидетеля” – это дословная цитата следователя. За какие именно события – адвокату не сообщили. Маме намекнули, что это связано с моим заявлением в СК. То есть у человека, который стал жертвой насилия, проводят обыск”.

Ира решила пока оставаться в Польше.

“Силовики выломали глазок и пустили в квартиру газ”

После августовских событий и болезни возвращаться к работе было несложно, говорит Ирина.

“Встала, как солдатик, и пошла. Ведь пока я болела, на улицу начали выходить женщины с цветами, прошел первый массовый воскресный марш. Настроение у всех было – “мы победим”. Мне коллега сказала: Ира, ты ничего не поймешь, пока не выйдешь в город. И действительно, я вышла и всё поняла…”

Но как бы не старалась фотограф, держать себя в руках и эмоционально абстрагироваться от событий вокруг, было нелегко.

“Больше всего я дергалась при виде сотрудников ГУБОПиК, которые выглядят не как силовики, а как как гопники с палками. Меня и теперь,

в безопасности, жутко триггерит от любого человека в черной маске или темного микроавтобуса.

Всё это время мне везло. Я, как колобок, ото всех уходила. Иногда на грани. Когда я поняла, что сломалась? Была одна квартира, в которую многие коллеги приходили сливать материалы. В очень хорошем месте, там была крутая хозяйка. Она нас кормила всякими вкусными штуками. Соорудили там нечто вроде корпункта. “Белсат” вёл оттуда прямую трансляцию, когда под окнами проходил марш. В этот момент силовики пришли и начали стучать в двери, долбить буквально, выломали глазок и пустили в квартиру перцовый газ. Я ушла оттуда за пять минут до их появления. Почему-то эта история меня сломала. Я просто представила, каково это – быть, как загнанный зверь. И я тоже почувствовала себя загнанным зверем в тот момент. Я тогда взяла несколько выходных. Внутренний ресурс закончился”.

Ирина работала на Майдане в Киеве зимой 2014-го, еще до расстрелов. Она признается:

Там было гораздо проще работать. На Майдане, по словам фотографа, были логичные и понятные правила, что за чем происходит.

“Ночью все сражаются с силовиками, потом на какое-то время те отступают. Когда я попала в давку – меня зажали с двух стороны, я пищала, потому что теряла сознание – люди остановились и договорились что сделают для меня и других журналистов коридор. На Майдане все было гораздо более цивилизованно именно в первые месяцы. Были правила. А когда правил нет, когда сегодня тебе дают трое суток, завтра 15, а послезавтра избивают камерой по голове, ты вообще не понимаешь, как действовать”.

Сначала Ира давала себе две недели на возвращение в Беларусь. Потом два месяца.

За это время она поступила в Польше в школу фотографии.

“Я вижу, что в Беларуси всё становится не лучше, а хуже. В моей ситуации лучше просто переждать и работать отсюда. Мы с мужем много говорили об этом… Я ведь всё равно будущее связываю с Беларусью и очень хочу домой. Я до сих пор смотрю прогноз погоды в Минске.

Как меня изменили эти месяцы работы на протестах? Профессионально я точно выросла. А что касается личного… Я просто счастлива, что теперь знаю, кто такие белорусы. Звучит пафосно, но это правда”.

Игорь Ильяш

Фото: Ирина Ареховская

“Задержали нас вместе. Меня отправили в больницу, жену – в тюрьму”.

История Алеся Левчука

Брестские журналисты – муж и жена, которые работают в паре – Алесь Левчук и Милана Харитонова были задержаны на акции 10 августа, позже – 11 октября. Они сотрудничают с белорусской информационной компанией БелаПАН и «Белсатом». 10 августа в милиции они провели больше 10 часов.

В октябре уже было посерьёзней. В Ленинском РОВД журналисты пожаловались на плохое самочувствие. Алеся забрали в больницу

с обострением хронического заболевания, а Милане Харитоновой оказали помощь и оставили ее в отделении. Впоследствии Милану Харитонову на третьи сутки отпустили из ИВС с предупреждением. Об их истории рассказывает Алесь Левчук.

– Я в журналистике 19 лет. Сотрудничаю с информационным ангенством БелаПАНа и телеканалом «Белсат», последнему все двенадцать лет его существования режим Лукашенко отказывал в аккредитации, за работу без нее журналистов постоянно штрафуют. Например, в прошлом году мы заплатили 16 тысяч долларов за работу без аккредитации. Но даже аккредитация не гарантирует тебе ничего, в любой момент тебя могут схватить, избить, поломать технику, кинуть в тюрьму. Моего столичного коллегу силовики били камерой по голове, в итоге разбили и камеру, и не давали ему обратиться к врачу. – говорит Алесь Левчук.

После 9 августа, дня выборов, пару журналистов задержали на следующий день. Это было первое задержание в этот протестный для страны период. Алесь вспоминает, что запрещали снимать даже когда приходили на участки с аккредитацией.

– Говорили нам: «Жалуйтесь куда угодно!». Мы пытались выйти в прямой эфир, но нам его сорвали. Пришёл сотрудник милиции и начал угрожать. 10 августа тоже пытались выйти в эфир, но приехал ОМОН, нас забрали в РОВД Брестского района и там мы были три часа. Никто не грубил, не угрожал. Более мене нормально было. Потом отвезли в Ленинское РОВД. В то время это было самое страшное место.

Несколько сотен людей находились в спортзале и их избивали там, а когда привезли нас, то кто-то сказал сразу же убрать, чтоб журналисты ничего этого не видели. Нас обратно вернули в первое РОВД. Мы видели, как людей били дубинками, в стакане который рассчитан на три-человека было наверное человек 40. Нас, слава Богу, не били, но мы не понимали наш статус. Считаю, что мы были похищены, потому что нас продержали 9 часов – с 6 вечера до 5 утра, – говорит Алесь Левчук.

После этого он услышал, как звонит телефон. Пока журналист его достал, у него сразу же его выбили с рук, а когда сотрудник СМИ стал

требовать вернуть телефон, то ему сообщили, что ничего не знают об этом. Журналист акцентирует внимание, что постоянно слышно было крики избитых людей. И все это было под музыку. Об этом есть даже статья в «Вечернем Бресте».

Фото: Геннадий Козловский

Речь идет о 65-летнем музыканте Александре Викторовиче Ивачеве, квартира которого на улице Советской. Мужчина во время акции протеста 9, 10 и 12 августа, когда колонна демонстрантов шла по улице Советской, Александр Викторович перетащил 200-килограммовое фортепиано поближе к балконной двери и заиграл «Вставай, страна огромная!». Позже музыкант был вынужден бежать из Беларуси.

– Помню, были также взрывы гранат, крики «Фашисты!» Когда под утро почти никого не было в РОВД, пришел начальник и сказал собираться домой. Мы уже выдохнули, а он говорит, какой на х* домой, вы в тюрьму поедете. На нас стали составлять протокол якобы за хулиганство. При этом не было никакого доказательства, что мы что-то делали. В итоге нас всё-таки отпустили. Наверное, действовали на психику. Думаю, нам всё же повезло, ведь двое наших коллег на следующий день были избиты и оказались в тюрьме, – вспоминает Алесь.

Второе задержание, которое было 11 октября, имело нечто другой характер. Журналисты вышли работать и когда увидели несколько людей и пошли за ними, подъехал автозак и Алеся с Миланой задержали.

– Нас забрали в отделение, сначала беседовали, потом сказали просто садить нас в подвал как таких, что учувствовали в массовых мероприятиях. В итоге, меня увезли на скорой, а жену закрыли на 72 часа. Кстати, скорая сначала долго не ехала, врачи боялись, что их потом не впустят на территорию РОВД. А когда они заехали, то действительно долго не могли со мной выехать, минут 40… – говорит Алесь. – Я должен был оставить в отделении мой паспорт, телефон, журналистский бейдж. Позже я должен был заключить договор с нотариусом, чтоб адвокат пришел и забрал вещи. А поскольку у меня не было паспорта, получился замкнутый круг.

Об Милане Харитоновой писали в СМИ. Вот как она рассказала о своем пребывании в изоляторе «Комсомольской правде»:

— Нас было 8 человек в шестиместной камере. Первую ночь я и еще одна девушка спали на полу на чем-то, что можно назвать матрасом, — рассказывает Милана.

— И я сидела без передач, потому что в понедельник мои родные не успели мне ничего передать, а во вторник родным сказали, что передачи принимаются только в понедельник, среду и пятницу.

Отпустили журналистку в обед 14 октября, спустя трое суток. Милане выписали предупреждение о недопустимости участия в несанкционированных массовых мероприятиях.

– У нас несовершеннолетний ребенок. И жене не могли давать сутки ареста, но сегодня в Беларуси могут не обращать на это внимание. Но такое отношение не только к журналистам. Задерживают всех, чтоб люди не

ходили на митинги. Мы также работали на одном суде, где освещали процесс. Это уже было после задержания. К нам подходил милиционер и говорил не снимать. Спрашивал, неужели мы думаем, что одним задержанием и отсидкой все кончится. Ведь город маленький, все друг друга знают. Понимаете, сейчас почти не действуют законы. Мне почему-то кажется, что такое же происходит на временно оккупированных территориях Украины, – сравнивает журналист.

Во время нашего разговора, 29 октября, в Беларуси были задержаны и сидели 7 журналистов, по меньшей мере погибли в протестах пять человек, десятки получили ранения. В Евросоюзе утвердили санкции против Лукашенко и нескольких приближенных к нему чиновников. Беларусь все еще требует, чтобы диктатор Александр Лукашенко мирно отказался от власти.

– Сейчас работаем, но появляться на акциях сейчас опасно, идет настоящая охота на журналистов, – говорит Алесь. – В основном, всё-таки акции в первую очередь происходят в Минске. Туда кинуты протестные силы общества. Но и в нас, всё-таки происходят протесты. Так, 13 сентября около тысячи человек в центре перекрёстка водили хороводы, пели песни и выкрикивали различные лозунги. В МВД против людей задействовали водомет.

Как объясняли потом в МВД, это било сделано «С целью восстановления нормальной жизнедеятельности граждан и обеспечения безопасности дорожного движения».

Сейчас журналисты все время носят с собой запасное белье, носки, чашку, некоторые вещи.

– Могут поймать и посадить непонятно за что. Особенно практикуют это по пятницам, чтоб на выходных не было журналистов для освещения акции. Насчет ситуации в обществе в целом, то сейчас также протестуют предприниматели, кафешки, рестораны. Говорят, что из-за этого к ним приходят с проверкой налоговые службы, некоторые были вынуждены бежать за границу. Также для иностранцев закрыли границы, говорят, тут дело в коронавирусе, но иногда не впускают и беларусов – рассказывает журналист. – На днях из брестского университета отчислили 9 студентов, парням дали повестки в армию. Кто не поддерживает власть, тех увольняют, отчисляют с учебных заведений, заводов, ведущих спортсменов исключают из сборных.

Сюжеты сейчас готовить Алесе Левчуку и Милане Харитоновой сложнее, главная угроза не вернуться домой. Сейчас думаем, идти на работу и рисковать, или всё-таки оставаться дома? Приятно, что есть волна солидарности. Благодаря людям, я получаю всё равно много информации.

– Думаете поменять профессию?

– Нет, проблема в одном человеке, когда Лукашенко, который проиграл выборы, уйдет все у нас в Беларуси станет нормально. Сегодня Лукашенко и его силовики устроили геноцид и войну против собственного народа. Есть враг в виде власти, и есть мы, которые обязаны победить. Естественно, мы не участвуем в акциях, мы добываем информацию и показываем картину как есть. Но когда я говорю «мы победим», имею ввиду позицию народа, потому-то когда все останется как есть, журналистики в стране вообще не будет, и нам не будет места в нашей стране, если это не дай Бог случится, Беларусь превратиться в Северную Корею – говорит Алесь.

Сам белорусский журналист был в свое время на украинском Майдане в 2014 году. Говорит, что у него впечатление будто на площадях Беларуси на выходных бывает намного жестче, хотя, когда в Украине стреляли боевыми, это была «настоящая жесть».

моменты, – говорит журналист. – Я помню 2017 год, когда мы готовили сюжет и нас задерживали з Миланой. Там были нарушения и я писал жалобы. Впоследствии меня еще оштрафовали, а потом говорили не на камеру, что нужно меньше жаловаться. Сегодня Лукашенко и его власть готовы калечить и убивать, и они это делают.

Назарий Вивчарик

– Не действуют законы. А когда начинаешь жаловаться, то привлекаешь внимание. Вот вчера ми записали человека, он пожаловался, а после этого его избила милиция. Они каким то образом отслеживают все эти

Фото: Геннадий Козловский

Весна 2020, чемпионат Беларуси по футболу тогда был единственным в Европе, а у журналистов была аккредитация для работу на нем, после ее забрали, а в Беларуси стало не до футбола.

“Сдохнешь – мне легче станет”.

История Евгении Долгой

Белорусская журналистка-фрилансерка, которая брала интервью у кандидата в президенты, гуляла в костюме панды и выдержала голодовку в милицейских застенках.

Евгении Долгой 28 лет, она сотрудничает со многими СМИ, в том числе иностранными, а еще ведёт собственный телеграм-канал, где пишет об экологии, феминизме и гендерных вопросах. В начале августа она взяла интервью у кандидатки в президенты Светланы Тихановской для японского телевидения. После выборов страну захлестнула волна насилия – люди, которые выходили из изолятора на улице Окрестина в Минске, были черно-синего цвета от побоев. Всё это время Женя собирала информацию о пытках и преследовании инакомыслящих в Беларуси. Некоторые истории зверств силовиков она публиковала в своём канале.

“Август прошел очень нервно. Через пару дней после выборов на улицы вышли женщины в белом, по сути зародилось женское протестное движение. Потом они стали выходить каждую субботу и мне было очень интересно это освещать. Но настоящим триггером для силовиков, мне кажется, стали именно публикации в телеграмме, их особенно раздражает деанонимизация – когда раскрывают личные данные причастных к репрессиям”, – говорит Женя.

Позже её дважды обвинят в “участии в несанкционированным массовом мероприятии”: за марш 29 августа и за то, что однажды она вышла на протест в плюшевом костюме панды. Тогда власти как раз принялись за

ИТ-компанию Panda.doc, чей владелец Никита Микадо предлагал помощь уволившимся по собственному желанию силовикам. Часть топ-менеджмента компании оказалась за решеткой по сфабрикованным делам, другая срочно покинула страну.

“Ты – это то, как ты сопротивляешься”

Около пяти часов вечера 9 октября Евгения возвращалась домой из магазина: на следующий день у её крестницы был день рождения и она купила в подарок игрушечный фарфоровый сервиз и колясочку для куклы. Еще с автобусной остановки она заметила двух странных мужчин в штатском, которые явно за ней наблюдали.

В ту пятницу у её 9-летней дочери Саши отменили занятия по музыке, отец собирался забрать девочку из школы пораньше и привести домой. Папа с дочкой шли навстречу Жене, когда двое неизвестных обступили журналистку со словами “Евгения Дмитриевна, пройдёмте”. Это были офицеры ГУБОПиК. (Сноска: Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Сегодня в Беларуси это один из основных органов политического преследования, занимается в том числе оппозиционно настроенными журналистами и активистами – Прим. К.А)

> “Я понимаю, что Саша уже пугается, начинает плакать, трястись: “Мама, это кто?” Я сказала: “Сашенька, не переживай”. И обратилась к офицерам, мол, вы пугаете ребенка. А мне отвечают: “Можем еще сильнее напугать. Скажите спасибо, что мы вас так нежно берём. Поехали в РУВД”.

Я попросила разрешения зайти в квартиру и взять теплые вещи, потому что на мне была одна тонкая байка, но они не дали этого сделать. “Посидите полчаса в участке и всё”. Тогда я поцеловала Сашу, сказала, что она сильная и всё будет хорошо”.

В РУВД Партизанского района офицеры ГУБОПиК куда-то исчезли и вместо них появились обычные милиционеры. То, как они вели себя с Женей, напоминало не рутинный опрос по административному делу, а допрос с пристрастием. С неё сразу же сняли серьги, из обуви вытянули шнурки.

“Сначала они прицепились к фото в моем инстаграме, где я стою с плакатом с надписью-цитатой из песни группы “Кровосток”:

Будь плохой, детка, сопротивляйся системе,
Сопротивляйся не смотря ни на что.
Ты — это то, как ты сопротивляешься,
И больше почти ничто.

Говорили: “Признавайся, это ты координировала колонну протестующих, ты их вела?” Я отвечаю: “Нет, это неправда”. А мне: “Всё на камерах зафиксировано. Лучше сразу признаться”. Потом стали орать и шантажировать, что проведут у меня дома обыск при моём ребёнке, что мне пришьют “уголовку”, а сдадут Сашу в приют. Звонили кому-то и спрашивали: “Узнай, кто там может из приюта подъехать забрать девочку?”

Было очень показательно, что в дежурку звонили мои друзья и спрашивали, есть ли здесь Евгения Долгая. А мент, глядя мне глаза, отвечал, что нет такой и не привозили”.

“Спусти трусы и приседай”

По сути на улице Окрестина в Минске находится целый тюремный комплекс. Здание Центра изоляции правонарушителей (ЦИП) стоит рядом с более старым корпусом изолятора временного содержания.

Если в первый попадают арестованные только по административным делам, то в ИВС содержатся, как правило, обвиняемые в уголовных преступлениях. Однако в разгар

Фото: Долгая

репрессий оба изолятора забиты “политическими” сидельцами. Кто-то из них, попадая на сутки, в итоге становится фигурантом уголовного дела.

Все, кто хоть раз оказывался на Окрестина, знают: в ЦИП условия немного получше – там недавно сделали косметический ремонт и отхожие места не так сильно воняют. Про ИВС же говорят, что это сущий ад. Женя Долгая попала именно туда.

“Когда меня привезли, пришла женщина-надзирательница и после личного обыска сказала: “Спусти трусы и приседай”. Потом завела на полчаса в “стакан” – крохотный бокс, где ждут отправки в камеру, – вспоминает журналистка. – Камера оказалась очень холодной, но меня заставили снять спортивный топик: “А вдруг ты на нём повесишься”. Я осталась в тонкой байке на голое тело. Очень скоро у меня потекла кровь из носа из-за скачка давления”.

Врач – немолодая худощавая женщина с седыми кучеряшками – объявила, что давление у Жени очень низкое, но на просьбу девушки выдать одеяло рявкнула “Тебе не положено!”. Хотя соседняя камера, где измеряли давление, была завалена одеялами и матрасами, Жене предложили довольствоваться голыми железными нарами. На прощание врач добавила: “Ну что тебе сказать, ты ж не в санаторий попала... Тут, бывает, у женщин раньше месячные начинаются. Ничем помочь не могу!”

> “Охранник, который заводил меня обратно в камеру, прошипел: “Даже не думай, не прокатит, я тебе скорую сюда не вызову”. Тогда я остановилась, посмотрела ему в глаза и очень громко сказала: “Я объявляю голодовку!”. Тот ответил: “Да пожалуйста, сдохнешь – мне легче станет”.

Первая ночь в ИВС, казалось Жене, тянулась вечно. Сокамерница – девчушка, укравшая в магазине бутылку водки – посоветовала ей обмотать ноги газетами, чтобы не так мерзли. По ощущениям, в камере было не теплее +13. Каждый час вертухай стучал дубинкой в стальную дверь: “Встать!” Пытаясь согреться, Женя приседала, пробовала отжиматься. К утру из носа опять хлынула кровь.

Утром в субботу к Жене в камеру привели кандидата философских наук Ольгу Шпарагу, задержанную на акции протеста. Из белья женщине выдали только наволочку, в последний момент швырнули еще и одеяло. Теперь они могли спать под этим одеялом вдвоем – обнявшись и постелив на нары газеты.

“В камере сильно воняло, была полная антисанитария. Нам принесли грязную тряпку и крикнули, чтобы мы мыли пол. Я звала врача, но она пришла только к вечеру и дала две таблетки валерьянки. А потом нас вызвали на очень странную беседу”, – рассказывает Женя.

“Комитет по безопасности информации”

Мужчина с невыразительной, мало запоминающейся внешностью представился “сотрудником комитета по безопасности информации”. Такого комитета в Беларуси не существует. Вероятно, это был просто чекист. Хотя дело происходило в обычном кабинете, тот посадил Женю в “клетку” и трижды повернул замок. После чего предложил “дружески побеседовать”.

– Кого из журналистов вы лично знаете?

– Многих…

– Почему вы работаете на “Белсат?”

– Но я не работаю на “Белсат!”

– Нет, вы вели там прямые эфиры.

– Но это неправда! знаю, почему я работаю на “Белсат”.

– А вы знаете, что ваши друзья пытаются дестабилизировать обстановку?

– …

– Вы знаете, что вы организатор женских маршей?

– Да ладно!

– Вы публикуете призывы в своем канале.

– Какие призывы?

– Ну, делитесь ссылками на прямые эфиры “Белсата”, Радио Свобода. Это можно назвать призывом.

– Нет, это просто новость.

– Почему вы не публикуете нормальные новости?

– По-моему, это нормальная новость.

– Кстати, а что вы последнее про экологию писали?

– Что из-за радиации у нас много людей с проблемами щитовидной железы.

– (отмечает в блокноте: “проблемы щитовидной железы”)

Пересказывая диалог с чекистом, Женя смеётся, но тогда было не до смеха: ведь её пугали тюремным сроком, убеждали, что все друзья свидетельствовали против неё, советовали “подумать о будущем дочери”. В общем-то, речь идёт об абсолютно сталинских методах работы спецслужб: демотивация, шантаж, угрозы – неподготовленный человек ломается и соглашается оговорить себя. Но не Женя Долгая. Журналистка сослалась на статью

27 Конституции, которая позволяет отказаться от дачи показаний. Они остались ни с чем.

Пошли третьи сутки голодовки. Во время завтрака к кормушке подошел тюремный начальник в штатском.

“Он уговаривал меня поесть. “Кушай супчик, пожалуйста! Или вот, держи мой телефон, позвони родным и попроси принести таблетки, мы всё передадим! Чего ты переживаешь?” Измеряют уровень сахара в крови – а он упал до двух, это очень низкий. Врач уже требует от начальника срочно принести мне одеяло. Начальник спрашивает: “Ну что ты еще хочешь?” Я говорю, что хочу чистую подушку без вшей. И для моей сокамерницы тоже. И прогулку. Приносят всё чистое. “Теперь ты супчика поешь?” Но я стою на своём: буду держать голодовку, пока меня отсюда не выпустят. Вскоре весь изолятор выпустили на короткую прогулку”.

Помимо голодания, Женя страдала еще и от обезвоживания – за день она выпивала всего две кружки жидкости. Охранник время от времени наклонялся к окошку:

– Красавица, иди сюда, чего ты хочешь? Я тебе сейчас заварю очень вкусный кофе, свой собственный. Но ты за это должна съесть государственную сосиску.

– Сам ешь свою государственную сосиску!

– Какая гордая!

В ночь на понедельник уже никто не стучал дубинкой в двери. Рано утром, за пару часов за суда, Жене и Ольге принесли матрасы.

Испорченные выходные

По словам Жени, сотрудники изолятора постоянно ругались между собой из-за неё: боялись, чтобы в их смену не произошло инцидента.

“На суд меня отвели к двенадцати, а судили около шести вечера. Видно, не хотели, чтобы сидела в камере.

Мне было уже очень плохо, всё плыло перед глазами. Я слышала, как они перешептывались: “Нам еще голодающей здесь не хватало… А если ей п****ц придёт?!”

Пока ждала своей очереди, видела избитых людей, которые выходили из кабинета для суда, (всех задержанных судят по скайпу из-за пандемии – Прим. К.А) с гордыми лицами. Получив свои “сутки”, они смеялись в лицо ментам”.

Женю признали виновной и оштрафовали на 30 базовых величин – это 810 белорусских рублей или чуть более трехсот долларов.

“Когда я приехала домой, дочка шла с дедушкой из школы. Она увидела меня и побежала обнимать. Близился День матери, они в школе делали открытки. Саша подарила мне вырезанное из бумаги сердце в чёрной проволоке, а рядом нарисовано чудище и подписано: “ОМОН”. Внутри она написала время моего задержания и время освобождения”

“Плакала ли я хоть раз? Ни разу за все время в тюрьме. Не хотела показывать им, что сломалась. Хотя было физически больно – от железных нар остались синяки на ягодицах. Расплакалась я уже на свободе, когда узнала, что мои родители не приехали к РУВД в день задержания и не штурмовали ИВС с передачкой. Они как ни в чем не бывало пошли на день рождения крестницы. Объяснили это тем, что нельзя не пойти – люди же готовили!

“Пожалей нас, из-за тебя мы плохо провели выходные”, – сказали они”.

Катерина Андреева

“Я думала, что попаду на массовую акцию, но оказалась практически на войне”.

История Ольги Ивашенко

«Студенты на протестах, журналисты и телеведущие – на Окрестина» – последнее время журналистка «Комсомольской правды» Ольга Ивашенко акцентировала внимание и на политических вопросах. До этого в газете большинство ее публикаций размещались в разделе «общество», в первую очередь, делая акцент на социальных темах. Позже о политике не писать было нельзя. И вот Ольга, которая проработала в газете семь лет, также стала писать о политике. Резонансные события в обществе нельзя было обойти стороной наравне с коронавирусом. Но тут перед коллективом редакции появился еще один вызов: Государственная типография перестала печатать тиражи двух независимых газет: “Комсомолки в Белоруссии” и “Народной воли”, ссылаясь на поломку оборудования. Оба издания старались объективно писать о протестах и жестокости силовиков…

Те же издания, которым удавалось работать, теряли сотрудников из-за того, что журналистов постоянно задерживали или травмировали.

– Возле меня бросили гранату, применяли неоправданную силу к журналистам и протестующим… В те дни, да и сейчас, так называемые правоохранители ведут себя как каратели, объявившие войну мирным протестующим.. Уже сегодня мне и моим коллегам нужна помощь врачей, в том числе психотерапевтов. К счастью, сейчас мне помогают медикаменты, но еще недавно все было намного хуже. Я не спала практически два месяца и довела

себя чуть ли не до галлюцинаций, – рассказывает Ольга Ивашенко.

Сегодня психологи говорят, что практически у всех белорусов с учётом событий в стране есть те или иные признаки посттравматических стрессовых расстройств. Нужно учесть, что помимо политического, в стране еще и экономический кризис. В этих условиях многие белорусы оказались без работы и элементарно без средств к существованию.

– Белорусы – терпеливый народ. И, как правило, говорят: «Я пострадал, но ведь не так сильно как другие». То есть им стыдно рассказывать об этом. Надо, мол, крепиться. Я тоже плохо себя чувствовала: болела спина, не могла разогнуться, тяжело било ходить из-за поврежденной ноги. Но всё-таки успокаивала себя, мол, меня же не подстрелили, всего лишь бросили гранату… – вспоминает Ольга.

Журналистка представляла до недавнего времени независимое СМИ «Комсомольскую правду в Беларуси». 9 августа в день выборов все коллеги работали на месте событий. Все понимали: произойти может все, что угодно. В тот день для собственной безопасности журналисты работали на улице в специальных жилетках с надписью «Пресса», с рабочими бэйджами, удостоверениями, редакционными заданиями. Но все это было мелочью, поскольку, по словам Ольги, мирные акции протеста стали напоминать военные события, а не политические.

– К счастью, именно 9 августа у силовиков не было приказа хватать журналистов. Это уже было 10-12 августа. 9 числа, как говориться, мы еще поработали. На наших глазах задерживать и избивать людей стали так жестоко и массово, что происходящее казалось какой-то картинкой из триллера. Мозг отказывался воспринимать это как реально происходящие события. Шок…Хотя мы, журналисты, видали многое и удивить нас сложно. Перед нами практически убивали людей, летели светло-шумовые гранаты.

Силовики с яростью прогоняли нас с места событий. Было так страшно, что при их приближении мы просто убегали, чтобы остаться в живых. А потом снова шли к месту событий, – рассказывает Ольга Ивашенко.

– В моем сознании застыло воспоминание, которое снилось мне потом каждую ночь: прямо у меня на глазах силовики так избили молодого человека, что он упал без сил прямо возле меня. Весь в крови, в состоянии шока он говорил что-то невнятное. Я подбежала к нему, чтобы помочь (с собой у меня были бинты и средства первой медицинской помощи). Пытаюсь его поднять и понимаю, что у него в голове – зияющая рана-дырка, из которой свищет кровь. А ведь у него не было ни оружия, ни даже дубинки.

Его просто избили, потому что он пришел на акцию протеста несогласных с результатами выборов белорусов.

Стала забинтовывать ему голову, чтобы он не потерял много крови до приезда скорой, и в этот момент силовики бросили в нас гранату. Я схватила мужчину, меня – коллеги. Помню, что мы его передали врачам. А я, наверное, на адреналине еще пробегала какое-товремя и передавала в редакцию информацию.

(9 августа в Беларуси начались постоянные перебои с интернетом. Невозможно было загрузить

видео в интернет или посмотреть платформу YouTube. В то же время, по информации белорусских коллег, интернет в Минске полностью отключили в 18:00 по местному времени. Но со временем, через несколько дней, он появился – Авт.)

Фото: Ольга Ивашенко

Позже оказалось, что Ольга пробегала на акции с переломом стопы. Уже дома начались проблемы со спиной, которые психологи связали с психосоматикой.

– Я пыталась снять все, что видела. Представьте себе огромный проспект, огромное количество митингующих, людей избивают, и тут в центре появляется огромная машина – автозак – едет в людей и переезжает их. Я с коллегами никогда такого не видела собственными глазами. То есть я знала и писала о событиях в Украине, Армении, но такого не видела. Начиная с 10 августа, силовики перестали пускать к раненым кареты скорой помощи. Избитые люди просто истекали кровью и корчились от боли. Журналистов тоже начали бить и задерживать, а те, кто оставался работать в толпе просто физически не могли передать увиденное в редакции – не было интернета.

Когда в ту ночь журналистка шла пешком через весь город в редакцию, по дороге видела, как прохожих людей запихивали в автозаки. Многих калечили. Но до сих пор в стране не возбуждено ни одного уголовного дела в отношении силовиков, которые применили насилие и неоправданную жестокость к мирным протестантам.

– 9 августа было страшно, но на самом деле все страшное было

впереди. Уже сейчас я могу сказать, что почти каждый журналист нашей редакции был задержан или в его адрес поступали угрозы по поводу осуществляемой ими профессиональной деятельности. Многие из нас прошли через задержания, суды и аресты.

Фото: Ольга Ивашенко

Ни за что. Просто потому, что они выполняли свою работу. И это абсолютное беззаконие, которое происходит по сей день.

После дня выборов в Беларуси «Комсомольская правда» оказалась единственной газетой, которая смогла написать, что происходит в стране. Представьте себе? Я не говорю о государственных СМИ, они выходили, но там не писали этого. Наши тиражи (около 150 тысяч экземпляров) раскупили почти за 2 часа. Через несколько дней практически круглосуточной работы в военных условиях и полного отсутствия интернета, в типографии, которая в нашей стране является государственным монополистом, когда мы приехали сдавать очередной номер в печать, нам сказали, что сломался печатный станок. На следующий раз – такая же история. Но как только мы уезжали из типографии, а печататься приезжали государственные СМИ, которые о протестах не писали ни слова, станок чудесным образом начинал работать. И так каждый день.

Чувствуете всю абсурдность ситуации? Мы искали частные типографии, в которых могли бы напечататься, но им стали угрожать представители режима. И типографии нам отказывали.

– Как вам это удалось издать газету в таких условия?

– Стали печататься под Москвой. Это были дикие затраты. Когда узнали спецслужбы, то нашу газету запретили продавать во всех ларьках страны. И хоть мы решили проблему с печатью, теперь мы не смогли ее распространять. Это был скандал. Люди распечатывали наши статьи с интернета, ми верстали электронный вариант газеты. С обложками нашего издания люди шли на митинг. Это раздражало власть, и нам полностью перекрыли кислород.

И так длится уже два месяца. Также из совета директоров издания вывели женщину-белорусску. Таким образом Москва решила спасти бизнес, показать Беларуси, что не будут идти на поводу у протестующих.

То есть в Москве решили спасать издание, но не коллектив. Буквально на днях я уволилась. Не хочу быть человеком, который сначала работал на баррикадах, а потом стал по другую ее сторону.

Интересно, что при поиске публикаций авторства Ольги в интернете, можно найти и статью для белорусской ассоциации журналистов конца 2018 года, где Ольга делится с коллегами советами о том, как бороться с эмоциональным выгоранием.

Там она позитивно откликается о коллегах, о коллективе, об издании и вообще с чувством юмора относится к некоторым трудностям профессиональной жизни. Сейчас это вспоминаешь, когда Ольга рассказывает, как с переломом лодыжки на носочке продолжала помогать коллегам, выходить, говоря на сленге, «в поле» и дальше снимать и работать. Потребность объективно информировать общество о том, что происходит, оказалось очень сильным.

Так, моих коллег засудили за то, что они якобы вели колону протестующих и призывали людей не останавливаться. При том, что ничего этого не было.

– С каждым днем маразм в нашей стране множится. Арестовывают даже тех журналистов, у которых есть маленькие дети. Хотя по закону это запрещено. Сейчас на это уже не смотрят. Очень тяжело осознавать, что законы не работают.

Мы работаем с юристом, мы предоставляем доказательства, но судьи на это даже не смотрят. Я, право, не знаю, чем все кончится, – говорит Ольга Ивашенко.

Журналистка сейчас ищет работу, покидать страну не хочет.

– Я не хочу бежать из своей страны. Я хочу быть со своими людьми. Тяжело сейчас почти всем. А тем, кого задерживают на акции и протеста, могут не только приговорить к аресту, но еще и наложить штраф порядка 800 рублей, а это две зарплаты для человека в маленьком городе.

Фото: Олег Решетняк / Belsat.eu

По моим ощущениям, уже сейчас белорусы находятся в таком состоянии, что уже не отступят, будут протестовать до последнего. Особенно активные сейчас студенты, женщины, медики...На митинги выходят даже пенсионеры и люди с инвалидностью, – говорит Ольга.

Фото: Ирина Ареховская / Belsat.eu

Сама же журналистка теплит надежду, что многие уволившиеся журналисты смогут создать новый независимый проект, хотя даже после увольнения Ольге звонили с неизвестных номеров незнакомые люди и настоятельно рекомендовали не заниматься журналистикой, намекая, что у нее есть несовершеннолетний ребенок, и ее могут лишить родительских прав.

Фото: Ирина Ареховская / Belsat.eu

Назарий Вивчарик

“В изоляторе еще до суда нас водили смотреть пропагандистский фильм”.

История Вадима Замировского

Вадим Замировский – фотокорреспондент TUT.BY с 2013 года, а в целом в журналистике с 2002 года. Он довольно интересная личность. Спокойный голос и рассказ в четком хронологическом порядке. До сотрудничества с TUT.BY работал в газетах «Знамя Юности», «Минский Курьер», «Белгазета» и агентстве «Фото ИТАР-ТАСС». С 2010 года куратор конкурса «Пресс-фото Беларуси».

Этот человек с фотоаппаратом работал не только в Беларуси. Родился на Северном Кавказе, жил в Якутии переехал в Минск в 1991 году. Девиз по жизни: всегда двигаться вперед. Вадим освещал события на Vайдане в Украине в 2014 году. Несколько раз также работал фотокорреспондентом на Донбассе. Его задерживали русские в Крыму.

Во время нынешних политический перипетий в Минске его задерживали не раз.

Так, 2 сентября, в Минске фотокорреспондента задержали у станции метро «Пушкинская» сотрудники милиции, при этом били.

«Вадим выполнял редакционное задание, он фотографировал происходящее на месте мемориала Тарайковского. Сегодня днем там реагентами засыпали надпись на асфальте «Не забудзем». Пришедшие вечером люди пытались убрать техническую соль. Вадим только успел сообщить в редакцию, что прибыл на место. Буквально через

несколько минут нам сообщили, что нашего журналиста жестко задержали сотрудники милиции. Отметим, что Вадим Замировский был в синем жилете с надписью «Пресса» и бейджем TUT.BY. Силовики возили Замировского по городу минут сорок, забрали флешки и высадили в Сухарево», – читаем на TUT.BY.

И это лишь один с эпизодов.

– 17 октября я работал на акции студентов. Их довольно мало собралось, где-то 150 человек. Ничего особенного не произошло. Колонна начала движения, прошла по улице Румянцева, повернула на Козлова, вышла к проспекту Независимости. В этот момент подъехало несколько микроавтобусов. Оттуда выбежали сотрудники ОМОНа, задержали студентов, после этого — Дарью Спевак (о ней тоже можете здесь почитать интервью – Авт.), а затем и меня. При этом к нам никто не обращался, никаких просьб покинуть территорию не звучало. Я находился там со служебным удостоверением и выполнял фотосъемку как журналист. Нас посадили в микроавтобус, повозили улицами, потом перегрузили. Наверное, это такая у них логистика. Было довольно тесто, человек 40 где-то было. Парни сидели на полу. В конце концов нас перегрузили в автозак с камерами-стаканами и начали развозить по РОВД, – рассказывает Вадим.

— А как вы выглядели на митинге?

— На мне была куртка бирюзового цвета, большое редакционное удостоверение висело на шее. Также на мне было два фотоаппарата, было совсем очевидно, что я журналист. Силу ко мне не применяли, – говорит Вадим Замировский.

При этом, он вспоминает, что держался в стороне от колоны студентов, которые участвовали в марше. Но, очевидно, это на милицию никак не повлияло, как и распознавательные знаки фотокорреспондента.

– Нас привезли в одно из РОВД, и, как оказалось, там были только журналисты. Это делается для того, чтобы мы не видели, что происходит с остальными задержанными. А в остальных РОВД, как говорят, относятся к задержанным очень плохо. Нас же не били, мы ожидали, чем все кончится. Один из сотрудников, как я понял, адекватный, сказал, что будем все ждать, какое распоряжение спустят сверху.

Впоследствии направили в ИВС – изолятор временного содержания. Все оформили протоколы и повезли нас. При этом, все протоколы были оформлены как под копирку, с множеством ошибок. Например, в одном протоколе я был указан женского пола, в другом были ошибки в том, какое у меня образование. В отделение успела приехать мой адвокат, которая успела сказать мне, где расписываться, а где нет. Хотя это мало на что влияет сейчас. Все равно решают по всем одинаково, – говорит Вадим.

Впоследствии всех отвезли в изолятор, где уже была привычная атрибутика: «лицом к стене», «руки за спину». Поскольку группу журналистов задержали в субботу, то все ждали понедельника, когда будут решения суда. Все, конечно же, ожидали, что тремя сутками ареста все и закончится.

– Кстати, нас водили смотреть пропагандистский фильм. Была состряпана некачественная пропаганда, при чем с кадрами из Украины, с майдана. При этом, по нас еще не было решения, непонятно было, виновны ли ми в чем-то. В группе, которую привели смотреть фильм, были разные люди. Мне кажется, все журналисты просто смеялись, ведь пропаганда была сделана некачественно и профессионалы это понимали.

Кстати я был на Майдане в Киеве несколько раз, проводили там по 3-4 недели. То есть, история была для меня известная изнутри.

Вадим Замировский вспоминает, когда начался суд, пояснения он давал по видеосвязи. То есть, включили «Скайп» и он видел по мониторе судью. Напомнил, что у него были все бумаги, документы, редакционное задание. Но, похоже, ничего не сработало. Ни с одним правонарушением Вадим не согласился. Кроме того, к делу была приобщена та информация, что у него несовершеннолетний ребенок.

Все же суд вынес постановление по делу фотографа TUT.BY и БелаПАН Вадима Замировского: 15 суток административного ареста. Суд признал его виновным по двум статьям: 23.34 КоАП (Участие в несанкционированных мероприятиях) и 23.4 КоАП (Неподчинение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий).

Также фотокорреспондент поделился своими впечатлениями о пребывании в РОВД, а потом в изоляторе на Окрестино. Говорит, такое впечатление, что в персонал там набирают людей идейных.

– Среди задержанных были люди, которые попали случайно, просто мимо шли. Например, мне попался парень, который шел на выставку, кто-то как раз направлялся в магазин. Но для тюремных работников мы все идейные враги. Когда все стояли в ряд, девушке, расстояние к которой было 5 метров, стало плохо. И другие девушки просили ей помочь, посмотреть, что с ней. Той девушке было лет 20. Не понимаю, почему молодой милиционер, который нас охранял, не мог проявить человечность и позвать врача, который был неподалеку.

– Там вас не били?

– К нам физическую силу не применяли. В основном сейчас травмы получают при задержании. Я был в камере на четыре койки. В общем места хватало. Знаете, как очень плохой хостел. Мы там были с понедельника по четверг. А в четверг нас этапировали с Минска в город Барановичи. Во-первых, это делают перед выходными, чтобы освободить СИЗО для новых арестантов. Во-вторых, думаю, просто из-за вредности. Ведь четверг это на самом деле единственный день, когда можно получить передачку от родных. А это очень важно. Ведь люди попадают за решетку неподготовленными. Нет запасного белья, зубной щётки, бытовых банальных вещей. Поэтому етапирование мешает получить передачу.

В Барановичах уже была конкретная тюрьма, старая, большая. При этом, отношения там было к нам нейтральное.

Не чувствовалось ненависти к нам как к политическим врагам. Там я уже досидел свои 15 суток, – вспоминает Вадим.

Фотокорреспондент шутит, что уже в Барановичах начинаешь «понимать феню». Там выдают справку, которую можно показать контролеру и доехать домой. За ним конечно же приехали близкие и друзья.

– Будете продолжать работать?

– Да, а что ж делать. Это моя работа. Пытаюсь возвращаться в информационное поле. Ведь была своеобразная информационная голодовка.

Назарий Вивчарик

“Давно не чувствую себя защищенной как журналист”.

История Дарьи Спевак

Спустя 13 суток после задержания на студенческом марше вышла на свободу корреспондент Onliner Дарья Спевак. Задержали ее 17 октября. Почти две недели журналист, задержанная во время выполнения своих обязанностей, провела на Окрестина. Ее обвинили в нарушении статей 23.4 и 23.34 КоАП (неповиновение и участие в несанкционированном мероприятии).

Расскажите о том, как вас задержали? Что вы в это время делали? Какие события освещали? Были ли на вас распознавательные знаки «Пресса» и имелась ли аккредитация?

17 октября в Минске был анонсирован марш студентов. По редакционному заданию я освещала эти субботние события – отправляла в редакцию текст о происходящем и видео. Аккредитация Onliner не нужна, так как мы являемся сетевым изданием, то есть, имеем статус СМИ согласно решению Министерства информации Беларуси. В этот день на мне был бейдж с надписью “Пресса”, указанием издания, моей фотографией, именем и фамилией и должностью. Бейдж заверен печатью.

Жилетка с надписью “Пресса” была надета под байку, потому что такой опознавательный знак в последнее время становится мишенью для силовиков. По закону “О массовых мероприятиях” на журналисте должен быть видимый опознавательный знак, он и был – бейдж.

На пересечении проспекта Независимости и улицы Козлово примерно в час дня начались задержания участников акции

– студентов. На место приехали несколько тонированных микроавтобусов, из них выбежали сотрудники ОМОН в черном и стали хватать студентов. Через несколько минут после этого я услышала, как силовики между собой начали перекрикиваться “журналисты, пресса” и поняла: сейчас заберут и нас. Деваться было некуда – вокруг все было оцеплено людьми в черном. Со спины ко мне подошли несколько ОМОНовцев, заломали руки и со словами “отдай телефон” повели в микроавтобус. Никто из сотрудников милиции не представлялся и не называл причину задержания. Но к этому мы уже привыкли.

Кто именно задерживал: ОМОН или милиция? Считали ли себя виновной?

Задерживал ОМОН – это и есть подразделение МВД (милиции). Виновной, конечно, себя не считала и не считаю (еще проходит обжалование решения суда) – я просто делала свою работу.

В протоколе задержания я сразу указала: считаю, что сотрудники ОМОН воспрепятствовали моей законной профессиональной деятельности. А это уголовная статья (ст. 198 Уголовного кодекса Беларуси).

Как проходил судовой процесс? Были ли нарушения прав? Был ли у вас адвокат?

Суд проходил по Скайпу (официально – из-за ситуации с коронавирусом). Я находилась в кабинете ИВС (изолятор временного содержания) на Окрестина, со мной были два сотрудника – один в штатском, другая – в милицейской форме. Поговорить с адвокатом тет-а-тет не было возможности (хотя это предусмотрено законом). Сначала ко мне в изолятор не допустили адвоката из-за того же коронавируса, а по видеосвязи мы не смогли пообщаться один на один, потому что “мало ли что я с собой сделаю за это время”. Представители МВД находились рядом якобы для моей же безопасности.

Суд прошел быстро и относительно предсказуемо. Оправдательного решения ожидать в белорусской правовой ситуации не стоит, это мы уже понимали из опыта. Но до конца не думала, что дадут сутки. Несмотря на видеодоказательства и показания

свидетелей со стороны защиты, судья признала меня виновной по обеим статьям КоАП и назначила 13 суток административного ареста.

В каких условиях вы пребывали в изоляторе? Расскажите, был ли доступ к чистой воде, нормальной еде? Как насчет передач от родных?

Все 13 суток я была на Окрестина. До суда – в ИВС, после – в ЦИП (Центр изоляции правонарушителей ГУВД Мингорисполкома). Условия там практически одинаковые, только что в ИВС были деревянные нары, а в ЦИП – железные и решетчатые.

В камере на 6 человек нас было шестеро. В помещении был туалет-дырка (огороженный, это нас обрадовало), умывальник с горячей и холодной водой, нары, тумбочки, скамейки и стол. Воду пили в основном из-под крана. Это не нормальная питьевая вода, но выдержать можно. Кормили трижды в день. На завтрак сотрудники ЦИПа приносят кашу (овсянку, рис, перловку, ячневую, гречку или другую) и сладкий чай, дают белый и черный хлеб. На обед — суп (щи, борщ, рассольник, гороховый или

другой), каша, странного вида котлета, маринованный овощ и компот или кисель. На ужин — каша и та самая непонятная котлета. Редко появляется сосиска, но пробовать ее я тоже не осмелилась. Хлеба дают много, некоторые девчата лепят из него памятные фигурки. То есть пить давали дважды в день, но не воду.

В душ нас не водили, хотя в камере висел заверенный печатью график (там был душ, ежедневная прогулка и др.). На прогулку ходили в зависимости от настроения надзирателя: иногда это удавалось раз в трое суток, иногда – трижды в день.Передачи передавали исправно, но не передали ни одного письма. Хотя их присылали десятками, как я узнала после освобождения.

Была проблема с таблетками. Мне нужно принимать лекарства каждый день, несколько таблеток у меня было с собой, я их пила во время нахождения в ИВС. Когда нас переводили в ЦИП, в ИВС осталась одна моя таблетка и пластинка обезболивающих. С собой я их забрать не смогла. При переводе в ЦИП я сказала сотруднице, что мне нужны рецептурные таблетки, она ответила, чтобы я сообщила об этом родственникам. Стало смешно и обидно: как я сообщу родственникам, если сижу здесь без единой возможности связаться хоть с кем-нибудь, даже адвокатом?

Сколько вас было в камере? Не применялись ли пытки?

В шестиместной камере было 6 человек. Пыток не было. Я была

счастлива и немного удивлена, что нас даже не били.

Разговаривали с вами правоохранительные органы на политические теми или нет? Питались в чем-то убедить? Не было агрессии?

Вечером перед судом в ИВС приходили сотрудники ГУБОПиК МВД (Главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией). Несмотря на то что задержали меня по статьям 23.34 и 23.4 КоАП, о них милиционеры за всю беседу не обмолвились ни словом. Разговор начался так:

— Нужно ведь освещать события с обеих сторон, — начинает один из них.

— Мы так и освещаем, — говорю.

— На какие Telegram-каналы вы подписаны?

— Да на все, я же журналист, мне нужно отслеживать происходящее.

— Вы понимаете, что у нас все происходит так же, как и в Украине?

— Не согласна, у нас совершенно разные предпосылки и ситуации.

— Знаете, почему мы ходим в балаклавах? Мы не за себя боимся, а за свои семьи: родным и близким постоянно поступают угрозы.

— Понимаю. Но угрозы поступают не только в вашу сторону. Нельзя однозначно сказать, что сторонники власти определенно белые, а противники — черные. Всюду есть разные люди.

— С ней неинтересно, приводи следующих, — подытоживает другой силовик.

После беседы меня снимают на телефон: называю Ф. И. О., дату и место рождения, место работы и обстоятельства задержания.

Насколько теперь вы себя чувствуете защищенной в обществе как журналист? Уже выходили на массовые мероприятия? Не страшно ли?

Я давно не чувствую себя защищенной как журналист – наиболее остро это проявилось после августовских событий в Беларуси. Жилет “пресса” стал у нас мишенью для силовиков,

журналистов постоянно задерживают, честные издания лишают аккредитаций и статуса СМИ. Меня уже задерживали в Гродно –– там я работала в жилете пресса. Только пришла на мероприятие, всех журналистов упаковали в микроавтобус и отвезли в РУВД. Якобы для проверки документов. Спустя три часа, правда, отпустили.

На массовых мероприятиях после своих суток я работала уже дважды, но в режиме “сафари” – то есть из автомобиля или квартир, окна которых выходят на места акций. Выходить на улицу журналисту небезопасно, особенно если ты уже примелькался силовикам.

Первое время страшно выходить просто на улицу, даже в магазин. Кажется, сейчас подъедет микроавтобус и тебя задержат. Просто за то, что ты существуешь в этой стране.

Не было мыслей изменить профессию?

Нет, я продолжу честно делать свою работу, пока… не расстреляют.

Как долго вы вообще в журналистике и когда-то привлекались уже к административной ответственности или нет?

В журналистике я официально работаю 3,5 года (закончила университет в 2017-ом) – до этого, в студенчестве, сотрудничала внештатно с несколькими СМИ – в том числе и с Onliner, где сейчас работаю. К административной ответственности не привлекалась ни разу за свои 25 лет жизни, до октября этого года:)

Возможно поделитесь еще каким-то опытом для коллег, о чем я не спросил. Например, как психологически было переносить тягости задержания и осуждения?

Работая журналистом в современной Беларуси, лучше быть сверхпессимистом. То есть всегда быть готовым к худшему. Тогда шок от происходящего будет не таким сильным. Тяжелее всего было первые несколько суток, когда разрывало от несправедливости и понимания, что две недели придется существовать в четырех стенах и без свежего воздуха. Потом привыкаешь.

Назарий Вивчарик

Фото: Ирина Ареховская / Belsat.eu

Фото: Ирина Ареховская / Belsat.eu

“На митингах мы могли позвонить в любую квартиру, нас пускали, давали Интернет”.

История Всеволода Зарубина

Всеволод Зарубин – журналист БелаПАН и TUT.BY. Окончил Академию искусств Беларуси, специальность – художник декоративно-прикладного искусства. Но жизнь вносит свои коррективы. С 2009 года он снимает видео для СМИ. А сейчас, в середине ноября, когда состоялся наш разговор, Всеволод ушел из журналистики, чтобы отдохнуть. Перед этим, правда, успел отсидеть 15 суток.

В целом, он 5 лет снимал видео на портале TUT.BY. В первую очередь работал с площадкой YouTube.

– Это проект «Люди в студии», где мы задавали неудобные вопросы.

В начале лета были вынуждены пойти на карантин и работать удаленно. Начиная с июля, мы начали освещать политические события в стране. Конечно, ми понимали, что надо ходить на протесты и все освещать вместе с пишущими журналистами и фотографами, – рассказывает Всеволод.

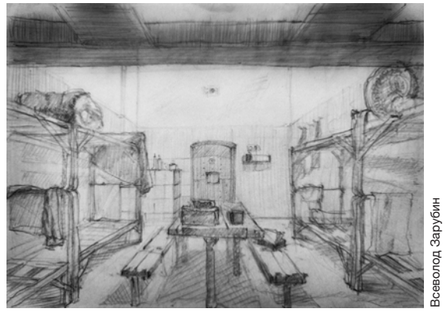
Поскольку в 2018 году вышел закон о СМИ, где были ужесточены законодательные нормы, портал TUT.BY провел регистрацию в рамках нового закона. Но недавно изданию был приостановлен статус СМИ, что не дает право его представителям находиться на массовых мероприятиях. Поэтому Всеволод сотрудничал еще и с БелаПАН – крупным информагентством.

– Удостоверение висело у меня на шее. Я выполнял свои профессиональные обязанности. Не принимал

участия в несанкционированных мероприятиях. Фактически, в тот день работал видеооператором. Тем не мене, меня всё-таки задержали. Первый раз это было 14 июля, когда нас взяли вместе с коллегой Алексеем Судниковым. Напомню, это был день, когда не зарегистрировали кандидатов в президенты (ЦИК Беларуси отказалась регистрировать кандидатом в президенты и банкира Виктора Бабарико, который считался главным конкурентом Лукашенко). Также отказали в регистрации Валерию Цепкало – Авт). Тогда впервые начали жестко задерживать людей, и мы попали под горячую руку, нас потащили в автозак, где положили лицом на пол.

Правоохранители тогда доставили журналистов в Октябрьское РУВД. Милиционеры отпустили их через два часа после задержания, проверив документы.

– После мне удавалось избегать задержания. Несколько раз это было на грани. Меня трижды отбивали протестующие. Вплоть до 17-го октября я не попадался. Наверное, чувствовал, как силовики могут себя повести в определенный момент. Поскольку мы снимаем видео, то находимся в гуще событий. Всё-таки это не фото, которое можно снять с далекого расстояния. Для видео важно находится внутри события, поэтому слышали всё, видели всё и чувствовали накал страстей, – объясняет журналист.



Всеволод Зарубин

– Как происходило задержание, и конфисковали ли вещи?

– Скажу, что мы в начале протестов решили снимать на мобильные устройства. Материал, снятый на мобильный, достаточно легкий, поэтому не составляло труда быстро передать его в редакцию. И качества картинки хватало для Интернета.

Ми, кстати, разделили работу с ресурсом Onliner, мол мы будем снимать так называемую оперативку, то есть сиюминутную информацию, и неважно в каком качестве. А портал Onliner снимал хорошую картинку и делал хронику, которую показывали на следующий день. Поэтому нам для TUT.BY было достаточно

мобильника. Насчет задержания: так случилось, что меня задержали примерно в то же время, что и Дарью Спевак и Вадима Замировского. Сначала был марш студентов. Они шли колонной. Позже, на улице Козлова, задержали коллег-журналистов, и я это снял. Передав материал в редакцию, начал потихоньку перемещаться в другое место. В это время увидел, как студенты, человек шесть, перекрыли дорогу и стали на колени. Мне захотелось снять это на видео, как молодых людей разгоняют. Я находился совершенно один. Сотрудник ОМОНа подошел ко мне, попросил показать удостоверение, которое висело у меня на шее. Я ему показал, а он сказал «Пошли со мной». Меня препроводили в бус, посадили поодаль. Оттуда я видел, как ведут студентов, некоторых достаточно грубо. На одного из студентов стали кричать, омоновец замахнулся на него. В этот момент я высунулся и попросил омоновца быть немного поспокойней. Он очень резко отреагировал, рванулся ко мне, но сзади его ухватили коллеги и посоветовали ничего больше не делать. Впоследствии они сказали мне выключить телефон, который и так был выключен, – вспоминает Всеволод Зарубин.

После этого, рассказывает Всеволод, его везли некоторое время в автозаке, потом пересадили в милицейскую «Газель» и отвезли в Октябрьской РУВД.

Журналист помнит, что в машине было много людей, девушки сидели на скамейке, парни на полу. На задней стенке висел большой белорусский флаг советского образца – с серпом и молотом. Говорит, не впервые видит на автозаках символику.

– Не знаю, зачем это было сделано, может для пропаганды. Кстати, видел, как в автозаках пол выстилали отобранными у активистов флагами протеста – красно-белыми, и топтались по ним, – говорит журналист.

Правонарушения, которые якобы совершил Всеволод, похоже на то же, которое приписывают многим другим коллегам-журналистам в Беларуси.

Таким образом, по версии правоохранителей, он тоже «участвовал в организованном массовом собрании граждан с целью обсуждения общественно-политических настроений», а после «ответил категорическим отказом» на требование покинуть определенное место. Свою вину Всеволод не признал, но это сейчас там никого не интересует. Суд вынес решение: 15 суток административного ареста. То есть признал его виновным по двум статьям: 23.34 КоАП (Участие в несанкционированных мероприятиях) и 23.4 КоАП (Неподчинение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий).

– Судовые процессы проходили чуть ли не в коридоре, по скайпу. Иногда было много людей, шум, и задержанные даже переспрашивали, что же им присудили. Не слышно было из-за шума и плохой связи.

Кстати, поскольку Всеволод по профессии художник-дизайнер, он сделал несколько зарисовок в тюрьме, где сидел. Он также рассказывает о быте в ней.

– Мы были уже подготовленные: ещё на дому собирали чемоданчик со всем необходимым, чтобы потом не искать ничего. Родным удалось в РОВД передать вещи, это в первую очередь зубная щетка, тёплые вещи.

После суда мы сидели в центре изоляции правонарушителей несколько суток, оттуда уже нас этапировали в СИЗО города Барановичи.

Этапы милиционеры построили таким образом, чтобы нас перемещать в день получения передачек от родных. Наверное, так задумано специально, чтоб создать дискомфорт. Повезло хотя бы в том, что нас задержали в момент затишья, не били, не издевались. Хотя чувствовалось, что в изоляторе на Окрестино к нам относились довольно негативно. Будто мы враги… А в Барановичах условия были хуже, даже аскетические, но отношение лучше, – вспоминает журналист.

Он также вспоминает, как приходилось коротать время пребывая в Барановичах. Даже шутит.

– Знаете, там было отведено целое крыло для таких, как мы. Это были и студенты, и актеры, и бизнесмены, и журналисты. Смеялись, что если

ты побывал в СИЗО, то выйдя оттуда, обязательно откроешь какой-то стартап. Подразумевалось, что во время отсидки человек общается со многими интересными людьми, которые его окружают. Сиделось не скучно. Мы попали в так называемую «волонтерскую хату». Это волонтерская камера, через которую прошло очень много людей. После них осталась большая библиотека: от Донцовой до Кристовского. Я читал там роман последнего – «Петербургские трущобы». В нём как раз много связано с воровским языком «феней». Выходит, мы на нарах учили «феню», – шутит журналист.

Всеволод Зарубин объясняет, что за два месяца до задержания он собирался уволиться. Хотя на самом деле пытался уволиться еще год назад, но сначала помешал коронавирус, позже начались политические волнения в стране. И журналист принял решение остаться в редакции в эти трудные для страны моменты, чтоб работать. К ноябрю его стал поджимать новый работодатель. Всеволод с дня на день собирался закончить работу в журналистике, но закончилось всё отсидкой в тюрьме. Говорит, для него это был важный опыт.

Теперь Всеволод Зарубин перешёл в ИТ-сферу. Смеётся, что ушёл отдохнуть, потому что последние два года выдались тяжёлыми.

– Бесспорно, собираюсь возвращаться обратно в журналистику. Хотя у нас дома были долгие тяжелые разговоры. Я понимал, где работаю и кем. И жена была готова, что меня могут посадить, – говорит Всеволод.

Кстати, он вспоминает отношение общества к журналистам.

– Все эти события, которые у нас происходят, вызывают в аудитории только больше сочувствия и доверия к журналистам. Люди понимают сложность нашей работы, какому колоссальному давлению поддаются независимые СМИ. Да что там говорить: на тех же митингах, при отсутствии Интернета мы могли позвонить в любую квартиру и знали, что нас пустят, дадут Интернетом попользоваться, угостят едой и еще вид из окна покажут, – говорит Всеволод Зарубин.

Назарий Вивчарик

“Протестные Еврозеки, или как попасть в новую Беларусь”.

История Игоря Карнея

Журналиста «Радио Свобода» Игоря Карнея осудили на 10 суток ареста за «активное участие» в «Марше смелых», которые, как он сам рассказал, хоть и пришлось отбывать в тяжелых условиях, но там именно там он убедился: уже скоро белорусы будут жить в Новой свободной стране.

В лапы белорусских «насиловиков», именно так белорусы уже несколько месяцев называют представителей силовых структур, Игорь попал 15 ноября. В этот день в изоляторах и тюрьмах Беларуси вместе с ним оказались еще около тысячи протестующих, вышедших на воскресный митинг. В общей сложности с момента последних президентских выборов в стране через суды и тюрьмы уже прошли более 30 тысяч белорусов.

«Добро пожаловать в ад, суки!»

– «Марш смелых» в Минске превратился в традиционный воскресный хапун. Силовики скручивали всех, кто попадался под руку, – вспоминает Игорь. – Свою операцию по захвату протестующих они начали еще на подступах к проспекту Пушкина, закончив зверской зачисткой импровизированной «Площади перемен». Кто ты по профессии – значения не имело: мели всех, в том числе и журналистов, которых было много.

Фото: Анна Русинова / Belsat.eu

«Добро пожаловать в ад, суки» – смачно проговаривал из прорези балаклавы каратель в черном, швыряя в милицейский пазик очередную жертву.

Заполненный автобус подкатил к автозаку, всех начали перегружать. На входе было несколько бело-красно-белых флагов, которые уже стали грязно-серыми.

– Топчите, падлы! – приказала голова в огромном шлеме.

Игоря вместе с еще тремя мужчинами забросили в вертикальный «пенал» – маленькую клетку внутри автозака, предназначенную для двух человек. В высоту «пенал» меньше двух метров, от силы метр в ширину и полметра глубиной. Минут через 15 мужчину грубо вытащили назад, оторвав половину рукава куртки.

– В освободившуюся нишу забросили двух девушек. С десяток человек поставили на колени в узком проходе, – вспоминает журналист.

– Морды в пол, – а дальше отборный мат из явно ограниченного словаря омоновца. Попытка соседа по локтю обернуться и оглядеться вокруг закончилась плохо – тут же получил десяток «воспитательных» ударов по голове. Следующие полчаса поездки каждый думал о своем…

«Руки вверх – морду вниз»

Журналист оказался в первой партии задержанных, доставленных в Советское РУВД Минска в то воскресенье. Весь следующий час автозаки разгружались еще несколько раз, пока в РУВД не закончилось место для задержанных.

Дальше, по словам Игоря, более сотни «бандитов», и его в том числе, на улице у РУВД поставили лицом к забору и гаражной стене. За спиной стоял отряд милиционеров с автоматами. Так, в положении «руки вверх» задержанные простояли несколько часов.

– Потом поступил приказ вытянуть шнурки с обуви, курток, отстегнуть капюшоны, снять ремни и бросить все это перед собой. Женщина в форме переписала наши личные данные, после чего нас повели в здание оформлять арест ценных вещей – денег, телефонов, часов, ключей от машин и пр.

После чего Игоря и других задержанных снова вернули на улицу и поставили лицом к стене, где они простояли так еще 12 часов! На улице при этом уже было холодно. Брался мороз. Руки затекли.

– Когда при первой возможности я попытался растереть ладони, чтобы хоть немного согреться, тут же услышал в свой адрес: «Что непонятно! Руки вверх!». Далее от вооруженного силовика последовал профессиональный удар в район печени.

Игорь вспоминает, что примерно в 10 часов вечера на середину двора вынесли стол, к которому по одному стали подзывать арестованных, чтобы те по очереди подписали однотипные протоколы а-ля «участвовал в несанкционированном уличном шествии в группе людей, обозначенных бело-красно-белой символикой». Разница в протоколах была только во времени и месте задержании. В остальном – идентичные. Если кто-то говорил, что данные в протоколе совсем не

правильные, ему грубо отвечали: «Суд разберется». А дальше мы снова возвращались к стене.

Когда в соседних домах погасло последнее окно, к РУВД подъехал автозак, на котором задержанных, в том числе и журналиста, повезли в Жодино.

«Всем топтать флаг!»

– Ночной прием в Жодинском изоляторе сердечным назвать сложно, – говорит Игорь. – И все же после 12-часового стояния у стенки пробежка по коридорам-лабиринтам изолятора с руками за спиной ободрила.

На входе в комнату для досмотра бросили бело-красно-белый флаг. Было видно, что трофей этот здесь лежит недавно – еще не замазан. Арестанты отказывались на него ступать, но некоторых умышленно толкали в спину, чтобы те стали на флаг ногами. Нервный досмотрщик постоянно орал матом и грозит всем «организовать протокол и 15 суток сверху».

После процедуры раздевания догола и обыска всего, что было на арестантах, в одних трусах их завели в камеру №13.

– Там уже копошились такие же, как и я, арестованные мужчины в трусах. Всего – 20 человек. Вот только койко-мест -10.

Камера выглядела примерно так: двухъярусные железные шконки без матрасов, посередине – намертво замурованный кривой деревянный стол с металлическими уголками плюс две такие же лавки на шестерых.

Из признаков цивилизации – условно отгороженный сартир со следами фекальной заливы на стенах и умывальник с холодной водой. Все!

Знакомство с сокамерниками показало: традиционно задержан весь срез соврменного белорусского общества: руководитель IT-компании, предприниматели разного калибра, научный сотрудник академинститута, историк, филолог,

студенты – уже отчисленные или под угрозой отчисления…Каждый третий хромает, с подбитым глазом или кривым носом – то есть все, у кого расчет на спринтерские способности потерпел фиаско. Некоторые с метками потенциальных координаторов. Одному омоновцы раскрасили руку, другому на лбу написали «бело-красно-белый».

Усталость берет свое: некоторые без сил падают на железные шконки, кто-то ложится прямо на полу, еще несколько человек засыпают, сидя за столом. Как бы там ни было, но в таком состоянии хотя бы можно не держать руки вверх или за спиной. Круглые сутки горит яркий свет, ночник есть, но его не используют.

Тревожный сон нарушил «баландер», который молча открыл кормушку и просунул туда четыре буханки хлеба и столько же алюминиевых кружек с чаем. Из-под плинтусов на легкий завтрак тут же потянулись местные крысы – сытые и породистые.

«Наличие адвокатов и свидетелей необязательно»

Как вспоминает Игорь, судовый конвейер заработал только во вторник. Притом во всю мощь, потому что без суда через 72 часа всех пришлось бы выпустить. Местных судей уже не хватало, поэтому заседания по скайпу проводили судьи из Крупок, Смолевичей и Червеня. Ноу-хау нового судебного сезона стал отказ от балласта в виде адвокатов и необязательного присутствия свидетелей.

– Тем, кто попадался по административке уже повторно, практически сразу давали 15 суток. Это же касается и милого дополнения в виде статьи 23.4 –«Неповиновение сотруднику правоохранительных органов при выполнении служебных обязанностей». Претензии про

нестыковки в протоколах игнорировались – иногородние судьи попросту не ориентировались в минских локациях. И это я уже молчу про гарантированное право на оборону, – рассказывает журналист.

– Кстати, тогда же услышал про услугу «ускоренный суд». Он для тех, кто полностью признает вину. В этом случае вся процедура так называемого суда от силы занимает минуты три. В таком случае виновный гарантированно получит 7 суток ареста, но обжаловать решение суда уже не сможет.

«Шибкограмотные еврозэки»

По словам журналиста, самым лучшим днем отсидки стала среда. Ведь в этот день принимают передачи от родных. А это 5 килограммов еды и самых необходимых вещей с воли – зубная щетка, станок для бритья, домашние тапочки, сало, лук. В тюремных условиях все это кажется настоящим подарком судьбы.

– Плюс – это единственный шанс понять, что родные знают о том, где именно ты находишься. В остальном – тотальная информационная блокада.

Уже после освобождения Игорь узнал, что письма в СИЗО ему писали многие близкие и знакомые, однако ни одно из них до адресата так и не дошло.

Что касается арестантского быта, то по словам журналиста, то чем-чем, а разнообразием он не отличается.

Фото: Олег Решетняк / Belsat.eu

– Подъем – в 6 утра. Практически сразу в кормушку просовывают порцию перловки или овсянки с липкой слизью. Каждый раз начинается ругня с баландером – тот снова принес мало компота. «Достали уже, еврозэки шибкограмотные!», – выдавал он в ответ и нехотя наливал еще одну кружку компота.

До отбоя себя нужно было чем-то занимать – сидеть на шконках запрещается под угрозой изъятия матрасов. Когда все книжки были перечитаны, просили полистать хотя бы государственную «Советскую Белоруссию», на что слышали «здесь вам не библиотека, бля..». Но оставались песни, душевные разговоры и вера, что скоро все это закончится, а все мы будем жить в новой и свободной Беларуси.

Ольга Ивашенко

“Цинизм с котлетой из костей и гимн Беларуси и под грохот дубинок”.

История Катерины Карпицкой

Журналистка «Нашай Нівы» Катерина Карпицкая, которая отсидела 15 суток ареста просто за то, что она честный журналист, выполняющий свою работу, не забудет эти две недели никогда.

Поработала на марше – попала в милицию

7 ноября Катерина Карпицкая работала на Женском марше, которые в Беларуси с начала акций протестов проходят каждую субботу.

– Если ты живешь в Беларуси, то уже априори должен быть готов к задержанию в любой момент, – рассуждает Катя.– Особенно в 2020 году. Особенно если имеешь отношение к журналистике. И все же я не ожидала, что меня задержат так бездарно.

Как вспоминает девушка, тот митинг был не самым многолюдным. Она успела снять видео задержаний демарша для сайта и вместе с подругами отправилась на автобусную остановку.

– Вот только вместо привычного желтого буса с остановки нас забрал серый – милицейский. Из него вышли трое мужчин в штатском и сказали, что дальше мы должны проехать вместе с ними для «установления личности». Правда тогда мы не знали, что по времени это установление займет 15 суток, и что домой в тот день я так и не попаду.

РУВД и меченные женщины с серебряной краской

Девушек привезли в Московское РУВД, заставили выключить телефоны и не разрешили позвонить близким.

– Перед выключением успела нажать на телефоне только сигнал SOS, – вспоминает Катерина. – С нами было около десяти женщин. Их задержали просто потому, что они несли в руках букеты цветов. Да-да, в Беларуси это уже преступление! Тем, кто все делал медленно, руку помечали серебристой краской. Уже позже нам стало понятно, что всех меченных точно будут судить.

Как рассказала журналистка, большинство задержанных на марше женщин в тот день отпустили после опросов. Оставили только тех, кто не в первый раз проходит по административным делам и… журналистов.

У Катерины Карпицкой забрали все личные вещи, вытянули шнурки из обуви, сообщили, что на ее телефон наложен арест и повезли на Окрестина – в изолятор временного задержания.

– Мою куртку в результате просто потеряли, видимо, не желая тратить силы и время на обрывание с нее шнурков. В следующие несколько недель я провела в одной байке – и на улице, и в камере со сломанным окном.

С подругой журналистку разделили, разместив их на разных этажах ИВС.

– Компания в моей камере была приличная – переводчица с немецкого, инженер, маркетолог и женщина,

которая подралась с братом. Но уже на следующий день – а это воскресенье, когда во время марша ОМОН традиционно выхватывает с улиц сотни и тысячи протестующих – камеры начали освобождать под более «достойных».

Фото: Анна Русинова / Belsat.eu

– А чем кормили?

– В день задержания не обедали и не ужинали. Но и то, что предлагали в дальнейшем, есть было невозможно. К примеру, рыбная котлета — это хлеб и кости от рыбы непонятного вида.

– А условия в камере?

– Представьте, что у вас просто ничего нет – ни личных вещей, ни еды, ни расчесок, ни запасного белья, чтобы заняться стиркой, ни книжек, ни сканвордов – ничего.

Плюс полное незнание всего, что происходит снаружи. Ночной свет горит постоянно и прямо в глаза. Заклеили его с девочками парой прокладок, которые были в карманах. Некоторые натягивали на глаза маску, чтобы хоть немного поспать. Под раковиной постоянно стояла большая лужа – протекала

вода. Но на Окрестина хотя бы тепло. Даже душно. Настолько, что у многих подскакивало давление: даже у меня оно было под 150, хотя обычно давление у меня низкое.

– Медиков к вам пускали?

– Только если долго и упорно стучали в дверь и просили о помощи. Если приходили, то не сразу. Давали пару таблеток аспирина (он там на все случаи жизни) и уходили. Перепроверять состояние через некоторое время никто и не думал. Зато в том изоляторе гендерное неравенство сыграло нам, девочкам, в плюс.

Над девушками издеваются меньше. Зато на парнях срывались, даже если кто-то из них спрашивал, почему не принесли чай. Надзиратель-качок тут же доставал дубину и начинал орать:

— Встали, блядь, пидарасы! Вынесли матрасы сюда ко мне на нахуй, теперь будете спать без них, если такие умные! Чаю им блядь захотелось!

Хотя, конечно, отношение во многом зависит от смены. Бывали и такие надзиратели, которые и пошутить могли.

Лжесвидетели и судьи, которым все равно

Через пару дней задержания начались суды.

– Трех девушек, сидевших вместе со мной, судили за 10 минут. На воскресном марше задержали много людей, и времени, чтобы разбираться подробно с каждым, у судей не нашлось.Признавали они вину или нет, есть ли доказательства невиновности — никого не волновало: всем давали по 15 суток.

Как рассказала Катерина, ее судили в коридоре, по скайпу. Половины того, что говорила судья и свидетели, девушка не слышала.

– Но при этом на меня потратили удивительно много времени, – вспоминает девушка. – Опросили свидетелей, притом

выслушивали так долго, что прошел и обед, и ужин. Правда, это все равно не помогло: потому что против свидетеля под вымышленной фамилией Петрович, утверждающего, что я участвовала в митинге с флагами и лозунгами «Жыве Беларусь!», не попрешь. При этом он якобы не помнил, как я выглядела, путал даты и место задержания, ссылаясь на то, что плохо знает Минск…Но именно его слов судье хватило, чтобы назначить мне 15 суток.

Апогей цинизма и унижений над личностью человека – ЦИП

В центр изоляции правонарушителей (ЦИП), где люди уже находятся в статусе осужденных, Катерину перевели ночью после суда. Девушка вспоминает, как это было:

– Уже был отбой, и поэтому я рискнула постирать носки и трусы, вымыть голову куском хозяйственного мыла, и тут говорят, что меня переводят. Пришлось надеть на себя все мокрое. Переход – и вот я в со своими новыми соседками оказываемся впятером в четырехместной камере. Как оказалось, нам еще повезло: в других таких же камерах сидело по 9 и больше человек. Окно в новой «хате» было сломано: сидели, как в холодильнике. Все просьбы хоть как-то закрыть окно сотрудники игнорировали (сами его прикрыть мы не могли из-за решеток). Белье тоже не дали. Так и легли спать в верхней одежде. А я без – мою ведь куртку потеряли, я только в байке. Всю ночь тряслись от холода и обнимались, чтобы хоть как-то согреться.Окно отремонтировали только перед следующей ночью со словами: «напишите потом, какие мы здесь хорошие».

Утром всем, кто находился в камере, приказали: «Быстро, собираем вещи и на выход!».

– Ничего не ели, идем.

> Увидела одного парня. У него штаны были в крови. Значит, били. Сотрудники над ним ржали: «У тебя что, месячные начались?» А каждому заключенному, кто неправильно смотрел в стенку, говорили примерно такое: «У вас что, блядь, жизнь лишняя?»

Вся эта спешка со сборами нужна была для того, чтобы в минусовую температуру заключенные несколько часов колотились во дворе — даже мужчины в свитерах и куртках не чувствовали пальцев. Один, чтобы я хоть как-то согрелась, отдал мне свою водолазку. Немного помогло.

После 10:00, со слов девушки, задержанных цинично вывезли в автозаках через толпу с родственниками, которые с ночи заняли очередь, чтобы передать передачу. Это был четверг – единственный день приема вещей и продуктов. Вывезти людей, не позволив им получить передачи от родственников, означало, что как минимум всю следующую неделю заключенные снова будут без вещей. На Окрестина этот прием давно стал циничной издевательскаой традицией над задержанными протестующими. Впереди Катерину ожидал ЦИП в Барановичах.

– Пока ехали в Барановичи, нам постоянно сигналили машины в знак поддержки. Кто-то успел захватить кусок хлеба и налить в бутылку из крана воды. А это настоящее сокровище гурманов 23.34 (статья за участие в несанкционированном массовом мероприятии – авт.), а, значит, пускаем ее по кругу. Какой уже тут коронавирус!

Цвет общества на нарах

– В Барановичах нас встретили как звезд: под лай служебных собак проходим по многолюдному коридору славы. Руки за спиной, смотрим в пол. Около 30 женщин,

Фото: Ирина Ареховская / Belsat.eueu

и я в их числе, заталкивают в полуподвальное помещение. Там холодно, стены черные, все в плесени. Железные нары, наверное, еще с дореволюционных времен, когда здание построено. На полу — большая лужа, тянущаяся от санузла. Воняет нечистотами и сигаретами…

Успеваем поделиться одна с другой расческой — хотя бы один раз за пять суток причесаться: у большинства их отобрали еще в РУВД. Распределяем на каждую прокладки — у кого сколько есть. Отказываемся верить, что в таких условиях можно жить.

Но часть женщин в этом трэше и оставляют впоследствии на полдня, скрывая этот факт от проверки. Нас же, после осмотра вещей и пары приседаний в голом виде, переводят в камеру № 95 — там 21 женщина на 19 мест. Среди арестованных — преподавательница МГЛУ, сотрудница филармонии,

пенсионерки, журналистки, студентка, менеджерка отеля, сео-специалистка, учительница, кондитерша, пиарщица, дизайнерша…

У девушек осталась еда с предыдущей передачи — так что мы, благодаря их гостеприимству, впервые за сутки едим орехи и печенье. Мы же приехали хоть и с пустыми руками, зато с более-менее свежими новостями с недавней воли.

Дальше, по словам журналистки, начались почти настоящие зэковские будни. Как в кино.

> – Подъем – в 6:00 под гимн Беларуси, стуки дубинкой по железным дверям и крики «Подъем, блядь!». В таком исполнении мелодия национального гимна приобретает особый градус «патриотизма».

– Боюсь спрашивать, чем кормили в Барановичах…

– Кстати, куда лучше, чем на Окрестина! Там кухня вообще почти домашняя. Меню повторялось по кругу – гороховый суп, овсянка или сечка, щи, перловка, макароны или картошка с чем-то вроде тушенки сверху. На каждый ужин давали одну-две тарелки рыбы на всех — так часто рыбу я не ела никогда.

– А условия?

– Вода из крана только холодная, иногда получалось выклянчить кипятильник и упросить ненадолго включить розетки. Грели ваоду, разводили в бутылках теплую воду с холодной и так по чуть-чуть мылись над самой важной дыркой в полу, которая постоянно забивалась. Зато в Барановичах уже хватало и сканвордов, и книжек, было даже домино и шашки. Играли в «Крокодила», «Мафию», ««Что? Где? Когда?». Пели «Пагоню» и «Перемен». Некоторые, пока не выпустили преподавательниц,

учили итальянский и английский. По памяти вспоминали стихи, записывали, кто-то осваивал фейс-фитнесс.

Ручки не были под запретом, но их постоянно отбирали и не предавали в передачах — все писали только карандашами.

Самым главным событием был приход писем. Вот там да, настоящий праздник. Из писем и узнавали о последних новостях в стране.

Через щель кое-как умудрялись переговариваться с ребятами из соседней камеры. Как-то они шокировали нас тем, что к ним в гости заходила…крыса. Назвали ее Джерри. На самом деле мы настолько скучали по живому, что и сами были бы рады даже Джерри.

На 11-е сутки ареста Катерина попала в душ.

– До нас там мылись зеки, пахло ужасно, но нам уже было плевать на такие вещи. В такие моменты ты просто понимаешь, что у тебя есть примерно 10 минут, чтобы смыть с себя всю гряз и увидеть при лучшем освещении, сколько синяков тебе подарили железные трехъярусные нары.

По словам девушки, самыми долгими оказались последние часы до «звонка».

Фото: Олег Решетняк / Belsat.eu

– Сотрудники СИЗО вспомнили, что я журналистка, и спросили, не было ли мне скучно — у меня же была отличная компания. Компания действительно была хорошая. И все же на свободе все эти люди за две недели смогли бы сделать массу полезных дел для страны. Но эта страна решила изолировать добро.

На свободу Катерина вышла 22 ноября. Вспоминает, что когда узнала, сколько журналистов за это время задержали так же, как и ее, радости от освобождения почти не осталось.

– Читала у Ремарка, что чаще всего полиция задерживает романтиков. Получается, мы, белорусы – романтики на все 300%. Знаете, когда немного замедляешься и смотришь на все происходящее со стороны, кажется, что все это какое-то кино. А потом понимаешь, нет, это не кино. А наша, белорусская реальность, и всем мы в ней сейчас играем главные роли.

Ольга Ивашенко

“Репортаж с руками за спиной”.

История Катерины Андреевой

Полевой репортер телеканала “Белсат” – о задержаниях, “сутках” в изоляторе и готовности рисковать.

Если бы вы попросили вспомнить, когда всё началось именно для меня, я бы сказала: в марте 2017 года, в сырой одиночке оршанского изолятора. Мне было 23 и я только что устроилась корреспондентом на “Белсат”. В Беларуси как раз вспыхнули протесты – сначала требования людей сводились к отмене налога на безработицу, но вскоре на улицы выплеснулось общее недовольство политической системой. Митинги проходили даже в районных центрах – таких, как Орша. Я отправилась туда с оператором вести прямой эфир с митинга на главной площади. Уже к середине дня она заполнилась протестующими. Ближе к концу акции мы решили “сопроводить” одного из оппозиционеров, Павла Северинца, к машине – казалось, что под объективами камер силовики не рискнут его задерживать. Но мы прогадали: взяли и Северинца, и моего оператора. Позволить затолкать моего коллегу в машину и увезти в неизвестном направлении я не могла и начала громко возмущаться. Так я оказалась в местном милицейском участке, а оттуда была переведена в изолятор временного содержания за “неповиновение”.

В ответ на попытку узнать дальнейшую судьбу, надзиратель отчеканил:

“С наступающим днем Конституции!” и захлопнул дверь камеры. Думаю, та ночь помогла мне сделать важный жизненный выбор: готова ли я рисковать свободой ради одного репортажа? Спустя три года я буду спрашивать себя, стоит ли рисковать жизнью.

Обстановка накаляется

Работа на “Белсате” всегда была связана с преследованием со стороны властей. Сколько бы раз я не подавала документы на аккредитацию в МИД, ведомство отказывало без объяснения причин. Впрочем, причину знали обе стороны. В стране, где у государства “монополия” на картинку и не существует одного частного или независимого новостного телеканала, “Белсат” с момента своего появления в 2007 году был non grata. Сегодня в эту категорию режим поместил вообще всех нелояльных журналистов, а наличие аккредитации и журналистского удостоверения перестало спасать от задержаний.

Всё лето 2020 года политическая обстановка в стране стремительно накалялась. К августу она достигла точки кипения. Мы с коллегами готовились к худшему: вспоминали все пройденные курсы по безопасности, закупались бронежилетами (от пуль – правда, только от резиновых, иных в свободном доступе не достать), тактическими очками (от слезоточивого газа), касками и прочими атрибутами репортера в горячей точке.

> Лично мне так и не пришлось надеть бронежилет во время обстрела – убегать гораздо проще налегке.

Ослепительное солнечное утро 9 августа я встретила в приподнятом настроении, в новом костюме, с макияжем и прической.
В течение дня наша съёмочная группа курсировала от одного избирательного участка к другому. Почти везде был полный аншлаг: очереди из желающих проголосовать растянулись на сотни метров. Большинство избирателей пришли с белыми браслетами. Волонтеры подносили людям воду и напитки, ставили стульчики для пожилых, из окон соседних домов гремело “Перемен, мы ждём перемен”...

Прямой эфир “Белсата” с ведущими в студии и включениями из разных точек Беларуси планировался до поздней ночи. К вечеру люди собирались у избирательных участков, чтобы потребовать от комиссий вывесить в окне честный протокол: сколько проголосовало за Светлану Тихановскую.

Мы записывали интервью с наблюдателем на одном из участков в центре города, как внезапно за спиной моего спикера появились автобусы, а из них выскочили бойцы ОМОНа. Финальный стендап записывала уже на бегу.
В Минске уже начали блокировать мобильный интернет, поэтому видео с фрагментом репортажа мы отправляли в редакцию из квартиры незнакомого парня, который просто забежал с нами в подъезд. К слову, пускать журналистов к себе домой станет доброй традицией за следующие месяцы.

Горячая точка – Минск

Спустя полчаса, набрав воздуха в лёгкие и оглядываясь по сторонам, мы вышли на улицу. Предварительные результаты голосования уже были известны: около 80% за Лукашенко. Люди начали стекаться в центр, к стеле Минск-город-герой. Но на полпути огромное людское море развернулось вспять: впереди стоял кордон военных со щитами.

Фото: Oner Peшетняк / Belsat.eu

Ещё через минут двадцать, пробираясь тёмными дворами, мы услышали звуки взрывов. Тёмное августовское небо озаряли бледные вспышки. Они всё приближались, а перед нами стоял трёхметровый забор. Зажав микрофон подмышкой,

я не без труда перелезла через него и побежала к жилым домам через железнодорожные пути. Вдруг из темноты выбежал раненый мужчина, из ноги у него текла кровь, руки дрожали. Он ухватил оператора за жилет с надписью “Пресса” и попросил завести в безопасное место. Неподалеку жили мои друзья. Добравшись до их квартиры, я обработала незнакомцу рану, а он протянул флэшку: “Вот, возьмите, я снял, как человека переехал автозак”.

К четырём утра я оказалась дома и смогла ненадолго уснуть. Всё только начиналось.

В какой-то момент вечером 10 августа на широкой улице Притыцкого остановились все машины. Люди сигналили, включали “Перемен”, а потом вышли на проезжую часть и никуда не собирались уходить. Некоторые поднялись на крыши машин и развернули бело-красно-белые флаги. Тем временем на перекрестке у метро “Пушкинская” протестующие строили баррикады

из рекламных стендов, цветочных клумб, скамеек с террасы “Макдональдса”. Таким образом, с одной стороны от силовиков их должны были защищать баррикады, а с другой – “автомайдан”. Рядом с суровыми парнями в касках стояли совсем юные девушки, завернувшись в национальные флаги. Они раскрасили лица бело-красной краской, пели песни, плели венки.

Фото: Ирина Ареховская

Я записывала интервью с парнями, которые тащили мусорный бак на баррикаду. Воздух над “Пушкинской” был наэлектризован. Перевела камеру телефона на появившиеся вдали мигалки спецтранспорта. “Они ещё далеко”, – успела подумать я и в следующий миг на асфальт рядом прилетело что-то яркое. Белая вспышка. Грохот. Ничего не слышу. Ещё вспышка. Телефон упал на землю. Ноги не слушаются. Каска слишком тяжёлая. С криком “Журналист!” я вбежала в первый открытый подъезд и упала на пол на лестничной клетке среди других людей. Вдруг на этаже открылось дверь: “Сюда, скорее!” Так я познакомилась с Верой и Александром. Пока выходила в эфир “Белсата” по телефону, пригнувшись на балконе, в квартиру внизу выстрелили силовики, послышался звон стекол. Взрывы и стрельба под окнами не утихали еще несколько часов. Мы выключили свет и лежали на полу – человек десять незнакомцев, держась за руки и обливаясь потом. Под утро хозяйка заварила для меня крепкий чай, выдала свой халат и постелила на диване.

Долго проработать в таком режиме физически невозможно, так что на восьмой день протестов я потеряла сознание

на площади Независимости, прямо на митинге, где выступал с трибуны, брызжа слюной, Лукашенко. Очнулась я на руках у крепкого мужчины в штатском, который нёс меня сквозь толпу к машине скорой, а на поясе у него висела рация.

...К концу августа власти начали целенаправленную охоту на журналистов. Выходить работать на улицу в жилетке “Пресса” стало опасно. 27 августа силовики еще до начала акции протеста задержали пятьдесят журналистов и фотографов ведущих негосударственных СМИ.

Большую часть из них тогда всё же отпустили спустя несколько часов, но меня и еще троих коллег оставили на ночь в актовом зале Октябрьского РУВД. Примечательно, что перед задержанными милиционеры выставили угощение: кофе, зефир, печенье, тушенку. И включили видеозапись. “На этом зефире кровь мирных граждан!” – сказал один коллега.

“С момента моего незаконного задержания объявляю голодовку до освобождения”, – добавила я. Утром после суда меня выпустили на свободу, а протокол за “участие в несанкционированной акции” отправили на доработку в милицию.

Холодное утро на Окрестина

“На выход! Лицом к стене, руки на стене ладонями вперед! Снять обувь! Руки за спину!

Крики надзирательницы прогоняют остатки сна. Я стою в коридоре

и смотрю на отвратительный серо-голубой блеск стены. Рядом со мной в той же позе застыли еще четверо женщин разного возраста: младшей 21, хотя выглядит она подростком, старшей – за 50. Ночью она очень волновалась, потому что люди в форме схватили ее дочь – «невысокая такая, короткостриженная после онкологии, вдруг вы видели?»

Через минуту нас снова заводят в камеру. После «шмона» здесь все перевернуто: заново нужно расстилать грязные матрасы, собирать разбросанные прокладки, щетки, салфетки. В пыли на полу лежит маленький игрушечный тигренок, которого мне разрешили пронести с собой.

– Интересно, что они ожидали здесь найти?

– Бог с ними, девочки, давайте чай пить, а то почти остыл. Угощайтесь!

Пока я единственная, до кого дошла передача из дома.

Аромат шоколадного печенья, бережно сложенного мужем в пакетик, попадает в нос и смешивается с вонью туалета – грязно-коричневой дыры в полу. К горлу подступает рвота. Начинается очередное утро на Окрестина.

...Меня задержали вместе с оператором 12 сентября во время прямого эфира с женского марша. Подъехал бусик, выскочил ОМОН – всё по стандартной схеме. Часов пять нас мариновали в участке, пытались разговорить на тему политики и отношения к протестующим.

Оставшись ни с чем, просто перестали обращать внимание и уткнулись в телефоны, ожидая приказа начальства.

В итоге повезли на Окрестина в служебной “Газели” с наглухо задернутыми шторками.
Двое конвойных, оба молодые и румяные, кровь с молоком, искоса поглядывали на меня, как на экзотического зверька. В итоге один из них не выдержал и спросил, почему мне дома не сиделось.
– Вы понимаете, что сейчас все ненавидят милицию? – перевожу тему.
– И за что?
– За то, что люди выходили от вас все синие от побоев.
– А нужно было смотреть, как они бросают коктейли Молотова в сотрудников?!
– Не нагнали бы спецтехники, не стреляли бы на поражение по протестующим – вас бы никто не тронул. Кстати, вы не хотите уволиться из органов? Есть программы поддержки, помогают с деньгами, наверное, даже с жильем...

При слове «жилье» он заинтересованно вскинул брови.
– Что, прямо жилье дадут?

Видимо, сильный фактор.

Мы здесь все вместе

Еда на Окрестина – особое удовольствие. Я глотаю пару ложек вязкой массы, которую тут называют «овсянка», но рвотный рефлекс дает о себе знать. До передачи планирую продержаться на смоченных водой кусочках серого хлеба. Если долго валять во рту мякиш, он кажется сладкими. От слабости тянет на сон. Не замечаю, как проходит время до обеда.

– Уха, девочки, ушичка! У нас сегодня рыбный день! – разносчица еды грохочет мисками в коридоре. Передо мной снова непонятная каша, голубоватая сосиска и ядерная квашеная капуста. Может, через неделю голодовки я и съела бы все подчистую. Пока осилила только капусту. Хотя и она пробыла в желудке недолго. А загадка, откуда у чая

такой странный вкус, раскрылась неожиданно: на дне плавал упитанный муравей.
– А на ужин пить дают? – спрашиваю.
– Бросай пить, хватит уже! – заливисто смеётся разносчица.

Ночью меня перевели в камеру на пятерых, где спальных мест всего четыре. Мне еще повезло: во время массовых задержаний в такую камеру запихивают десятки человек. Я устраиваюсь на одних нарах с Вероникой, она ветеринар. На верхних койках – дизайнер Диана и педагог хорового пения Елизавета. Рядом лежит Татьяна, у которой задержали больную дочь.
– Точнее, первой задержали Вику, а я встала перед автозаком и ни с места – там ведь мой ребенок!

После отбоя никто не спит. Мы говорим всю ночь до рассвета: о политике, о будущем, о наших семьях, о работе, о планах, которым не суждено сбыться в ближайшие дни. Шутим:
– Все это напоминает какую-то больницу.
– Да, только больные здесь – не мы.

Для многих прозвучит странно, но мне было по-журналистски любопытно изучить это ужасное место изнутри. Да, раздеваться догола при досмотре унизительно. Да, матрасы в серых разводах и воняют. Да, пищу невозможно взять в рот. Но каждый раз, когда на глаза наворачивались слёзы отчаяния, утешала мысль: я не одна. Рядом новые подруги, арестанты в соседних камерах – врачи, артисты, спортсмены и мои коллеги-журналисты. Мы здесь все вместе.

Через пару дней, получив от 11 до 13 суток ареста, мои сокамерницы были этапированы в Жодинскую тюрьму.

Утром 15 сентября меня привели на суд по скайпу в соседнем здании ИВС. Свидетели – омоновцы,принимавшие участие в задержании, не явились. Судья Алена Живица быстро ознакомилась с письменными материалами дела, посмотрела фрагмент прямой трансляции женского марша, где было видно, что «неповиновением милиции» с моей стороны и не пахло, и объявила перерыв на 15 минут для принятия решения.

Я просидела на стуле перед экраном ноутбука почти три часа. И только когда судья произнесла “Дело отправить на доработку в РУВД…” не смогла сдержать эмоций и выкрикнула:

“Кто вернет мне три дня жизни?”

***

На самом деле, мне очень повезло. Уже в октябре журналисты редко отделывались тремя сутками, их всё чаще сажали на максимальный срок – 15.

После небольшого отпуска на природе я вернулась в строй. Каждое воскресенье, когда в Минске проходят марши (и брутальные разгоны) мы с оператором садимся в машину и колесим по городу следом за многотысячным потоком демонстрантов. Как правило, разгонять их приезжают бойцы ГУБОПиК в штатском, бронежилетах поверх спортивных курток и с дубинками в руках. Иногда вместо дубинок – обычные деревянные палки. Они громят кафе, где прячутся испуганные люди, врываются в квартиры, задержанных кладут лицом в землю и избивают. Мирных протестующих обстреливают светошумовыми гранатами и резиновыми пулями. Пострадавших от насилия – тысячи. Убитых как минимум восемь. Ни одного уголовного дела на силовиков нет до сих пор.

Зато гражданское общество они косят ежедневно: на данный момент заведено порядка 1000 уголовных дел. Сегодня политзаключенные – это медики, студенты, деятели культуры, подростки, профессиональные спортсмены, обычные прохожие. И, конечно,журналисты. Прямо сейчас за решеткой остаются 17 моих коллег. Некоторые из них были избиты в милицейском участке.

Мне постоянно предлагают уехать за границу, хотя бы временно, переждать опасность в Польше или Литве. В самом деле, как долго я готова продолжать работать в условиях, когда пространство свободы сужается ежечасно? Когда каждый день начинается с новостей об очередных обысках и задержаниях? Не знаю, у меня нет ответа. Но я точно знаю, что

Фото: Олег Решетняк / Belsat.

в Беларуси остаются люди, которые уже четвертый месяц выходят на улицу с бело-красно-белым флагом и цветами. А значит, нужно показать их в эфире “Белсата”.

12 ноября в реанимации, не приходя в сознание, умер 31-летний Роман Бондаренко. Днем ранее его задержали за то, что не позволил силовикам срезать бело-красные ленты в одном из дворов Минска. Полтора часа в РУВД. Скорая привезла уже в коме. Тяжелейшая черепно-мозговая травма, отек мозга. Его просто забили до смерти на глазах у всей страны. За сутки во дворе появился народный мемориал, утопающий в цветах. Люди продолжают нести цветы и готовятся к воскресному “Маршу смелых”. Значит, нужно показать и это в эфире “Белсата”. Вот поэтому я остаюсь. Как говорит одна моя коллега, держимся на священной ярости.

Катерина Андреева

Екатерина Андреева и Дарья Чульцова были арестованы в воскресенье, 15 ноября 2020, на 13 этаже многоэтажки на площади Перемен, откуда они передавали сообщения о подавлении протеста жителей дома, которые защищали место памяти 31-летнего художника Романа Бандаренка, которого там убили несколькими днями ранее. За нарушение ст. 23.34 и 23.4 Кодекса об административных правонарушениях («участие в массовых акциях протеста» и «неповиновение сотруднику милиции”) были наказаны семидневным содержанием под стражей. Впоследствии суд продлил приговор, постановив, что журналистов задержат на два месяца до 20 января 2021 года. На данный момент (середина декабря 2020 года) женщины находятся в следственном изоляторе в Жодино под Минском. Их обвинили в «организации и подготовке деятельности, которая существенно нарушает общественный порядок» (ст. 342, п. 1 Уголовного кодекса), за что, согласно белорусскому законодательству, грозит лишение свободы на срок до трех лет (примечание редактора).

SDP

Polish Association
of Journalists

2020